

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИИ

Сборник научных статей
по докладам XVII Всероссийских Копыловских чтений

НОВОСИБИРСК
2024

ББК 60.524.22я46+60.542.15я46
С692

Рецензент:

*Б. С. Сивирин*ов, д-р социол. наук, профессор Сибирского института
управления – филиала РАНХ и ГС

С692 Социальная онтология России: сборник научных статей по
докладам XVII Всероссийских Копыловских чтений. / под ред.
М. В. Ромма, В. И. Игнатъева, В. Г. Новоселова, Л. Б. Сандако-
вой. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2024. – 272 с.

ISBN 978-5-7782-5199-1

Традиционный сборник научных статей по докладам XVII Всероссийских Копыловских чтений «Социальная онтология России» в рамках Научной сессии НГТУ в марте 2023 года составлен из текстов участников Чтений по проблемам социальной философии, социологии, истории России, культурологии и политологии в предметной области социальных и гуманитарных исследований. Тематикой Чтений являлось бытие российского общества в настоящее время, его исторические корни и культурные традиции.

В сборник включены материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Человек и его будущее в технологической реальности». В работе конференции приняли участие аспиранты и студенты 20 различных вузов России.

Материалы сборника предназначены студентам бакалавриатов, магистратур и аспирантур, а также преподавателям и специалистам социальных и гуманитарных направлений.

ББК 60.524.22я46+60.542.15я46

ISBN 978-5-7782-5199-1

© Коллектив авторов, 2024
© Новосибирский государственный
технический университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Альшевский Э.В. Взаимодействие и развитие предприятий потребительской кооперации путем создания кредитных потребительских кооперативов	7
Вихман В.В., Ромм М.В. Цифровой трек отечественного образования: эволюция технологий	13
Данилкова М.П. К вопросу о гуманитаризации инженерного образования	18
Зайцева Т.И. Внешнеполитический фактор Смуты	24
Игнатьев В.И. Перспектива постчеловеческого транзита: от транссоциальности к альтер- и постсоциальности	31
Котова А.В. Формирование универсальных компетенций у аспирантов	44
Кущенко С.В. О проблеме формализации исторического знания (региональный аспект)	48
Кущенко С.В. Возможна ли синкретическая история?	55
Малов Е.А. Философия в научном и образовательном пространстве, контент-анализ	64
Миндигулова А.А. Социальная трансформация: понятие, подходы, история	72
Моргунов Г.В. Постмодернизм	77
Новоселов В.Г. Искусственный интеллект: философский и юридический аспекты	87
Поздеева Е.Г., Габец П.С. Коммуникации с цифровыми агентами в пространстве развивающейся функциональности	96
Пронер Н.С. Цифровая культура и язык	103
Сандакова Л.Б. Индивидуализм и коллективизм как ценностные ориентиры в современном российском образовании	108
Хандогин Р.В. Первичная онтологизация искусства в контексте объектно-ориентированной философии	116

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ V ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ
И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Аверьянова С.А. Человек в эпоху цифровой реальности.....	120
Апполонова А.Д. Влияние управления персоналом на информационную безопасность компании Ozon в е-коммерции	122
Белый А.П., Усикова Е.И. Научные революции. Теория научных революций Т. Куна	127
Васингина Э.А. Национальная безопасность и вызовы цифровой эпохи	130
Вязовой Ю.А. Цифровое будущее человечества	134
Галиева А.А. Искусственный интеллект и его влияние на жизнь людей.....	138
Гимадиева Г.И. Гуманистический путь прогресса человечества	141
Душина У.С. Коммуникация «человек–машина»: ролевые самопрезентации устройств с искусственным интеллектом	143
Дымнич Е.А., Проскурякова Е.Д., Данилкова М.П. Влияние социальных сетей на межличностное общение	146
Евсеева И.А., Булкина Д.В. Использование компьютерных технологий в медицине будущего.....	149
Емдиханов Р.А. Цифровое будущее человечества: вызовы, тенденции и перспективы	152
Емдиханов Р.А. Применение информационных систем для решения проблем современности	155
Ефимкина А.О. Одежда и одевание как технологии создания личностной идентичности	158
Замалиева А.М. Разработка программного обеспечения для формирования экологической культуры населения	162
Замятин Н.В. Заменит ли виртуальная жизнь реальную?.....	164
Зиятдинова А.Р. Искусственный интеллект как одна из причин безработицы: как ИИ повлияет на рынок труда	169
Канашкина А.В. Оценка характеристик и возможностей графических редакторов.....	172
Карпов М.С. Проблемы отношений между человеком и цифровой реальностью	177

Карпова А.В. Проблема регресса человечества на примере пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19).....	180
Козлов Н.А., Москаленко М.Р. Особенности социально- политического прогнозирования: вопросы изучения с будущими управленцами.....	183
Лучинкин В.Л. Применение нейронных сетей и перспективы их развития.....	185
Майорова Е.С. Формирование инфраструктуры зарядных станций с использованием имитационного моделирования	189
Мироненко А.М. Компьютерные игры сегодня: философское путешествие или развлечение?.....	191
Мисайлова Е.С. Влияние научно-технического прогресса на современное искусство.....	198
Мустахитдинова Ю.А. Разработка телеграм-бота для использования в образовательном процессе	201
Пастухова О.И. Миф в современном обществе.....	205
Петров М.В. Базы данных и их применение для решения проблем современности	207
Плахова Ю.В. Вызовы, осложняющие процесс цифровизации музеев.....	211
Ракунова Е.А., Дымнич Е.А., Данилкова М.П. Человек в условиях цифровых трансформаций	214
Сафина К.И. Виртуальная и дополненная реальность в учебных заведениях	216
Силкина О.Ю. Социально-антропологические последствия цифровизации	219
Сиразева А.Л. Анализ образовательных данных: направление и перспективы применения.....	222
Смага А.А. Высокие технологии как фактор внешней политики Израиля.....	225
Соколов Е.Н. Давление на психику человека мотивационными видео в социальных сетях.....	228
Соколова Е.Н. Проблемы, порождаемые поиском второй половины в интернете	230
Удовыдченко А.С. О начале коммуникации человека с гуманоидными роботами.....	232

Усикова Е.И. Системность и синергетика как парадигмы методологии оценки новых технологий	236
Хафизов М.Р. Этические последствия ответственности инженеров при проектировании медицинских технологий и устройств	240
Хуторцова Е.Р. Технооптимизм в контексте доверия: взгляд молодежи.....	242
Черникова А.А. Этика виртуального пространства в современной коммуникации.....	246
Чубаров Н.А. Использование нейронных сетей в сфере дизайна	249
Шаронина А.С. Парадоксальность отношения к роботам-андроидам	251
Шихова М.А., Данилкова М.П. Человек в мире роботов.....	255
Юсупова Р.И. Искусственный интеллект в медицине: возможности и перспективы	258
Юсупхаджиева А.А. Цифровое будущее человечества	261
Янголь Ю.Г., Евтушенко Н.С. Мировоззренческие основания идеи социального прогресса	265
Сведения об авторах	270

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ПУТЕМ СОЗДАНИЯ КРЕДИТНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ

В настоящее время, многие предприятия потребительской кооперации в РФ испытывают серьезные проблемы с финансированием своей деятельности. В статье рассматривается вопрос создания кредитных потребительских кооперативов, как альтернативный вариант традиционного банковского кредитования хозяйственной деятельности потребительских кооперативов и предприятий малого и среднего бизнеса.

В своей новой статье я попытался развить тему поиска вариантов финансирования текущей деятельности предприятий потребительской кооперации. Этим обусловлена актуальность и новизна моего научного исследования, так как до сих пор, этими предприятиями использовались стандартные пути поиска вариантов финансирования своей текущей деятельности – как банковские, коммерческие, частные кредиты и займы.

Мною рассмотрен вариант финансирования ФХД предприятий потребительской кооперации путем создания кредитных потребительских кооперативов в структуре предприятий потребительской кооперации.

В настоящее время для финансирования своей деятельности потребительские общества используют в большей или меньшей степени заемные источники, что требует соблюдения определенных условий:

- оценки сложившейся в обществе структуры пассивов;
- определения величины платы за пользование заемными источниками;
- соблюдения сроков погашения обязательств.

В статье «Выбор варианта вложения капитала в предприятия потребительской кооперации с учетом рискованности хозяйственных ситуаций» я отметил, что: «Без привлечения заемных средств, в условиях дефицита собственных ресурсов общества будут вынуждены сокращать свою деятельность, что негативно скажется на благосостоянии пайщиков и в конечном итоге может привести к их банкротству. Однако

использование кредитов в качестве основного источника финансирования деятельности приводит к усилению финансовой зависимости потребительского общества и в дальнейшем к невозможности рассчитаться по своим обязательствам. Такая ситуация может привести к банкротству общества как юридического лица».

Также некоторые кредиторы – коммерческие банки ставят разнообразные условия, например, клиент должен жить не дальше определенного расстояния от офиса. Поэтому многим индивидуальным предпринимателям, занимающимся сельским хозяйством в отдаленных районах, очень трудно, а порой просто приходится забыть о кредите.

Компромиссным выходом в сложившейся ситуации может быть создание кредитных потребительских кооперативов (КПК) – это объединение физических или юридических лиц для взаимопомощи в решении финансовых потребностей. КПК объединяет место проживания, сфера деятельности, общественный статус, общие потребности и желание реализовать свои цели. КПК могут создаваться как кассы взаимопомощи и внутри трудовых коллективов, которые организуются для своих сотрудников и предоставляют льготные займы на различные нужды.

КПК представляют собой фонд, созданный предприятиями потребительской кооперации и зарегистрированный как некоммерческая организация. По своей организационно-правовой деятельности КПК является неспециализированной финансово-кредитной организацией (ФКО), которая дает деньги в долг под определенный процент как на деловые, так и на личные нужды, например, чтобы улучшить технику перед сезоном работ, закупить корма, ГСМ и т.п.

Организационно-правовую базу хозяйственной деятельности КПК представляет Федеральный закон от 18.07.2009 № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О кредитной кооперации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.09.2021). Настоящий Федеральный закон определяет правовые, экономические и организационные основы создания и деятельности кредитных потребительских кооперативов различных видов и уровней, союзов (ассоциаций) и иных объединений кредитных потребительских кооперативов.

В соответствии с этим законом зарегистрировать КПК можно как при личном посещении местного управления ФНС, так и при помощи сайта nalog.ru. Для этого необходимо иметь электронную цифровую подпись – аналог для электронной документации.

КПК оказывает услуги по предоставлению займов только своим членам. Все члены имеют равные права и количество голосов при принятии решений вне зависимости от размера пая. При создании КПК все пайщики вносят следующие виды взносов.

1. Вступительный взнос – для каждого нового участника, вступающего в кооператив. Обычно эти деньги покрывают все расходы, связанные, например, с оформлением документов. Такой взнос существует далеко не во всех кооперативах, а в некоторых он и вовсе не превышает 200 рублей.

2. Членский взнос – предназначен для поддержания жизнедеятельности кооператива, например, аренда офиса, канцтовары и т. д. Вносятся суммы тоже небольшие, например, 100 рублей.

3. Пaeвой взнос – именно из этих взносов складывается основной фонд кооператива, который затем идет на кредитные нужды участников. Паевые взносы могут быть как добровольными, так и обязательными. Именно добровольные взносы не ограничены суммой и составляют основу кассы фонда

4. В некоторых КПК существуют дополнительные взносы, если необходимо покрыть убытки сообщества. Но, как правило, разницу от доходов кооператива направляют в так называемый резервный фонд, чтобы перестраховаться от нехватки денег.

Вступление и выход из кредитного союза основан на добровольных началах. Другие пайщики не могут повлиять на решение вступить или выйти из организации. При этом участники имеют право устанавливать определенные правила набора новых партнеров, не соответствующих месту проживания, деятельности, общественному статусу.

В настоящее время КПК зарегистрированы в 81 регионе Российской Федерации, включая Новосибирскую область. Портфель займов КПК остается на стабильном уровне и на 30.06.2021 составил 45,9 млрд рублей. Около 50 % действующих КПК в РФ являются членами саморегулируемых организаций (СРО) [1].

В соответствии с законом № 190-ФЗ, все кредитные кооперативы, кроме кредитных кооперативов второго уровня, обязаны вступить в СРО в течение трех месяцев со дня регистрации с целью контроля их деятельности, а также в целях защиты и представления интересов членов саморегулируемых организаций. Кредитные кооперативы на протяжении своего существования должны быть членами СРО.

Если членство в этой организации прекращается (в результате исключения из членов либо в результате добровольного выхода), кредитный кооператив обязан в течение 3 месяцев со дня прекращения своего членства вступить в другую саморегулируемую организацию. Кооперативы, не вступившие в СРО, не могут привлекать денежные средства членов кредитного кооператива и принимать в кооператив новых членов.

Кредитный кооператив, не являющийся членом СРО, должен быть ликвидирован по требованию государственного органа в случае невступления. Кредитный кооператив не может быть членом нескольких саморегулируемых организаций [2].

В настоящее время на рынке действуют производственные, сельскохозяйственные и потребительские КПК.

Производственные КПК – это вид объединения, который создается с целью общей работы, производственной или хозяйственной деятельности. Каждый участник вносит не только трудовой вклад, но и личный паевой взнос. Участие в таком кооперативе могут принимать и юридические лица. При этом сам кооператив также носит статус юр. лица и становится коммерческой организацией.

Потребительский КПК – это самый популярный вид потребительского кооператива. Он может быть представлен чисто кредитным, торговым, кооперативом сферы услуг и другими непроеизводственными кооперативами.

Сельскохозяйственный КПК – это объединение (артель) производителей сельхозтоваров, а также владельцев подсобного хозяйства. Создается с целью совместной производственной деятельности и поддерживается паевыми взносами. Хозяйственная деятельность регулируется Федеральным законом «О сельскохозяйственной кооперации» № 193-ФЗ. Различают два вида сельскохозяйственных КПК: производственный и потребительский.

Необходимыми условиями функционирования таких КПК являются следующие.

1. Участники обязаны поддерживать кооператив либо личным трудом, либо внесением дополнительного взноса в фонд.
2. Для создания кооператива требуется как минимум пять учредителей.
3. Основа организации – паевой фонд. К моменту регистрации каждый участник обязан внести не менее 10 % паевого взноса.

4. Участник имеет право выйти из кооператива и получить выплаты.
5. Прибыль кооператива распределяется между участниками, в зависимости от внесенного труда каждого из них.

Плюсы создания КПК

1. Возможность развить регион проживания.

Участники вкладывают собственные средства, поэтому они заинтересованы в получении максимальной выгоды от своих вложений, которые в дальнейшем идут на заем. Выгода может исчисляться не только деньгами, но и другими материальными параметрами. Например, закупка нового оборудования приведет к повышению качества продукта. Расширение масштабов производства гарантирует создание новых рабочих мест. Увеличение количества товара создаст рост продаж.

2. Возможность получить деньги от КПК проще, чем в банке.

Единственное требование для получения займа – участие в организации. Проверка кредитной истории, сбор рекомендаций от знакомых и прочее – подобные меры хоть и не регламентированы законом, но могут присутствовать в некоторых кооперативах. Тем не менее шансы получить необходимую сумму от КПК значительно выше, чем в банке.

3. Высокие проценты по вкладам. Для привлечения средств кооперативы устанавливают проценты выше, чем предлагают банки за депозиты. Но это преимущество оборачивается и недостатком. Об этом расскажем чуть ниже.

4. Прозрачность. Кооператив – это ограниченный круг людей. Это упрощает отслеживание перемещения денег и состояния счета фонда.

5. Помощь от единомышленников. Основная суть КПК – получение помощи. Если у вас например, возникли трудности с выплатами, то руководство кооператива пойдет навстречу охотнее, чем банк. Вы можете спокойно договориться о реструктуризации займа и не бояться, что ваш долг передадут коллекторам.

6. Комфортные вложения. Суммы вложений могут быть регламентированы, а могут быть и не установлены, – все зависит от устава объединения. Но, как правило, это посильные взносы, особенно если добровольные.

Минусы организации КПК

1. Высокие проценты по займам. Ранее упоминались высокие проценты по вкладам. Следовательно, и проценты по займам тоже высоки. Например, до 20–30 % годовых.

2. Ответственность лежит на участниках. Так как деятельность кооператива контролируется самими участниками, то и ответственность за убытки и сохранность сбережений лежит на них. Кооперативы не могут рассчитывать на помощь государства, следовательно, у организации должен быть сформирован отдельный запас средств на случай кризисных времен.

3. Вклады не застрахованы – это один из самых больших недостатков в устройстве кооперативов. Деятельность подобных объединений не попадает под защиту Агентства по страхованию вкладов. Поэтому в случае потери денег надеяться на компенсацию не стоит. Также риск потери сбережений высок из-за того, что многие нечестные предприниматели маскируют финансовые пирамиды под деятельность кредитных кооперативов [2].

Таким образом, плюсов при создании КПК, как видно, больше. Поэтому формирование кредитного кооператива может прийти на выручку всем, кто хочет развивать хозяйство. Например, организовать ферму, наладить производство натуральных продуктов или улучшить состояние техники для сельскохозяйственных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тенденции на рынке кредитных потребительских кооперативов в 2021 году : портал. Банка России. – Москва, 2021. – URL: <https://cbr.ru/analytics/microfinance/kpk/2021/>

2. Кредитный потребительский кооператив: что это и как это работает : портал. Совкомблог. – Москва, 2021. – URL: <https://sovcombank.ru/blog/kreditni-kreditnii-potrebitelskii-kooperativ-chto-eto-i-kak-eto-rabotaet>

ЦИФРОВОЙ ТРЕК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Данная статья раскрывает специфику развития образования в фокусе интеграции в него информационных технологий. Вниманию предлагается осмысление четырех ключевых этапов проникновения информационных технологий в образовательную деятельность. Авторами акцентируется, что все перечисленные этапы необходимо отнести исключительно к формированию так называемой локальной образовательной реальности с элементами информатизации. В заключении выдвигается, что следующим за последним, четвертым, этапом следует зарождение сетевой образовательной реальности.

Ключевые слова и словосочетания: отечественное образование, информационные технологии, компьютерная сеть, тренажеры, цифровизация.

Введение

Проблематика интеграции и эффективного применения в отечественном образовании достижений ИТ-индустрии имеет достаточно длительную историю, которую можно разделить на несколько ключевых этапов.

Этап 1 (середина 1980-х и 90-е гг.) – «массовая компьютерная грамотность». Ключевая технология: введение курса «Основы информатики и вычислительной техники».

Первый всплеск пристального внимания к ИТ-технологиям в качестве возможного ресурса модернизации образовательной деятельности связан в истории образования с появлением в 1980-х гг. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР¹ об обеспечении компьютерной

¹ См. об этом подробнее: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 марта 1985 г. № 271 «О мерах по обеспечению компьютерной грамотности учащихся средних учебных заведений и широкого внедрения электронно-вычислительной техники в учебный процесс». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postanovlenie-ot-28-marta-1985-g-271-o-merah-po-obespecheniyu-kompyuternoy-gramotnosti-uchaschihsya-srednih-uchebnyh-zavedeniy-i-shirokogo>.

грамотности молодежи страны. Задача в то время состояла во внедрении «неотложных мер по введению информатики и вычислительной техники в учебный процесс в общеобразовательных школах, средних профессионально-технических училищах и средних специальных учебных заведениях».

В образовательных учреждениях это вызвало реакцию от недовольства и отторжения до осторожного интереса. В первую очередь это было связано с боязнью неизвестного, а во вторую – с отсутствием опыта внедрения и применения IT-технологий у педагогического состава, перед которым была поставлена задача в обучении. Всем образовательным учреждениям вменялась обязанность взять курс на внесение в учебные планы специального учебного предмета «Основы информатики и вычислительной техники». Началась эпоха повсеместного распространения компьютерных технологий в обучении.

Этап 2 (начало 2000-х – 2010 гг.) – «внедрение информатики и компьютерной техники в учебный процесс». Ключевые технологии: терминальный класс, компьютерный класс, локальная вычислительная сеть (ЛВС, LAN), обучающая программа/тренажер.

Этот период ознаменовался значительным ростом интеграции цифровой техники в образовательную сферу. Образовательные учреждения не только стали оснащаться компьютерными классами и лабораториями, но и начали активно использоваться первые обучающие программы, эмуляторы и тренажеры [3, 5]. Учебные заведения имели в своем распоряжении компьютеры, объединенные в собственную локальную вычислительную сеть (ЛВС), чаще ограниченную пределами отдельного класса или образовательного учреждения. Это было обусловлено техническими возможностями подобной компьютерной сети, которая покрывала относительно небольшую территорию или группу корпусов и сооружений (на расстоянии от 2 до 2,5 км). Такие сети носили чаще закрытый характер, и доступ к ним был ограничен коллективом отдельного образовательного учреждения. В некоторых регионах появляются так называемые региональные вычислительные сети (РВС), позволяющие реализовывать удаленную коммуникацию между образовательными организациями (расстояние увеличилось до сотен километров).

Этап 3 (2010–2015 гг.) – «увеличение оснащенности средствами информационных технологий образования». Ключевые технологии:

глобальная вычислительная сеть, дистанционное / электронное обучение.

На этом этапе практически все образовательные учреждения, за исключением ряда расположенных в отдаленных и труднодоступных районах, становятся частью глобального цифрового образовательного пространства. Учебные заведения самого разного уровня приобретают современные устройства (компьютеры, серверы, маршрутизаторы и т.п.) с выходом в глобальную сеть Интернет.

Этап 4 (2015–2020 гг.) – «цифровизация образования, массовое цифровое образование». Ключевые технологии: глобальная вычислительная сеть, дистанционное/электронное обучение, непрерывное / открытое образование, онлайн-курсы (массовые онлайн-курсы), виртуальные лаборатории.

Начиная примерно с 2015 г. (плюс/минус два года по отдельным источникам), сфера образования в нашей стране столкнулась с новым цифровым драйвером. Суть его заключается в отказе от тривиального наполнения образовательных учреждений всеми возможными средствами и благами компьютерных технологий и переходу к новому качеству их применения в образовании. В первую очередь это связано с оснащением образовательных учреждений материально-технической базой хорошего уровнем, а также с возникшей потребностью в поиске инструментария, нацеленного на сокращение разрыва между уровнем наполнения компьютерной техникой и отсутствием соответствующих квалификаций у специалистов, способных на ней работать. Бесспорно, «проникновение ЦТ во все сферы жизни требует от массового работника нового качества образования.

Базовой грамотности, которую формирует сложившаяся система образования, стало недостаточно» [3]. Это ставит образование перед новыми социальными вызовами, на которые оно реагирует своевременным введением в учебную деятельность достижений ИТ-технологий. Ключевым аспектом на этом этапе является согласованное взаимодействие образования и ИТ-технологий, относящихся к свершившейся реальности. Каковы же реалии современного отечественного образования в контексте интеграции в него информационных технологий? Сегодня никого не удивить открытостью и непрерывностью образования, удаленным доступом к любым образовательным ресурсам (образовательным платформам) с онлайн-курсами (в том числе массовым) по самым разнообразным предметным областям и т. д.

Заключение

Осмысляя специфику внедрения информационных технологий в отечественное образование, в рамках настоящей статьи основной акцент делается не на самом факте появления той или иной технологии в образовании, сколько на следующем.

Цифровые или компьютерные технологии на каждом этапе их внедрения в образование побуждали его трансформироваться, иными словами, каждому этапу цифровизации (компьютеризации) всегда соответствует своя уникальная образовательная реальность [7–9]. Все осмысленные этапы интеграции информационных технологий в образование отнесены к локальной образовательной реальности. Но технологии не стоят на месте, они форсированно внедряются, тем самым меняют образование и ту самую реальность в которое оно погружено. В частности, на сегодняшний день очевидно, что сложилась так называемая сетевая образовательная реальность, пришедшая на смену локальной. И уже интеграция цифровых технологий в образование не кажется чем-то необычным, а становится практически нормой. Современное образование оценивается в иных метриках, например, его цифровой зрелостью [2] или же сквозными технологиями [6], в частности технологии-интеграторов – «цифровой двойник» [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vikhman V. V.* “Digital twins” in Education: Prospects and Reality / V. V. Vikhman, M. V. Romm // Higher Education in Russia. – 2021. – Vol. 30, no. 2. – P. 22–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-22-32 (In Russ., abstract in Eng.).
2. *Vikhman V. V.* Evaluating digital maturity of education / V. V. Vikhman, M. V. Romm // Science for Education Today. – 2022. – Vol. 12 (5). – P. 40–56. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2205.03>.
3. *Уваров А. Ю.* Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации / А. Ю. Уваров. – Москва : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2018. – 168 с.
4. *Strokov A.* (2020). Digitalization of education: problems and prospects / A. Strokov // Vestnik of Minin University. 8. 15. 10.26795/2307-1281-2020-8-2-15.
5. *Uvarov A.* (2019). From computer literacy to digital transformation of education / A. Uvarov // Informatics and education. 5-11. 10.32517/0234-0453-2019-34-4-5-11.

6. Вихман В. В. Технологические тенденции Индустрии 4.0 в образовании: навигатор возможностей / В. В. Вихман // Профессиональное образование в современном мире. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 29–36. – DOI: 10.20913/2618-7515-2022-1-4.

7. Himmetoglu B. (2020). Education 4.0: defining the teacher, the student, and the school manager aspects of the revolution / B. Himmetoglu, D. Aydog, C. Bayrak // Turkish Online Journal of Distance Education. IODL, 12-28. – DOI: 10.17718/tojde.770896.

8. Hwang Youngsik. (2019). Adoption of Big Data in Higher Education for Better Institutional Effectiveness / Youngsik Hwang. 2. 31-44. 10.20448/815.21.31.44.

9. Daniel Ben. (2017). Big Data in Higher Education: The Big Picture / Ben Daniel. 10.1007/978-3-319-06520-5_3.

К ВОПРОСУ О ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: статья посвящена одной из актуальных проблем современного профессионального образования, касающейся качества подготовки специалистов технических направлений в условиях новых вызовов. В работе исследуются вопросы активизации процесса гуманитаризации инженерного образования как важнейшего фактора повышения уровня квалификации инженеров нового поколения.

Ключевые слова и словосочетания: инженерное образование, качество подготовки, гуманитаризация образования.

Введение

Актуальность вопросов совершенствования качества высшего профессионального образования вызвана рядом причин. Прежде всего отметим, что геополитическая ситуация последних лет высветила проблемы социально-экономического характера и обострила потребность в высококвалифицированных специалистах технической сферы, особенно в области новейших технологий. Кроме того, выход российских вузов из Болонской образовательной системы вынуждает активизировать процессы реформирования высшей школы с учетом усложненной ситуации. В новых обстоятельствах обновление системы профессионального образования невозможно без опоры на современные образовательные подходы и изменения как содержательной, так и структурной части учебного процесса.

В настоящий момент в системе высшего образования приоритетными становятся вопросы формирования нового поколения специалистов с ценностным мировоззрением, с более широким видением мира, с высоким уровнем не только профессиональных, но и общекультурных компетенций, инженеров новой культуры. В этом контексте целью работы является анализ тенденций процессов углубления и расширения гуманитаризации инженерного образования как факторов повышения качества подготовки технических специалистов.

Методы и материалы

В условиях усиления темпов кардинальных трансформаций, столь характерных для всего комплекса общественных институтов, значительно актуализируются вопросы качества инженерного образования. Особое внимание уделяется проблемам гуманитаризации инженерного образования как потенциального ресурса повышения уровня подготовки специалистов. Несмотря на достаточное большое количество публикаций по данной проблематике, вопросы, связанные с углублением и дальнейшей интеграцией специальных и гуманитарных знаний в учебном процессе, требуют дополнительного анализа [1, 2]. Результаты исследований показывают, что акцент следует сосредоточить на вопросах активизации гуманитарного подхода как инструмента повышения квалификации инженерных кадров, ориентированных на оперативное решение наиболее острых проблем современности.

Методологическим основанием исследования являются работы таких авторов, как М.Д. Щелкунов, И. Пружинин, Т.Г. Щедрина и других. В работе использовались общенаучные и философские методы, такие как анализ, синтез, а также метод сравнения для подтверждения и обоснования основных итогов обсуждения.

Результаты обсуждения

Напомним, что указанные стратегии находятся в поле зрения научной, технической и других видов деятельности, но особая роль все-таки принадлежит профессиональной высшей школе, раскрывающей потенциальные возможности по «взрачиванию» профессиональных кадров для реализации сложнейших задач, связанных с прорывами в области информационных, био- и нанотехнологий. По мнению исследователей, в ближайшем будущем сохранится запрос на подготовку инженерных кадров с высоким уровнем критического мышления и коммуникативных навыков, готовностью к сотрудничеству и творчеству, способностью к самообразованию и высокой социальной ответственностью [3].

Как обеспечить данный социальный запрос и возможно ли сформировать такую систему образования, которая опережала время? Получить ответ на этот вопрос достаточно сложно, но частично спрогнозировать, какие именно навыки пригодятся человеку в будущем, весьма принципиально в профессиональном образовании.

Как уже было сказано, если ранее, еще пару десятков лет назад, основная миссия технических университетов заключалась в подготовке специалистов с высокими профессиональными компетенциями, то в данный момент цели значительно видоизменились. Они включают не только получение профессиональных навыков и умений, но и овладение спектром гуманитарных навыков, поскольку новые вызовы сопряжены с большим риском и могут спровоцировать катастрофические последствия, в том числе стагнацию социальных структур [4]. В силу указанных обстоятельств одна из важнейших проблем современности состоит в выработке и реализации инновационных структурных моделей развития, обеспечивающих устойчивое и безопасное будущее. И здесь роль гуманитарного знания и гуманитарной подготовки трудно переоценить.

Не случайно, что в последнее время в научно-педагогическом сообществе актуализируется обращение к проблемам социально-гуманитарного образования в университетах технического профиля. Ученые настаивают на необходимости интеграции гуманитарных курсов в обновленные образовательные программы, что позволит воспитать творчески и критически мыслящих специалистов нового типа, способных оперативно отвечать на вызовы техногенной социальной среды.

Сегодня остро поднимаются вопросы новых ракурсов образования, связанных с ролью нового знания в отношении инновационных форм обучения. Предметное поле инженерного образования реформируется с учетом происходящих социальных трансформаций, и в ближайшем будущем оно должно обладать такими важными характеристиками, как содержательность, познавательная гибкость, социокультурное взаимодействие и другими.

Как уже отмечалось, проблемный круг обсуждаемой проблематики охватывает комплекс мер по реформированию учебных программ инженерных специальностей, поскольку научный и технический прогресс неразрывно связан с деятельностью инженерно-технических специалистов. С одной стороны, такая потребность продиктована задачами минимизации разрыва между качеством профессионального образования и запросами высокотехнологичного общества, с другой, — детерминирована возрастанием роли этической ответственности в инженерной практике, в связи с преобладанием новейших технологий и высокой степенью их социального воздействия. Последнее иници-

рует активизацию включения этических дисциплин в учебные программы для технических специальностей.

Такая образовательная политика обосновывается многими специалистами ведущих отечественных и международных инженерных корпораций, настаивающих на необходимости встраивания этических дисциплин, как важного компонента, в учебные программы для бакалавриата инженерных направлений. В эпоху технологических прорывов именно инженерный корпус выступает в качестве проектировщиков и разработчиков современных технологий, а функционирование и состояние инженерной деятельности определяет вектор новых будущих стратегий развития и обновления общественных отношений в целом.

В новых социальных условиях значимость инженерной этики, отражающей конкретные этические проблемы, возникающие в связи с нанотехнологиями и новейшими разработками в электронике, робототехнике, медицине и других сферах, ощущается особенно остро. Так, например, ведущие вузы страны, отвечая на требования общества, акцентируют внимание на инженерной этике, в частности существенно расширяют профессиональную подготовку преподавателей, специалистов в области профессиональной этики и исследуют условия и возможности более широкого интегрирования этических дисциплин в учебный процесс [5].

Кроме того, включение этических дисциплин в учебные программы инженерных специальностей, таких как, «Инженерная этика», «Профессиональная этика», «Основы делового этикета», «Этика науки» и других, в рамках которых обсуждаются вопросы профессиональной этики и личной ответственности будущих специалистов, рассматривается как важная составляющая дальнейшего процесса реформирования инженерного образования в сторону его гуманитаризации. Основная цель таких мер – изменение мировоззренческих позиций обучающихся относительно профессиональной деятельности, в том числе осуществление перехода от технократического мышления к ценностному, формирующему гуманистическое отношение к окружающему миру.

И еще один важный момент обсуждаемой темы. Речь идет о необходимости широкого вовлечения будущих инженеров в исследовательские проекты разного уровня, способствующие практическому освоению полученных компетенций в процессе гуманитарной подго-

товки. Достойным примером таких мероприятий становятся различные проекты, в том числе и конференции, в которых раскрываются личностные качества и творческий потенциал студентов. Так, в НГТУ ежегодно, уже в течение пяти лет, проводится Всероссийская научно-практическая конференция «Человек и его будущее в технологической реальности». Активное участие в ней принимают студенты, магистранты и аспиранты технических направлений, интересующиеся философскими аспектами бытия человека в усложненном технологическом мире [6]. Реализация таких инициатив в университете способствует не только выявлению творческих способностей будущих технических специалистов, но и создает условия для формирования новой инженерной культуры.

Заключение

Итак, резюмируя, подчеркнем, что в ситуации обострения новых вызовов в динамично меняющемся высокотехнологичном мире ключевыми задачами, стоящими перед высшей профессиональной школой в вопросах усиления гуманитарной составляющей инженерной подготовки, становятся следующие. Во-первых, тренд на углубление интеграции специальных и гуманитарных дисциплин в учебном процессе; во-вторых, создание культурной образовательной среды посредством включения новых образовательных технологий и ресурсов; в-третьих, возрождение воспитательной функции образования в контексте новых социально-культурных трендов.

Успешная реализация обозначенных задач гарантирует формирование нового поколения высококвалифицированных специалистов, уверенно смотрящих в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пружинин Б. И. Культурные смыслы образования и медиамир / Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина // Вопросы философии. – 2020. – № 5. – С. 99–102. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-98-102.
2. Щелкунов М. Д. Университеты перед лицом глобальных вызовов: российский путь / М. Д. Щелкунов // Поиск. Альтернативы. Выбор. – 2016. – № 3. – С. 48–54
3. Данилкова М. П. Формирование общекультурных компетенций в техническом университете: продолжение дискуссий / М. П. Данилкова // Вестник

ОмПГУ Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3(36). – С. 158–162. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-36-158-162

4. *Спиридонова Е. А.* О неоднозначности последствий реформ в высшей школе России / Е. А. Спиридонова // Высшее образование в России. – 2017. – № 208 (1). – С. 25–34.

5. *Блинов А. М.* Инженерная этика и компетенции выпускников вузов / А. М. Блинов, Е. Н. Овчинникова, О. С. Быкова // Инженерное образование. – 2018. – Вып. 23. – С. 169–175.

6. Социальная онтология России: сборник научных статей по докладам XIV Всероссийских Копыловских чтений / под ред. М. А. Ромма, В. И. Игнатьева, В. Г. Новоселова, Л. Б. Сандаковой. – Новосибирск : Изд-во НГТУ. 2021. – 536 с.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР СМУТЫ

Аннотация. Данная статья посвящена сложным отношениям между Россией и Речью Посполитой накануне и в период Смуты. В статье раскрываются политическая подоплека и ключевой мотив вмешательства короля Речи Посполитой в дела Московского государства.

Ключевые слова и словосочетания: Смута, Ливония, Речь Посполитая, Сигизмунд III, Б. Годунов.

Современные историки рассматривают Смуту как первую гражданскую войну в истории России. Это был глубокий внутренний конфликт, уходящий своими корнями в XVI век, при этом осложненный иностранным вмешательством, прежде всего со стороны Речи Посполитой, что привело к его затягиванию и обострению. Возникает вопрос: каковы причины этого вмешательства, почему польский король проявлял такой интерес к внутренним делам соседнего государства? На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, памятуя о сложных отношениях России с Речью Посполитой и Швецией, вчерашних врагах России по Ливонской войне. Но дело в том, что именно накануне Смуты, с момента вступления Б. Годунова на российский престол в отношениях двух стран после долгого противостояния начинает происходить потепление, более того, ведутся переговоры о вечном мире, обсуждается даже уния между Россией и Речью Посполитой.

С чем был связан столь радикальный поворот в отношениях? Здесь следует напомнить, что Годунов, по словам С.М. Соловьева, унаследовал внешнеполитический курс И. Грозного, стремление России утвердиться на прибалтийском побережье [4]. Проигрыш в Ливонской войне отодвинул Россию от Балтики еще дальше, чем она была до войны. Захваченная Грозным в начале войны Ливония была утрачена: по итогам этой войны территорию Ливонии разделили Речь Посполитая, Дания и Швеция. Между Речью Посполитой и Швецией началось соперничество за контроль над Прибалтикой. Первоначально земли, составлявшие Ливонскую конфедерацию, в значительной степени контролировались Речью Посполитой. Когда началось правление Б. Годунова, Швеция и Речь Посполитая находились в состоянии открытого

противостояния друг с другом. Наряду с соперничеством за Прибалтику отношения этих двух стран были осложнены борьбой за трон.

Здесь необходимо обратиться к предыстории этой вражды, так как она поможет нам разобраться в развитии дальнейших событий. Истоки этого конфликта восходят к событиям XVI века, к царствованию шведского короля Эрика XIV, который был низложен как тиран в 1569 г. Бунт против него возглавили его младшие братья: Юхан и Карл. После отстранения Эрика на трон взошел Юхан, ставший править как Юхан III. (Сын низвергнутого короля принц Густав как потенциальный соперник при этом был выслан из страны). В 1587 году на трон Речи Посполитой был избран сын Юхана III Сигизмунд III, который после смерти своего отца должен был унаследовать шведский трон. Возникла перспектива союза двух государств, возглавляемого одним королем, но этому воспротивился брат Юхана III, дядя Сигизмунда III – Карл, который также претендовал на шведский трон, в итоге его захвативший. Так началась война между дядей и племянником.

Таким образом война между Речью Посполитой и Швецией снимала угрозу союза этих двух стран, опасного для России и благоприятствовала внешнеполитическим планам Б. Годунова. В этой ситуации Годунов, отдающий предпочтение дипломатии, хотел добиться своих внешнеполитических целей путем отказа от прямой конфронтации, балансируя между Швецией и Речью Посполитой: угрожая Швеции союзом с Речью Посполитой, а Речи Посполитой – союзом со Швецией. В феврале 1599 г. в Литву было отправлено русское посольство, в посольской грамоте сообщалось не только о восшествии на престол Б. Годунова, но и была продемонстрирована, – по словам современного историка В.Н. Козлякова, одного из ведущих специалистов по истории России XVII в., – готовность к миру с Речью Посполитой во имя более высокой цели защиты христианства, обосновывая это тем, что оба государства «одной веры», «одного языка», а их подданные «от одного народа славянского идут». Таким образом, – делает вывод исследователь, – Россия готова была пойти на изменение своей западной политики и подключиться к антиосманскому союзу христианских стран (этот вопрос о союзе христианских государств против Османской империи уже давно обсуждался со священной Римской империей. Россия и до этого помогала цесарю Рудольфу – императору Священной Римской империи субсидиями на ведение войны с турецким султаном) [3, с. 234].

Новации во внешней политике России, связанные со вступлением на престол Годунова, сразу оценили в Речи Посполитой. Ответное посольство во главе с канцлером Великого княжества Литовского Львом Сапегой, опасаясь возможного союза России со Швецией, привезло в Москву предложения о заключении вечного мира. В Речи Посполитой дали инструкцию своим послам договариваться о полном, династическом союзе с Московским государством. Между двумя государствами могла бы сложиться даже уния, – подчеркивает В. Козляков, – потому что при заключении договора обсуждалась возможность коронации потомков короля Сигизмунда III на Московское государство и потомков Бориса Годунова в Речи Посполитой. В случае если бы в Польше и Литве избрали государя из московской династии, он должен был проводить там два года, а третий посвящать делам в Москве. Для подкрепления союза предлагалось изготовить две короны: одну послы Речи Посполитой должны были возлагать на русского царя, а другую московские послы – на короля. [3, с. 236].

В ходе переговоров выявилось немало спорных вопросов. Одной из острых тем была проблема титулов: царский титул российского государя в Речи Посполитой не признавали, но при этом послы утверждали, что титул будет признан после подписания вечного мира, с другой стороны, в Москве не признавали Сигизмунда в качестве шведского короля, хотя он сам официально носил титул не только польского короля, но и шведского. Резкое неприятие российской стороны вызывала возможность свободного проникновения католицизма в Россию, связанного с предложением литовско-польской стороны строить костелы и школы для тех подданных короля, кто намеревался служить в России. Камнем преткновения стал поднятый Россией вопрос о давно утраченной Ливонии, которую российская сторона рассматривала как вотчину российских государей, начиная с Ярослава Мудрого.

В конечном итоге результатом тогдашних переговоров стало заключение не «вечного мира», а подписание перемирия на двадцать лет, которое произошло 1 марта 1601 г. Отсчет нового перемирия шел от того момента, когда истекало прежнее, т. е. с 15 августа 1602 года до 15 августа 1622 года. И хотя польской стороне не удалось добиться вечного мира, достигнутое перемирие, – подчеркивает Козляков, – рассматривалось как большой дипломатический успех [3, с. 238], поскольку в его достижении была в большей степени заинтересована именно польская сторона, желавшая избежать войны на два фронта.

Об этом свидетельствует и стоическая выдержка польских дипломатов, которых российская сторона продержала в Москве более полугода. С.М. Соловьев объяснял данную намеренную задержку ожиданием шведской делегации [4].

Советские историки считали, что Лжедмитрий I был ставленником правящих кругов Речи Посполитой, которые якобы использовали его для скрытой интервенции против России. Новейшие исследования историков показали несостоятельность данной гипотезы. Польско-литовские магнаты и шляхта были заинтересованы в сохранении перемирия с Россией. Именно поэтому высший орган власти в стране – сейм категорически запретил королю Сигизмунду III помогать самозванцу. Сам же король, как известно, проявил большой интерес к самозванцу, приняв его в марте 1604 г. В результате протокольная встреча польского короля с «царевичем Дмитрием» не принесла конкретных результатов. Король выжидал, избегая осложнений в случае вполне вероятной неудачи претендента.

В итоге Сигизмунд III, не помешав Мнишеку готовиться к походу, не оказал ему официальной поддержки. Все военное предприятие было делом частной инициативы князей Вишневецких и Ю. Мнишека. Польский историк Иероним Граля подчеркивает, что когда самозванец пошел походом на Москву, на «голову короля и тех немногих польских политиков, которые его поддерживали, обрушился вал критики... Шляхта в большинстве своем выступила против этой акции. Дворяне Великой Польши попросту требовали казнить тех, кто нарушает заключенные с Россией договоренности» [1, с. 47]. Отсюда возникает вопрос: чем были вызваны такой интерес со стороны Сигизмунда III и его негласная поддержка самозванца, несмотря на позицию сейма? Здесь важно подчеркнуть, что Сигизмунд III был всецело поглощен идеей завладеть шведским тронem, который он считал похищенным своим дядей – шведским королем, из-за чего началась настоящая война. В этой связи необходимо напомнить, что шведский принц Густав, изгнанный из родной страны, прямой конкурент Сигизмунда в правах на шведский престол, был приглашен в Россию [2, 4]. В 1599 году он приехал в Москву. Торжественная встреча принца была подробно отражена в документах того времени: Разрядных книгах, где он представлен как несчастный скиталец, обиженный Сигизмундом и Карлом и нашедший приют под крылом московского царя.

Следует отметить, что Годунов использовал отношения со шведским принцем Густавом в качестве козырной карты на переговорах с Речью Посполитой. Чтобы надавить на польского короля в надежде на то, что тот уступит России польские ливонские владения или их часть, польских послов специально провозили мимо дома, где тогда проживал соперник Сигизмунда в правах на шведский престол. Кроме того, Годунов также хотел выдать за шведского принца свою дочь Ксению [4]. В итоге брак не состоялся: прежде всего из-за категорического нежелания шведского принца менять веру. Поэтому царь Борис стал искать женихов для дочери в других странах, но при этом шведского принца оставили в России, отдав ему вначале Калугу в удел, а потом переселив его в Углич.

«Приезд шведского королевича в Московское государство был прямым вызовом королю Речи Посполитой Сигизмунду III Вазе», — замечает В.Н. Козляков [2, с. 46]. Присутствие Густава в России тот рассматривал как угрозу для себя, поэтому присланный им посол литовский канцлер Лев Сапега, приехавший осенью 1600 г. в Москву для заключения мирного договора, должен был, помимо прочего, договориться и о судьбе королевича. На фоне политических игр, которые вел Б. Годунов, становится более понятным поведение Сигизмунда III и его негласная поддержка самозванца как его ответный ход или симметричный ответ на действия и планы московского царя, дабы не дать им осуществиться, используя Лжедмитрия для дестабилизации обстановки в России.

Что касается обвинений в адрес Речи Посполитой о ее причастности к появлению Лжедмитрия II, то современные историки обращают внимание на то, что в тот момент польское правительство не могло ни пресечь, ни поддержать действия Лжедмитрия II. Дело в том, что в Речи Посполитой начался мятеж шляхты против короля – рокош Зебжидовского в 1606 г. [5, 6]. Польскому королю, занятому его подавлением, было явно не до вмешательства в московские дела. Участники рокоша, которые после подавления мятежа вынуждены были решать вопрос своей дальнейшей судьбы, впоследствии составят значительную силу в войске Лжедмитрия II, от которых король был рад избавиться. В условиях углубляющейся гражданской войны царь В. Шуйский, не справляющийся с ситуацией, в 1609 г. заключает договор со Швецией, находившейся в состоянии войны с Речью Посполитой, по которому в обмен на уступленную Корельскую волость шведы оказы-

вали военную помощь московскому государю для борьбы с силами Лжедмитрия. Обращение за военной помощью к тогдашнему врагу Речи Посполитой и сопернику короля Сигизмунда на шведский престол, которого тот, представитель шведской династии Ваза, считал узурпатором, занявшим его наследственный трон, было расценено Сигизмундом как «смертельное оскорбление», по словам В.Н. Козлякова [2, с. 258]. Поэтому эта акция послужила поводом к войне против России для короля Речи Посполитой. Осенью 1609 г. польские войска осадили Смоленск.

Дело не только в том, что данный договор нарушал прежние договоренности с Россией, а также в том, что согласно польским историкам, возобладала точка зрения, что ключ от победы над Швецией надо искать в России. Успех на русском направлении позволил бы бросить против шведов гораздо большие силы, и удара с двух сторон – из Речи Посполитой и из России Швеция бы наверняка не выдержала. Польский историк И. Граля подчеркивает: «Для Сигизмунда, представителя шведской династии Ваза, важнее всего был шведский престол, а не мираж московского царского трона. Россия была лишь средством овладения вожделенной шведской короной» [1, с. 45]. Польский король также нуждался в крупной победе, с помощью которой рассчитывал укрепить свои позиции внутри страны, полагая, что в России, ослабленной гражданской войной, он не встретит серьезное сопротивление. Однако жители города во главе с воеводой М. Шеиным в течение почти двух лет оказывали упорное сопротивление, сковав польские силы. Смоленск падет в начале июня 1611 г. Он на несколько десятилетий снова войдет в состав Речи Посполитой. Крайне ослабленная гражданской войной Россия по Деулинскому перемирию с Речью Посполитой вынуждена будет смириться и с временной утратой также Чернигово-Северских земель. В результате этих территориальных приращений Речь Посполитая тогда достигла максимальных размеров своей территории.

Но в долговременной перспективе выиграет Россия, а Речь Посполитая проиграет. Надежды Сигизмунда III на победу над Швецией не оправдались: ему так и не удастся овладеть шведским престолом, хотя он будет воевать со Швецией всю оставшуюся жизнь, войны с которой продолжит затем его сын, закончившиеся поражением для страны. Стремление Сигизмунда III утвердиться на шведском троне превратилось для него в фикс-идею. Этой задаче он подчинил полностью поли-

тику Речи Посполитой, мало думая о ее собственных интересах, сильно истощив тем самым ресурсы государства. Поэтому ряд историков именно его считает виновником дальнейшего чудовищного упадка Речи Посполитой, в результате которого во второй половине XVII в. закончился ее золотой век, а к концу следующего века она вообще исчезнет с политической карты Европы. В то время как Россия во второй половине XVII в. вернет утраченные в Смуту территории, отвоеует у Речи Посполитой Левобережную Украину, укрепит свои позиции на международной арене, превратившись в XVIII в. в одну из великих держав.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граля И.* Код Речи Посполитой / И. Граля // Родина. – 2005. – № 11. – С. 45–49.
2. *Козляков В. Н.* Смута в России. XVII в. / В. Н. Козляков. – Москва : Омега, 2007.
3. *Козляков В. Н.* Б. Годунов. Трагедия о добром царе. Серия «ЖЗЛ» / В. Н. Козляков. – Москва : Молодая гвардия, 2011.
4. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Царствование Б. Годунова / С. М. Соловьев. – URL: <https://www.sites.google.com/site/hazarskijinformograf/home/hazarskaa-biblioteka/a-bibliografia-na-sajte/soloveev-s-m-istoria-rossii-oglavlenie-i-soderzanie/soloveev-s-m-tom-8/soloveev-s-m-tom-8-gl-1> (дата обращения: 25.04.2023).
5. *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество / Б. Н. Флоря. – Москва : Индрик, 2005.
6. *Флоря Б.* Бунт окраин против центра / Б. Флоря // Родина. – 2005. – № 11. – С. 48–52.

ПЕРСПЕКТИВА ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: ОТ ТРАНССОЦИАЛЬНОСТИ К АЛЬТЕР- И ПОСТСОЦИАЛЬНОСТИ

Аннотация. Обсуждается вопрос об обоснованности изучения предпосылок такой вероятной формы жизни как постсоциального существования. Представлена логика рассмотрения движения от человеческой социальности к транссоциальности опосредовано через этап появления агентов нового вида – транчеловека и постчеловека. Выявлена базовая характеристика инварианта социальности, открывающая перспективу ее преодоления и выхода на стадию постсоциальности путем элиминирования непосредственных контактов между агентами. Дается авторское описание инвариантного механизма социальности, выявлен базовый признак постсоциальности.

Ключевые слова и словосочетания: постсоциальность, транссоциальность, постчеловек, альтерсоциум, постчеловеческий транзит.

Проблема постсоциального транзита

К чему ведет проект «трансгуманизм»? Он ведет к обществу иного, альтернативного типа, состоящему из других людей – транс-модифицированных, улучшенных и усиленных «сверхчеловеков», которые благодаря изменению потенциала и функций своей телесности превращаются в новый подвид *Homo sapiens*, его следующую эволюционную ступень – *Homo Sapiens Artificial* (HSA). Это уже транчеловек, но еще не постчеловек, поскольку его субстрат сохраняет базовые качества нашего вида – естественно возникшие сознание и целеполагающую и созидующую активность. Содержание нового субстрата Номо влияет на рождение новых принципов совместной жизни, *воздействуя на трансформацию социальных норм, ценностей, смыслов индивидуального и коллективного существования, на способы коммуникаций.* Но это влияние происходит через взаимодействие с другим новым агентом социальности – с искусственным субстратом – машиной с искусственным интеллектом (ИИ). Их взаимодействие рождает новый тип социума с новой гибридной морфологией, включающей HSA и машины с ИИ. В итоге проект «трансгуманизм» эволюционирует в проект «транссоциальность». При этом продолжает самостоятельно

формироваться и распространяться и иная форма социальности – социальность биотехномодифицированных человеческих индивидов – биотехнохакеров. Это уже общество альтер-социальное – с иной социальностью.

Возможно, нельзя исключать и такой невероятный, казалось бы, сценарий, когда при движении к точке сингулярности общество превращается в постсоциальное как не-социальное. Этот сценарий предполагает проверку гипотезы о возможности сосуществования агентов на принципах отличных от социальных. Но как это возможно, ведь имеет место лишь дуальная оппозиция: 1) социальность агентов поддерживается их *взаимной* ориентацией, либо же 2) при ее исчезновении социальность становится невозможной. И чем взаимность может быть заменена для продолжения или реинкарнации координации, но уже в новом качестве, и каким образом, чтобы согласованные действия не исчезали? Возможно лишь два варианта: либо в каких-то социальных формах через неизвестные способы взаимных ориентаций и согласований, либо же в результате индивидуально и независимо принимаемых решений совершенно в другом режиме обработки информации, анализа ситуации и скорости принятия решений. Скорости, восприятие которой будет недоступно второму агенту, который будет вынужден принимать лишь результат решения первого. Кем может быть этот агент с человеконесоразмерными скоростными характеристиками? При современном уровне технологий на его роль может претендовать лишь ИИ. Сформулирую вопрос иначе: возможны ли скоординированные действия без установки и ориентации на Другого, без ее ожидания и координации, возникновения смыслов действий и осмысления ситуации, отсутствия в этих смыслах образа учета Другого. Необходимо ответить на вопрос: в чем состоит инвариант социальности? Это позволит приблизиться к ответу на вопрос: возможна ли постсоциальность?

Если постсоциальность возможна – то после чего?

Предположение об уже возникающих «постсоциальных отношениях» высказал В.В.Радаев [9, с. 16]. В качестве основания такого утверждения он указывает на существующее в теоретической социологии, прежде всего в ее версии, примыкающей к акторно-сетевой теории,

выделение и исследование участия материальных объектов в качестве действующих единиц социальных отношений [6]. На необходимость особого видения социальных отношений как постсоциальных форм, в которые включены неживые предметы, обратили внимание К. Кнорр-Цетина и У. Брюггер: «Наплыв объектных миров ведет к трансформации модели связей между людьми, которую можно обозначить понятием постсоциальных форм. Эти формы включают объектные отношения, в которых объектами выступают неживые предметы» [5, с. 445–468]. Полагаю, что отсылка к факту появления особых предметов в качестве объектов, выполняющих некоторые функции социальных агентов, недостаточна для признания возникающих форм взаимодействия постсоциальными. Такого рода «постсоциальные» отношения остаются все же социальными, поскольку их «кодирование» опирается на тот же принцип нормативной регуляции взаимодействий. Действительно, в этот код вмещивается *искусственный* интеллект и основанные на нем интеллектуальные машины: боты, промышленные, сервисные и социальные роботы. Как отмечает В.В.Радаев, «В этом компьютеризированном мире социальные отношения превращаются в код, и возвращаются к людям уже после прохождения через фильтр машинных алгоритмов» [9, с. 17]. Но все же нет оснований категорически утверждать, что при этом исчезают признаки социальности. «Превращение в код и прохождение через фильтр» (Радаев) – процедуры, не отменяющие поддержания механизма оценки ситуации и выбора способа реагирования. Меняются лишь некоторые аспекты этого механизма и аппаратная, а не биологическая «начинка». Тем самым социальность продолжает воспроизводиться, хотя и на ином гибридном основании. Поэтому присвоение социальным (тоже) отношениям в компьютеризированном мире обозначения *постсоциальных* представляется не релевантным. Даже если появляются «трансформированные связи между людьми» (Кнорр-Цетина и Брюггер), то они не перестают быть *тоже*, *хотя уже и другими* социальными.

Органичность социальности человеческих сообществ

Текст, в котором было употреблено понятие постсоциальность, становится поводом вновь обратиться к одной из тем теоретической социологии, казалось бы, уже в значительной степени завершенных

для интенсивной полемики: о содержании понятия социальности и закреплении его как категории наук о совместной жизни людей. Социальность традиционно понимается как свойство (эффект), возникающее в результате взаимодействия индивидов (см. напр., у П.А. Сорокина). В расширенном толковании социальность отождествляется с социальной *жизнью людей*, как оппозицией жизни других существ. В собственно социологической традиции социальность определяется как особый способ регуляции взаимодействий, присущий лишь человеческим сообществам. В классических теориях этот способ фиксируется как процедуры сопряжения взаимных ожиданий. Но социальность часто (особенно в философии и социальной антропологии) представляют как особое качество активности индивида, взятой со стороны его *поведения как отдельного* представителя сообщества, демонстрирующего «личностные формы социальной жизни». Как пишет В.М. Розин, «личностная форма социальной жизни, как и основная, социума задается на схемах, которые можно назвать “приватными”... “жизненными сценариями личности”» [10, с. 251]. Социальность при таком рассмотрении представлена двумя сценариями, первый из которых пишется сообществом, а второй формируется как приватные схемы в процессе семиотического и психологического конструирования [10, там же]. По образному замечанию П. Бергера, «общество находится не только “вне”, но и “внутри” нас: как часть нашего внутреннего бытия» [1, с. 180]. Одно из толкований социальности, получившее широкое распространение в социологии, можно представить следующим образом: социальность – это свойство *субстратов отдельных (и каждого из) индивидов (их жизненных сил)*, как агентов особого рода, реализуемое в их совместной жизни через взаимодействия, и порождающее то, что называют *социальной жизнью*. При таком подходе рассмотрение специфики самого механизма интеракции через согласования отодвигается на второй план, а социальность определяется как *социальные качества индивида*, а не как свойства, возникающие при взаимодействии индивидов в процессе особого способа воспроизводства стабильного взаимодействия их множества.

Впрочем, такая интерпретация социальности, но уже в структурно-функциональной парадигме теоретического конструирования общества *как социальной системы* была получена в работах Т. Парсонса, и представлена в виде системы коммуникаций у Н. Лумана и коммуникативной деятельности у Ю. Хабермаса. При этом ожидания

индивидов представлены не столько как продукты состоявшихся согласований, и не продукты практик, и не состояния, а действующие, постоянно активированные процедуры. Именно в интеракциях постоянно находится в действии *механизм проверки ожиданий*, т. е. всякий раз заново строится модель ситуации. Механизм такой «структуриации» (Гидденс) нельзя остановить, не остановив саму социальную жизнь («реляционность» у П. Донати и М. Арчер). Социальность, прежде всего, есть *механизм воспроизводства согласований* взаимодействий. Для прояснения сути социального Н. Флигстин и Д. Макадам вводят понятие «экзистенциальная функция социального» (ЭФС), отражающее качество, которое порождает социальные навыки [11, с. 95]. ЭФС – это обеспечение членов группы специфическими коллективными идентичностями и взаимно разделяемыми представлениями о мире [11, с. 98–99]. «В целом результативность любого совместного экзистенциального проекта основана на его способности подавлять самосознание, погружая индивида в систему социально сконструированных смыслов, которая вытесняет отчуждающее воздействие “внешней перспективы”, заменяя его на утешительную субъективность “взгляда изнутри”». Именно те наполненные смыслами миры, которые мы создаем вместе с другими, отделяют нас от угрозы “внешней перспективы” и подтверждают нашу собственную значимость. Вот что мы имеем в виду, говоря об экзистенциальной функции социального» [11, с. 108]. Социальное предстает как согласованная символическая деятельность и совместное создание смыслов [11, с. 98]. М. Вебер считал способность одного человека понимать другого источником всей социальной жизни. По мнению Г. Мида, суть социальности человека коренится в его способности к эмпатии и умении использовать эту способность для совместной деятельности с другими людьми на основе разделяемых представлений.

Инвариант социальности: тождество в различиях

И все же за чертой предметных областей фундаментальных теорий остался открытым вопрос о наличии в механизме социальной системы и социального порядка не только специфических для человеческого сообщества способов поддержания согласованности и целостности связей (т. е. *человеческой* социальности), но и самое главное, механизмов, *инвариантных* всем видам и формам коллективности живых существ.

Сегодня актуальность этого вопроса обострилась в связи с активным вторжением в повседневную жизнь отдельных людей и их сообществ искусственных систем особого рода – устройств с ИИ. При этом в значительной мере пока еще этот вопрос остается за пределами и социологии, и собственно наук об обществе, будучи локализованным в сфере междисциплинарных исследований, прежде всего и традиционно, в социобиологии, и теперь уже концентрируясь в когнитологии, исследованиях STS и ИИ, в теории управления автоматизированными интеллектуальными системами и гуманоидными машинами. Поиск инварианта социальности, или ответа на вопрос, *что* объединяет некие родовые признаки в феномен социальности, требует обращения к современным результатам исследований в трансдисциплинарной области – на пересечении социологии и социобиологии. Собственно в тех областях, где специально отслеживается феномен социальности как таковой.

По мнению И.А. Шмерлиной, одной из немногочисленных представителей современного отечественного социологического сообщества, работающей в пограничной области социологии и социобиологии, «в социальной науке до сих пор не сформулирован внятный ответ на вопрос, что есть «социальное». Понимание социального как неприродного, принятое социологией в качестве аксиоматического допущения, явилось барьером для развития целого ряда плодотворных интуиций полидисциплинарного характера» [12, с. 7]. Хотя еще Э. Дюркгейм видел определенные сходства условий социальной организации во всем животном мире: «Можно даже предположить, что любая организация должна иметь общие черты» [4, с. 208]. Тем самым вполне обоснованно говорить о социальности животных и социальности человеческих сообществ. Однако стала доминировать формулировка социального конструктивизма: «социальный порядок – это человеческий продукт... непрерывное человеческое производство... <он> не является частью “природы вещей” и не возникает по “законам природы”... Он существует *лишь* как продукт человеческой деятельности» [2, с. 31]. В свою очередь, в этологии было показано, что социальность является не «видоспецифически» человеческим, а универсальным феноменом жизни [12, с. 8; см. также: 8]. Это действительно так, но у различных форм жизни все же разные субстраты, с разными механизмами использования информации: или на основе врожденных

рефлексов и непосредственного восприятия, или же на основе активного отображения с помощью символических объектов и формируемого на их основе символического мира как мира аналогов-заместителей, и различных образов. Благодаря чему предметная и символическая среда становится объектом преобразований, оформляясь в культурные объекты.

Дочеловеческие существа также «изобретают» некие технологии. Но не создают средств переноса описания этих технологий, которые могут быть раскодированы в любой ситуации теми, кто способен их раскодировать – прочитать текст и понять его смысл. Животные пользуются и сигнально-коммуникационной системой. Но у людей такая система позволяет общаться по поводу собственных мыслей и чувств, вкладывая в сигналы определенные *смыслы*, то есть, в отличие от животных, делая это с помощью абстрактных описаний цели действия и ожидаемого результата/результатов. Тем самым давая субъективную оценку содержанию смысла с помощью языка. Поведенческий ответ на воздействие среды предполагает и перестройку среды. Происходит сопряжение организма со средой. В этом сопряжении важное место занимает «придание смысла» своим действиям. Поэтому социальность (в социологии применительно к человеческим сообществам) связывают в конструктивистской парадигме со смыслами. Социальность людей в этом случае понимается как единство структуры взаимодействия и смыслов, определяющих и конструирующих взаимодействие. И.А. Шмерлина полагает, что для описания совместной жизнедеятельности животных более уместно использовать категорию социально-подобных отношений. Это существенный критерий различения, поскольку он фиксирует отсутствие у животных субъективных смыслов, хотя эксперименты выявили наличие и у коммуницирующих животных сознательных интенций [12, с. 89, 90].

Специфика социальности людей

Смыслы, облаченные в семантические конструкции, выступают как значения. Наиболее проработанная теория протекания интеракций между людьми получила воплощение в символическом интеракционизме. В нем представлен механизм воспроизводства процедур координации и согласований как процесс и продукты производства симво-

лов, составляющих содержание человеческой социальности. В этом состоит отличие социальности людей от социальности животных, у которых придание значений (приоритетов ориентации в действиях) не опосредовано *созданием* символов этих значений. Но что универсального содержится в обеспечении социальности посредством символических смысловых интеракциях между людьми? Того, что является общим с социальностью животных? Обратимся к механизму символической интеракции, представленному в описании Г. Блумера. В соответствии с теорией символического интеракционизма, для людей характерны несимволические (жестовые) и символические взаимодействия [3, с. 47]. Животные используют несимволические способы взаимодействия. Г. Блумер подчеркивает, что «человеческое общество или группа состоит из людей, *ассоциированных между собой*. Эта ассоциация неизбежно существует в форме людей, действующих *в отношении друг друга* и тем самым вступающих в *социальное* взаимодействие. Взаимодействие в человеческом обществе происходит специфически и преимущественно на символическом уровне [...] [индивиды] обязательно *должны учитывать действия других* при формировании своего действия. Они делают это с помощью двойного процесса *указания другим* на то, как им надо действовать, и интерпретации указаний, *создаваемых другими*. Человеческая групповая жизнь – это обширный процесс определения *для других* того, что им делать, и интерпретации их определений; с помощью этого процесса люди *приспосабливают* свои действия *друг к другу* и формируют собственное индивидуальное поведение» [3, с. 49] (выделено мною. – В.И.). Тем самым *социальность* возникает в результате *непосредственных* взаимодействий людей, и существует *как процесс* этого непосредственного взаимодействия. Но, подчеркну, продукты *этого* процесса есть не социальность, а объекты с *воплощенными* в них атрибутами собственно социальности как процесса *межличностных* интеракций.

Но могут ли эти объекты появляться вне пространства взаимодействия индивидов? Если да, то в таком случае социальность отсутствует. Блумер подчеркивает, что человек как организм «*взаимодействует с собой посредством социального процесса создания указаний для себя*» [3, с. 54]. Уместен вопрос: если посредником выступают не интеракции и их продукты, т. е. отсутствует социальность, что же человек использует для указаний для себя? Что еще может выступать

источником указаний, кроме биологических, психологических и культурных факторов? Символический интеракционизм обратил внимание на еще одну, и не вполне социальную, природу регуляторов поведения индивида, хотя, все же, и не выйдя при этом за пределы интерпретации действия как социального: «человек считается [в символическом интеракционизме] “социальным” в гораздо более глубоком смысле – в смысле организма, вступающего в социальное взаимодействие с собой путем *создания указаний для себя* и реагирования на эти указания [...] Человек... организм, который должен иметь дело с тем, что он замечает» [3, с. 55] (выделено мною. – В.И.). Его действие вырастает из интерпретации, поэтому он есть действующий организм. Он может направлять свое действие путем создания указания для себя. И при этом в ситуации интерпретации характеристик среды индивиду *вовсе не обязательно* удостоверяться в значении действий *других* индивидов. Социальность же – это *сцепление* действий. «Совместное действие всегда должно проходить через процесс формирования... в каждом случае оно должно формироваться заново» [3, с. 59]. Следует ли из этого, что отсутствие совместности действий означает и исчезновение социальности? И сохраняется ли в этом случае общество? С точки зрения символического интеракционизма, *для социальной жизни* индивиду *достаточно* создавать указания для себя, ориентируясь на свои биологические, психологические характеристики и на культурные факторы («социальную систему»). Совместные действия возможны, *но не необходимы* для социальной жизни в определенной раз и навсегда заданной форме. Действительно, жить в обществе невозможно без зависимости от него. Но эта зависимость *не предполагает* неизбежные совместные действия только с *непосредственными* взаимными ориентациями. Или, добавим, с взаимными ориентациями *только на людей*. Ведь помимо людей в состав общества входит техносистема.

Также совместные действия и взаимные ориентации отсутствуют в социальных сетях – «протяженных связях действий»: «различные участники, находящиеся в различных точках сети, совершают свои действия в этих точках, пользуясь определенными наборами значений. Сеть, или институт, не функционирует автоматически в силу какой-то внутренней динамики или системных требований; она функционирует потому, что люди в разных точках что-то делают, а их действия явля-

ются результатом того, как они определяют ситуацию, в которой им приходится действовать». При этом наборы значений «погружены в локализованный процесс социального взаимодействия» [3, с. 62]. В этой связи примечательно мнение, высказанное Я.Л. Морено: «Дистанция, которая не соотносится с близостью, приводит к символизму, номинализму, одним словом, к *социальной нереальности*» [7, с. 115]. Иначе: социальность нереальна (отсутствует), если отсутствует непосредственное взаимодействие. Это парадоксальное суждение требует либо принятия, либо опровержения.

Специфика возможной социальности у сообществ транслюдей и гибридного социума. Фактор субстрата

Различные *формы социальности детерминированы отличными субстратами*, на основе которых возникают и реализуются специфические способы обеспечения согласованных взаимодействий, и прежде всего способов коммуникации. Различные виды живых организмов образуют специфические социальные множества, из которых наиболее сложной из известных является социальность человеческих существ. Можно предположить, что, например, и биотехнохакары, объединяясь в сообщества, уже начинают воспроизводить более сложную форму социальности. По крайней мере, она неизбежно получит ряд отличий от социальности телесно не модифицированных индивидов. В свою очередь, гибридные сообщества людей и «интеллектуальных» машин уже формируют еще один более сложный вид социальности.

Вводя понятие «трансоциальность», предполагаю, что способ объединения транслюдей будет принципиально отличаться от объединения их предшественников в то, что именуется обществом с качеством *человеческой* социальности. Здесь уместно определить, какое определение социальности будет использовано в данной статье: социальность как таковая это *особая* конструкция механизма взаимодействий, закрепляющая устойчивость связей определенной совокупности живых организмов любого вида, в том числе и транслюдей. Или, иначе: социальность – это способность множества активных агентов (объектов) образовывать устойчивое единство путем ориентации каждого агента (объекта) на согласование и координацию взаимодействий. Для любого же устойчивого объединения других активных агентов, даже если

они утрачивают существенные качества быть отнесенными к людям, свойственно воспроизводить определенные действия в определенной последовательности, обеспечивающей их устойчивые связи. Но это уже будут взаимодействия иного типа с иным принципом и способом поддержания устойчивости связей. Вероятно, сохранится (?) нормативная регуляция интеракций, но она изменит содержание процедур и их последовательность. Механизм появления (и источник) и воспроизводства самих норм, процедура их переинтерпретации как фиксированных правил взаимодействия также изменится, изменится их набор, назначение и иерархия. Изменится и набор таких регуляторов как социальные ценности, если вообще они не будут утрачены. Подвергнутся трансформации индивидуальные и социальные (?) потребности, если вообще не исчезнет этот источник активности у транлюдей как агентов нового типа.

Что касается другой стороны – машин с ИИ, то они, в строгом смысле, не имеют потребностей (по крайней мере, в антропологическом смысле) и, вероятно, не будут воспроизводить нечто подобное ценностям и смыслам существования отдельных агентов и их множеств (стая, рой и проч.), а также, вероятно, перестанут придавать *значения* актам коммуникации. Таким образом, в основу качественных изменений альтерсоциальности как системы особого вида будет положен *новый тип субстрата* агентов (если вообще уместным будет обозначать оба этих источника активности как агентов, поскольку не ясно, будут ли они оставаться автономными и в какой степени). Их специфическое качество – это гибридность симбиотического вида (т. е. симбиоз изначально разнокачественных субстратов) постепенно будет трансформироваться в синтез субстратов, который начнет воспроизводить ранее неизвестные функции.

Каков прогноз такой эволюции? Если в трансоциальности человек, интегрированный с технологиями, погруженный в них, и ставший (и оставшийся) сверх-человеком – трансчеловеком, сохранит себя на вершине социальной иерархии гибридного социума, то такая социальность еще будет базироваться на принципах, генетически исходной социальности. При ней и машины, и животные, и любые природные объекты будут рассматриваться человеком как предметы контроля и подчинения с преобразованием.

Но если трансчеловек согласится с изменением своего статуса в Море, и поставит себя на один уровень (или ниже) с другими объектами (в том числе, с другими биологическими и гендерными формами самого себя), тогда и профиль сообщества сменит вертикальную конфигурацию на плоскую, где на одном статусном уровне расположатся все разновидности и искусственные модификации человека рядом с животными, растениями, машинами и явлениями природного мира.

Так трансчеловек перейдет в состояние постчеловека, а транссоциум в состояние альтерсоциума. «Альтер» будет означать альтернативные человеческой природе способы регуляции взаимодействий разнородных – биологических, гибридных (с машинами) и природных объектов, которым человек передаст равный статус, выводя их всех из своего подчинения и подчинившись им всем. Такая социальность знаменует начало эпохи постгуманизма. А трансчеловек из состояния человека гибридного перейдет в состояние постчеловека, приобретя на том же самом гибридном субстрате качество быть среди равных в сообществе компонентов образующих альтерсоциум. Это этап перехода к следующей фазе гибридного состояния социальности. Или же вообще постсоциальности, если изменится способ скоординированного сосуществования разнородных объектов. Проверка гипотезы о возможности появления постсоциальной формы жизни постлюдей и агентов искусственной жизни – основание для продолжения настоящего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П. Л. Общество в человеке / П. Л. Бергер // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 162–180.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.
3. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод / Г. Блумер. – Москва : Элементарные формы, 2017. – 346 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – Москва : Канон, 1995.
5. Кнорр-Цетина К. Рынок как объект привязанности: Исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках / К. Кнорр-Цетина, У. Брюггер // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 445–468.

6. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Москва : ВШЭ, 2014. – 384 с.
7. *Морено Я. А.* Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Я. А. Морено. – Москва : Академический Проект, 2001. – 384 с.
8. *Плюснин Ю. М.* Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ / Ю. М. Плюснин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1990. – 240 с.
9. *Радаев В. В.* Экспансия платформ как вызов социологии / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 2022. – № 12. – С. 15–28.
10. *Розин В. М.* Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук / В. М. Розин. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 288 с.
11. *Флигстин Н.* Теория полей / Н. Флигстин, Д. Макадам. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 464 с.
12. *Шмерлина И. А.* Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека / И. А. Шмерлина. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 200 с.

ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У АСПИРАНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос формирования универсальных компетенций у аспирантов. Делается вывод о том, что высшее образование должно быть нацелено не только на формирование профессиональных навыков, но и на развитие универсальных компетенций у аспирантов для их дальнейшей успешной реализации в различных сферах жизни.

Ключевые слова и словосочетания: универсальные компетенции, ветеринария и зоотехния, аспирантура.

В настоящее время особое внимание государственной политики уделяется научно-технологическому развитию страны, которое стало приоритетным направлением модернизации экономики России. В рамках этого вектора созданы национальные проекты, сформированы отраслевые программы и пути их реализации. Программа развития сельского хозяйства также поставила перед собой задачу перехода на инновационную траекторию через разработку новых технологий и наукоемких производств [8]. Однако, чтобы достичь поставленных целей, необходимо гарантировать доступность квалифицированных кадров для аграрной отрасли. Это выдвигает новые требования к качеству образования.

Современная модель высшего образования основана на формировании в процессе обучения комплекса компетенций, которые представляют собой «динамическую комбинацию знаний, умений, опыта и готовность применять их для успешной профессиональной деятельности» [5, с. 5].

Подготовка аспирантов осуществляется на основе федеральных государственных образовательных стандартов, согласно которым требования к результатам освоения образовательной программы подразумевают сформированность универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Особое внимание необходимо уделять освоению аспирантами универсальных компетенций, так как именно они позволяют быть успешным в любой сфере жизни [2]. Набору универсальных компетенций

исследователями придается особое значение: без их освоения невозможно достичь эффективных результатов в XXI веке [7, с. 8].

По мнению аналитиков, развитие цифровых технологий [3] существенно повышает требования к квалификации работников, переориентируя потребности «рынка труда на творческое начало, на культурные, ценностные аспекты взаимодействия – все то, что машины не могут реализовать» [6, с. 20]. В связи с этим «задачей образования становится не только усвоение учащимся определенного объема профессиональных знаний, но и обеспечение вхождения человека в мир социальных отношений, его успешная адаптация в этом мире, развитие познавательных и созидательных способностей» [1, с. 110].

Универсальные компетенции являются результатом формирования общих способностей и знаний, которые могут быть применены в различных сферах жизни. Это навыки, которые позволяют человеку лучше адаптироваться к новым ситуациям, быстрее решать проблемы и быть продуктивным. Универсальные компетенции у аспирантов дают возможность в будущем реализоваться не только в академической сфере, но и на рынке труда в целом.

Одним из важных элементов формирования универсальных компетенций у аспирантов является развитие коммуникативных способностей [4, 9]. Коммуникация – это основа взаимодействия в любой сфере жизни. Аспиранты должны обладать навыками эффективного общения с коллегами, наставниками и потенциальными работодателями. Это поможет создать благоприятный имидж и достичь лучших результатов в своей работе.

Еще одним важным элементом формирования универсальных компетенций является развитие лидерских качеств. Современный мир требует от людей умения организовывать работу в коллективе и принимать решения. Успешный аспирант должен уметь выдвигать идеи, работать в команде и руководить проектами.

Также важно развивать у человека умение анализировать и решать проблемы. Аспиранты должны быть способными критически мыслить, анализировать информацию и находить нестандартные пути решения задач. Это поможет им создавать новые идеи и быть продуктивными в работе.

Формирование универсальных компетенций у аспирантов включает в себя также развитие научной культуры, умения работать со статистическими данными и умения публично выступать. Аспиранты, кото-

рые обладают этими навыками, могут с легкостью адаптироваться к новым ситуациям, изучать новые темы и успешно справляться с новыми задачами.

Наконец, аспирантам необходимо сформировать в себе способность следовать этическим нормам в профессиональной деятельности. Аспиранты могут сталкиваться со сложными этическими проблемами, поскольку они только начинают свой научный путь и не имеют достаточного опыта в решении такого рода вопросов. Среди основных этических норм, которым необходимо следовать, можно назвать: соблюдение прав и интересов других участников исследовательской работы, честность и добросовестность, уважение и ответственность в своем поведении в рамках своей профессиональной деятельности, бережное обращение с ресурсами и окружающей средой, отказ от любой формы научной и академической нечестности.

Аспиранту необходимо понимать, что его поведение и решения могут иметь важное значение для его будущей работы и репутации в научном сообществе. Также аспиранты должны осознавать, что они не одни и всегда могут обратиться за помощью к своим научным руководителям или коллегам.

Подводя итог, отметим, что формирование универсальных компетенций у аспирантов является важным элементом их образования. Они будут использовать все эти навыки на рынке труда и в любой сфере жизни. Поэтому высшее образование должно быть нацелено не только на формирование профессиональных навыков, но и на развитие универсальных компетенций у аспирантов, чтобы они могли успешно реализовать себя в различных сферах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Короткова Н. Л.* Универсальные компетенции как основа личностного роста учащихся вузов / Н. Л. Короткова // Гуманитаризация инженерного образования: методологические основы и практика – 2022: мат-лы III Междунар. науч.-практич. конф. В 2 т., Тюмень, 26–27 мая 2022 года. Т. 2. – Тюмень : Тюмен. индустр. ун-т, 2022. – С. 109–114.

2. *Короткова Н. Л.* Философские основания исследования феномена профессиональной идентичности / Н. Л. Короткова // Горизонты образования: мат-лы I Междунар. науч.-практич. конф., Омск, 29–30 октября 2020 года. – Омск : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», 2020. – С. 346–349.

3. Котова А. В. Цифровое образование в аграрном секторе / А. В. Котова // Цифровые трансформации в образовании (E-Digital Siberia'2020): Мат-лы IV Междунар. науч.-практич. конф., Новосибирск, 23 апреля 2020 года. – Новосибирск : Сибирский гос. ун-т путей сообщения, 2020. – С. 97–101.

4. Мекеко Н. М. Организация изучения иностранных языков в аспирантуре в условиях новых образовательных стандартов / Н. М. Мекеко // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков / отв. редактор Н. М. Мекеко. – Москва : РУДН, 2015. – С. 32–39.

5. Развитие системы профессиональных квалификаций / А. Н. Лейбович, И. А. Волошина, В. И. Блинов, Е. Ю. Есенина, О. Ф. Клинка, П. Н. Новиков, О. Д. Прянишникова, А. А. Факторович. – Москва : Изд-во «Перо», 2018. – 20 с.

6. Раицкая Л. К. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта / Л. К. Раицкая, Е. В. Тихонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 350–363.

7. Россия 2025: от кадров к талантам. – URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/perspectives/188095> (дата обращения 23.03.2023).

8. Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017 – 2025 годы: утв. пост. Правительства РФ от 25 августа 2017 г. № 996. – URL: <http://mcx.ru/activity/state-support/programs/technical-program/> (дата обращения 23.03.2023).

9. Хлыбова М. А. Иноязычная письменная компетенция в практике обучения иностранному языку в аспирантуре / М. А. Хлыбова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 4(29). – С. 178–180. – DOI 10.26140/bgз3-2019-0804-0038.

О ПРОБЛЕМЕ ФОРМАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс формирования исторического знания в региональном аспекте, в условиях массовой информатизации и столкновения интересов различных медиаресурсов. Подчеркивается необходимость борьбы с корыстным манипулированием общественным сознанием. Предлагается анализ исходных понятий: «история», «идентичность», «формирование» на основе методологии деятельностного подхода к истории.

Ключевые слова и словосочетания: история, идентичность, формирование, социальная информация, регион, население.

В современных условиях массовой информатизации формирование исторического знания у населения регионов становится все более актуальной задачей в силу того в частности, что источников информации, претендующих на формирование мировоззренческих установок населения, появилось десятки и сотни, причем различной направленности, вплоть до прямо противоположной и враждебной друг другу. В этом хаосе информации значительная часть населения, особенно молодежь, частично или даже полностью теряют свои жизненные ориентиры, попадают в такие ситуации, когда появляется возможность манипулировать их деятельностью в корыстных интересах владельцев некоторых современных медиаресурсов.

Актуальность и сложность указанной задачи возрастает еще в связи с тем, что потенциальные корыстные манипуляторы общественным сознанием постоянно ищут различные способы, средства, способные расширить возможности для достижения их корыстных целей, противоречащих коренным интересам населения российских регионов. Столкновение интересов на этом социально-информационном фронте становится все более жестким.

Общеизвестно, что наиболее эффективным средством борьбы с корыстными манипуляторами выступает историческое знание, подробное, конкретное знание населением региона своей истории. Именно историческое знание необходимо рассматривать как средство формирования региональной идентичности населения. Для решения этой

задачи необходимо определить методологические основания анализа социально-информационных процессов современности, определить исходные понятия.

Для решения указанной задачи в первую очередь необходимо дать определение важнейшему исходному понятию «история».

Автор настоящего исследования в качестве базового методологического принципа, необходимого для раскрытия заявленной темы, использует подход к анализу истории, выраженный в новейшем энциклопедическом издании «Российская историческая энциклопедия» [1]. В этом фундаментальном издании история рассматривается как единство исторического сознания и исторического познания, которые, в свою очередь, выступают как подсистемы более широкого целого – общественного сознания. Авторы указанного подхода к анализу истории рассматривают историческое сознание и историческое познание следующим образом. Б.Г. Могильницкий определяет историческое сознание как «совокупность представлений, присущих обществу в целом и составляющим его сегментам в отдельности, о своем прошлом и прошлом всего человечества. Историческое сознание находится в близкой связи с историческим познанием» [1, с. 433]. А.В. Лубский определяет историческое познание как «специализированную подсистему исторического сознания, рефлексию над исторической жизнью, как процесс поиска, установления и интерпретации существенных исторических фактов» [1, с. 432]. Б.Г. Могильницкий подчеркивает важное отличие исторического сознания от исторического познания: «Историческому сознанию присуще активное начало, направленное на преобразование исторической действительности. В этом его отличие от исторического познания, акцентирующего относительность исторической истины» [1, с. 434]. Для нашего исследования указанное отличие исторического сознания от исторического познания имеет принципиально важное значение. Субъект социальной деятельности, сознательно творящий историю, в нашем варианте активен и самодостаточен. Также принципиально важно для нас то, что Б.Г. Могильницкий и А.В. Лубский рассматривают историческое сознание и историческое познание как подсистемы общественного сознания, т. е. «человеческой способности идеального воспроизведения действительности в мышлении, высшего уровня психической активности человека как социального существа» [1, с. 433]. Вместе с тем Б.Г. Могильницкий отмечает одну из особенностей исторического сознания, которое

«всегда конкретно, оно существует как конкретная историческая закономерность, изучающая мир ментальных и духовных реальностей» [1, с. 433]. Еще одной особенностью исторического сознания выступает то, что оно не является неизменным, а меняется в соответствии с изменяющимися историческими условиями. Б.Г. Могильницкий отмечает, что «в историческом сознании выражается значение истории как важнейшего аргумента в идейно-политической борьбе различных классов и сословий, религиозных, этнических, профессиональных и иных социальных общностей. Поэтому во все времена изучение и, в особенности, преподавание истории»... имело и имеет важное значение. [1, с. 433–434].

Указанные базовые методологические принципы с необходимостью предполагают обозначение авторской позиции по отношению к общественному сознанию как большой системе, элементами которой выступают историческое сознание и историческое познание. Рассматривая общественное сознание в рамках деятельностного подхода, мы исходим из методологии, предложенной Э.В. Ильенковым, В.Н. Сагатовским, В.П. Фофановым и некоторыми другими исследователями [2–4,]. Согласно этой методологии сознание есть лишь момент более широкого целого – системы социальной деятельности – и определяется этим целым. Двум способам социальной деятельности – живой и опредмеченной – соответствуют два способа существования общественного сознания: в составе живой социальной деятельности и в составе опредмеченной социальной деятельности, т. е. в знаковой форме. Два разных способа существования общественного сознания составляют единый процесс, единое противоречивое целое. Эти две диалектические противоположности в своем единстве и составляют единый процесс существования общественного сознания, ибо реально существуют не то и не другое само по себе, а лишь это единство. Сознание ни в составе живой деятельности субъекта, ни в знаковой форме не является сознанием как таковым: оно существует лишь как названное единство противоположностей. Лишь это двуединство является самодостаточным и саморазвивающимся целым, которое вместе с тем есть не что иное, как момент соответствующей социальной деятельности [4, с. 91]. Деятельностный подход к сознанию позволяет рассматривать историю как диалектически противоречивый процесс, а не как нечто статичное, лишённое противоречий. Кроме этого, деятельностный подход к сознанию позволяет вести поиск причинно-следственных

связей в истории, основанный на расширении круга источников, что делает историю собственно наукой, а не собранием разрозненных фактов. Деятельность рассматривается как «способ существования человека», как «человеческий способ отношения к миру»; деятельность характеризует всю систему проявления сущностных сил человека. Субъект через свою деятельность воплощает свои ценности, жизненные смыслы. Деятельность рассматривается как целостность, бóльшая, чем сумма ее частей, предполагающая необходимость учета объективной диалектики части и целого человеческой деятельности, диалектики стихийного и сознательного.

Еще одним исходным понятием, определяющим методологические основания для решения указанной задачи, выступает понятие «идентичность». В философском смысле понятие «идентичность» как персональная идентичность кратко определяется как «сознание личностью единства своего сознания в разное время и в разных местах, как сохранение постоянного или продолжающегося единства деятельности в ходе изменения этой деятельности» [5, с. 316]. Как отмечает Е.Г. Трубина, «существо проблемы персональной идентичности может быть сформулировано в виде дилеммы: личность должна быть тождественна себе, иначе нечему будет удерживать воедино ее восприятия и поступки; личность не должна быть тождественная себе, иначе невозможны ее саморазвитие и отклик на изменяющуюся реальность» [5, с. 316]. Эта дилемма и порождает постоянный поиск средств, необходимых для формирования региональной идентичности населения. В рамках избранной методологии важным условием разрешения отмеченного противоречия выступает определение еще одного исходного понятия – «формирование».

Формирование понимается как процесс придания чему-нибудь определенной формы, законченности, в итоге – возможного создания чего-либо нового, основанного на элементах формируемого. Термину «формирование» во многом соответствует термин «формализация», который мы и будем использовать. Еще один аналог терминам «формирование» и «формализация» можно увидеть в математическом программировании – «форматирование», хорошо знакомым современным студентам. Смысл всех трех терминов примерно один и тот же – придание некой формы чему-либо, однако для нашего исследования более подходящим я считаю термин «формализация».

Ключевым, смыслообразующим словом для «формализации» выступает слово «форма». «Форма» в философском смысле означает строение, устройство, систему организации, внутреннюю структуру, неразрывно связанные с определенным содержанием. В процессе формализации, согласно теории материалистической диалектики как учении о всеобщей взаимосвязи, возникает противоречие между старой формой и новым содержанием. Разрешение этого противоречия считается главной задачей процесса формализации. Как отмечает В.А. Бочаров, «формализация – это метод выявления и уточнения научного знания путем придания ему строго фиксированной формы». [6, с. 642] Обобщенное понимание процесса формализации в нашем варианте выглядит так.

Можно сказать, что выделяют два вида формализации – простой и сложный. Простой вид формализации предполагает прямое описание, обозначение объектов с помощью однозначных терминов. Цель простого вида формализации – компактность и однозначность обозначения объекта. В сложном виде формализации для нас важна логическая формализация, обеспечивающая выражение общих взаимосвязей между понятиями, суждениями и умозаключениями. Как отмечает А.Г. Кислов, «любое знание – обыденное или научное – может оказаться объектом логической формализации, которая осуществляет уточнение и систематизацию содержательных представлений, поможет сформулировать новые проблемы и найти возможные пути их решения» [5, с. 970]. Метод логической формализации имеет свои ограничения, связанные с наличием некоторых логически неразрешимых проблем. В частности, австрийский логик и математик Курт Гедель в 1931 г. доказал теорему «О неполноте», согласно которой обычная арифметика натуральных чисел не может быть формализована, т. е. истинные предложения арифметики нельзя полностью аксиоматизировать. Как отмечает В.А. Бочаров, «это указывает на принципиальную неустранимость содержательных (т. е. бесконечно разнообразных по содержанию, в том числе логически противоречивых. – С.К.) методов исследования даже в такой науке, как арифметика» [6, с. 643].

Хотя логическая формализация имеет указанные ограничения, она широко применяется в различных областях знания, в том числе в исторической науке. В исторической науке логическая формализация необходима для анализа соотношения формы исторических событий и их содержания. Соотношение формы и ее содержания характеризуется

их единством, доходящим, при определенных условиях, до их перехода друг в друга. В философском смысле, как отмечает В.И. Кураев, «во взаимоотношении содержания и формы содержание представляет собой подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета. Возникающее в ходе развития несоответствие содержания и формы в конечном счете разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, адекватной развившемуся содержанию» [7, с. 621].

Таким образом, термин «формирование» мы раскрываем как процесс формализации чего-либо, т.е. придания чему-либо определенной формы и соответствующего содержания. Принципиально важно отметить переходный характер процесса соотношения формы и содержания, в котором форма выступает величиной постоянной, а содержание – переменной. Выявление функциональной зависимости формы и содержания и составляет значение термина «формирование». Автор данного исследования считает, что для формирования региональной идентичности населения необходима именно сложная, логическая формализация. Простой вид формализации не позволяет раскрыть содержание этого сложного, противоречивого процесса.

Опираясь на предложенные методологические основания, можно сделать следующие выводы.

1. Историческое знание позволяет формировать противоречивое единство интересов личности и общества («соборность» в русском менталитете).

2. Подобное единство интересов неизбежно опирается на знание истории своего региона, знание региональных героев и высших региональных достижений.

3. История региона неизбежно связана с историей всей страны, что подтверждается историческими фактами и проявляется в общественном сознании как результат отмеченного противоречивого единства исторического сознания и исторического познания.

4. Историческое знание позволяет эффективно противостоять корыстным социально-информационным манипуляциям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская историческая энциклопедия. Т. 7 / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. – Москва : Изд-во Абрис (ТД), 2018. – С. 432–434.

2. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. – 2-е изд., доп. – Москва : Политиздат, 1984. – 320 с.

3. Сагатовский В. Н. Категориальный контекст деятельностного подхода / В. Н. Сагатовский // В мире науки, культуры, образования. – 2002. – № 10-11; Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? / В. Н. Сагатовский. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1994. – 217 с.

4. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система / В. П. Фофанов. – Новосибирск : Наука, 1981. – 304 с.

5. Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на- Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск/ «ПАНПРИНТ», 1998. – 1064 с.

6. Словарь философских терминов / науч. ред. профес. В.Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2004. – XVI, 731 с.

7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

ВОЗМОЖНА ЛИ СИНКРЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ?

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка анализа синкретичного характера переходных социальных процессов применительно к истории России в рамках диалектико-материалистической традиции и некоторых не противоречащих этой традиции методологических подходов к изучению истории. Подчеркивается, что синкретичный характер переходных социальных процессов во многом определяется бесконечным разнообразием и противоречивостью оценок исторических событий, что приводит зачастую к смещению в историческом сознании разных мнений о происходящих или произошедших когда-то событий. Процесс смещений и превращений в общественном сознании рассматривается с применением авторского термина «сиполь».

Ключевые слова и словосочетания: история, переходные социальные процессы, синкретизм, сиполь, смещения и превращения в общественном сознании.

Методологическим основанием данного исследования выступает материалистическая диалектика, рассматриваемая как учение о всеобщей взаимосвязи, осуществляемой людьми в процессе своего взаимодействия друг с другом, с обществом и с природой. В рамках этой методологии история рассматривается как единство исторического сознания и исторического познания, которые, в свою очередь, выступают как подсистемы более широкого целого – общественного сознания. Деятельность рассматривается как «способ существования человека», как «человеческий способ отношения к миру». В рамках деятельностного подхода к изучению истории используется теория информационной рациональности в ее социально-информационном аспекте.

Термин «сиполь» автор настоящего исследования впервые ввел в научный оборот в своей монографии, изданной в 2007 году [1, с. 52]. Впоследствии к этому термину автор возвращался в ряде своих журнальных публикаций.

По определению автора данной статьи, «сиполь» – это оператор социально-информационных смещений и превращений, происходящих в общественном сознании в рамках соотношения рационального и вне-рационального как свойств социальной информации, имеющий поле-вую природу [1, с. 52].

Соотношение рационального и иррационального как относительно самостоятельный социально-информационный процесс я рассматриваю как оператор смещений и превращений в общественном сознании, близкий по своей функциональной роли к оператору «превращенность» (по М.К. Мамардашвили) [2, с. 229–250]. Необходимо отметить, что М.К. Мамардашвили анализировал оператор «превращенность» в целом, а мы выделяем лишь один из его возможных аспектов – социально-информационный, взятый в ракурсе взаимодействия социально-информационных полей. Социальную информацию мы определяем в рамках методологии, предложенной Н.М. Чуриновым [3], использующим принцип негэнтропии: социальная информация есть процесс снятия социальной неопределенности предмета, есть момент социальной деятельности.

Предложенная методологическая схема открывает возможность для ее дальнейшей разработки, в частности в рамках таких методологических систем, как диатропика, когнитивистика, синергетика, не противоречащих избранной автором диалектико-материалистической методологии.

В диатропике как учении о разнообразии и его закономерностях для нас важно подчеркнуть значение основного приема диатропики – сопоставление рядов, учитывая, что диатропика оперирует понятием «ряд» так же, как история – понятием «факт». В нашем исследовании процесс сопоставления социальной информации по ее свойствам имеет важное методологическое значение, близкое к ответу на основной вопрос диатропики: «У кого как?» При этом мы не разделяем ответ на этот вопрос с ответами на другие методологически важные вопросы истории как науки: «Почему?», «Зачем?» и «Каким образом?». В этом можно увидеть определенное отличие нашего подхода от собственно диатропического подхода. По нашему мнению, материалистическая диалектика как учение о всеобщей взаимосвязи может включать в себя диатропику как учение о разнообразии и его закономерностях при условии непротиворечивости исходных понятий [4].

В современной когнитивистике для нас важно подчеркнуть значение «гибкой и мягкой рациональности» в мышлении, значение констатации того, что «чисто рациональное мышление не может стать интеллектуальным «мотором» современной информационно-знанийевой цивилизации.... В когнитивистике понятия гибкой и мягкой рациональности рассматриваются как альтернатива классической жесткой

рациональности, признающей доминирование дискурсивного логического мышления, наиболее полным коррелятом которого является математика» [5]. В нашем исследовании тоже рассматривается альтернатива жесткой рациональности, однако эта альтернатива анализируется с использованием других исходных понятий. Вместо понятия «рациональность» в нашем исследовании используются два диалектически взаимосвязанных понятия «рациональное» и «иррациональное», которые представлены как два свойства социальной информации – атрибутивно-предикативное (определяющее) и ретрибутивное (напоминающее) соответственно. Еще одним отличием нашего подхода выступает то, что мы не рассматриваем физиологические, нейрофизиологические аспекты работы человеческого мозга. В нашем исследовании анализируются два социально-информационных поля (рациональное и иррациональное), в которых субъект социальной деятельности сочетает логическое и нелогическое путем сопоставления социальной информации по ее свойствам и сам создает свой собственный мотив к своей социальной деятельности. В этот мотив субъект включает и свою оценку исторических событий.

В синергетике для нас важно подчеркнуть необходимость системного подхода к анализу социальных и когнитивных процессов. В частности, для нас важно то, что в синергетической системе организация возникает без управляющих команд, за счет локальных взаимодействий между элементами, которые «запускают» внутренний механизм самоорганизации. Также возможно применение (в адаптированном к гуманитарному исследованию виде) таких синергетических понятий, как «точка бифуркации» (многовариантность оценок исторических событий), «аттрактор» (как область притяжения различных социальных групп в процессе борьбы за доминирование «своих» оценок исторических событий). Синергетический подход не противоречит избранной нами методологии и в определенной степени конкретизирует диалектически противоречивый процесс борьбы за доминирование в оценке исторических событий различных социальных групп, имеющих различные социальные интересы.

В рамках синергетического подхода можно сказать, что история России есть дискретный процесс функционирования неравновесной большой системы, элементы которой постоянно борются за доминирование внутри этой системы. Эта система – Россия – самодостаточна и не претендует на захват и подчинение себе других больших и малых

систем. Существенная характеристика России как большой системы, имеющая принципиально важное методологическое значение – это бескорыстие России, полное отсутствие намерений ущемить интересы других социальных систем, других стран, других народов. Самодостаточность России как большой системы, в нашем варианте предполагает прерывность, дискретность исторического процесса, понимаемого как функционирование неравновесной большой системы с периодическими «пассионарными толчками», связанными с материальными потребностями людей лишь частично, как с вынужденной необходимостью. Важно отметить, что термин Л.Н. Гумилева «пассионарные толчки» мы используем лишь для частичного обозначения социально-информационных процессов в общественном сознании, связывая этот термин с действием законов диалектики – перехода количества в качество и отрицания отрицания. Анализ глубоко содержательной теории пассионарности Л.Н. Гумилева выходит за рамки нашего исследования. Здесь можно лишь отметить, что значение термина Л.Н. Гумилева «мутации» в процессе пассионарных толчков близко в некотором отношении к содержанию переходных социально-информационных процессов. Главное для российского менталитета, по общему признанию, это доминирование потребностей духовных, в том числе доминирования бескорыстия как нравственного основания социальной деятельности. Об этой особенности российского менталитета говорил Ф.М. Достоевский в своей Пушкинской речи, в которой он подчеркнул такую особенность российского менталитета, как открытость миру. Открытость миру в нашем варианте – это позитивные обратные связи большой системы, т. е. ее адаптация к внешним воздействиям с безусловным сохранением внутренних сущностных характеристик российской ментальности.

В синергетическом подходе к анализу исторических процессов ряд исследователей отмечает такое явление, как синкретизм, т. е. смешение, неорганическое слияние разнородных элементов системы, не исключающее и смешение друг в друга этих элементов. В методологическом синкретизме можно увидеть одну из причин неравновесности и динамичности системы, потенциально опасную для ее целостности. В синергетике как нелинейной науке, кроме синкретизма, видят основу нового фундаментального направления философии – философии нестабильности. Как отмечает Л.В. Лесков, «оценивая перспективу этого нового направления, И. Пригожин пишет: «Является ли наша эпоха

началом новой эры? Мы все слишком глубоко вовлечены в трудный процесс преобразований планетарного масштаба, чтобы иметь возможность вынести надежное суждение о текущих событиях и тем не менее, возможно, грядущие поколения будут рассматривать наше время как начало великого века бифуркации» [6]. Если предположить, что в синергетике зарождается философия нестабильности как своеобразная синкретическая философия, то тогда применительно к истории можно предположить следующее. В условиях методологического многообразия изучения истории можно увидеть начала своеобразной синкретической истории как истории эпохи нестабильности, эпохи перехода от однополярного мира к многополярному миру. По аналогии с эпохой поздней античности (период эллинизма) в современном мире можно увидеть процесс синкретического смешения, слияния разнородных социальных систем, усиление борьбы за доминирование одной или нескольких социальных систем. Это означает, что современная эпоха (конец XX – первая четверть XXI вв.) есть эпоха перехода от старой доминанты – однополярного мира, к новой доминанте – многополярному миру.

В синкретизме философии и истории можно увидеть разновидность эклектизма, неизбежного в переходную эпоху, в период отсутствия доминанты. В нашем варианте синкретизм в методологии – это не хаос конкурирующих систем, а процесс постепенного объединения близких по смыслу методологий. Этот процесс может привести к появлению новой доминанты, которая, в свою очередь, может способствовать развитию системы либо прогрессивному (в будущее), либо регрессивному (в прошлое), либо стагнации системы («бегу на месте»). Синкретическая история, как и синкретическая философия, по нашему мнению, характеризуются процессом уменьшения количества точек бифуркации («развилок») и появлением в итоге новой доминанты.

Перечисление различных методологий, применимых к нашему исследованию, можно продолжить, однако, учитывая ограниченный объем данной статьи, отметим лишь некоторые фрагменты из методологических систем В.И. Вернадского и Л.С. Выготского.

Как отмечает В. Моисеев, «В.И. Вернадский развивает ряд идей по поводу логики естествознания, которую он отличает и от теории познания, и от формальной логики. В основе такой логики науки должно лежать не логическое понятие, всегда самодостаточное в неполноте выражаемой им реальности, но понятие-вещь, понятие-«естественное

тело», обладающее столь же неисчерпаемым характером, как и реальное естественное тело биосферы. Здесь наиболее ярко выражен момент бесконечноподобия (именно: пространствовоподобия) в концепции научного знания В.И. Вернадского. К сожалению, эта идея не получила развития в творчестве ученого. Здесь можно лишь предполагать, что им чувствовалась логика, способная ввести в свою структуру разделение на рациональное и иррациональное и способная оперировать с иррациональными логическими структурами как с пределами рационально-логических структур (подобно тому, как оперируют с иррациональными числами в теории действительных чисел в математике» [7]. К нашему исследованию здесь применимо использование взаимосвязанных понятий «рациональное» и «иррациональное» для достижения большей полноты выражаемой ими реальности, и, что особенно важно, обозначение способности оперировать с иррациональными логическими структурами.

В учении Л.С. Выготского А. Алешин отмечает один из важнейших его результатов – «обоснование подхода к структуре сознания как динамичной смысловой системы, которая представляет собой единство аффективных, волевых и интеллектуальных процессов» [8]. Для нашего исследования имеет значение выделенное Л.С. Выготским единство указанных процессов в сознании, которое автор данной статьи включает в названный оператор смещений и превращений в общественном сознании, обозначенный им как «сиполь».

Конкретных примеров проявления эффекта синкретического «смещения» в оценке исторических событий в определенном соответствии с приведенной философской методологической схемой можно привести много. В частности, можно отметить такой общеизвестный факт, как резко отрицательное отношение большевиков к военной форме царской армии, особенно к «золотым погонам» царских офицеров. Только за то, что царский офицер еще не сорвал свои офицерские погоны, его могли расстрелять на месте без суда и следствия. Царских офицеров победившие большевики пренебрежительно называли «золотопогонниками». Однако ход истории показал, что погоны в армии необходимы, как необходимо и единоначалие в армии. Эта объективная необходимость привела к смещению оценки «золотых погон» в русской армии. В итоге в январе 1943 г. в Красной Армии снова были введены погоны, и вскоре и военнотружашие, и гражданские люди с уважением стали относиться к «золотым погонам советского офицера».

Автор данной статьи попросил рассказать о процедуре введения погон в Красной Армии одного из участников Великой Отечественной войны, полковника в отставке Машенко Василия Ивановича. Василий Иванович рассказал, что эта процедура была обычной для армейской жизни – солдат и офицеров построили в казарме (их часть в январе 1943 г. была в тылу на переформировании), объявили о введении погон, выдали погоны, нитки, иголки, приказали пришивать погоны к гимнастеркам, кителям и шинелям. Это все, никаких эмоций или протестов не было. Возникла неожиданная трудность для офицеров – не хватало привезенных в часть звездочек на офицерские погоны. Пришлось офицерам вырезать звездочки для своих погон из консервных банок.

Еще одним конкретно-историческим примером синкретического «смещения» оценок исторических событий можно считать смещение сознания в прошлое у современных старообрядцев. Противники реформы Никона сохраняют в своем сознании события XVII века, стараются избегать тесных контактов с современным «миром антихриста», хранят дониконовские книги и иконы, хотя в то же время ведут свой сайт в интернете. С этими смещениями мне неоднократно приходилось сталкиваться в период изучения истории старообрядчества и участия в археографической экспедиции в старообрядческие села. Одним из ярких воспоминаний в этой связи для меня осталось выступление перед нашей группой одного из членов старообрядческой общины в Минусинске. Могучий старик высокого роста, с бородой до пояса громовым голосом обличал Никона – антихриста за отступление от истинно православной веры. Впечатление у нас было такое, что Никон-антихрист «здесь и сейчас» зайдет в наше помещение. Для нашего оратора Никон был реальным современником. Этот пример, как и многие другие подобные примеры, говорит о сложности, многоаспектности такого феномена русского общественного сознания, как старообрядчество. Известно, что сторонников старообрядчества в современной России, по приблизительным подсчетам, несколько миллионов человек.

Еще одним примером проявления синкретического эффекта «смещения» в оценке исторических событий можно считать реакцию подавляющего большинства населения СССР на то, что современным языком можно назвать «информационным вбросом» – объявление Н.С. Хрущевым конкретной даты построения коммунизма в СССР – к 1980 году. Как известно, на XXII съезде КПСС в 1961 г. была принята

Третья программа КПСС, в которой была поставлена цель – к 1980 году в основном построить коммунистическое общество в СССР [9]. Однако эта цель не была достигнута, что имело принципиально важное значение для процесса смещения в сознании советских людей оценок произошедшего в сторону негативного отношения к идее коммунизма, а у многих людей – в сторону антикоммунизма и антисоветизма. Это была идеологическая катастрофа для руководства Советского Союза – крушение доминанты идеи коммунизма. После крушения доминанты «коммунизма» некоторые советские теоретики стали вести схоластические споры о разных видах социализма. Ярким примером такой схоластики был спор двух специалистов на страницах журнала «Коммунист» о том, как нужно правильно говорить: «развитый» социализм или «развитой» социализм. Эти схоластические споры закончились безрезультатно. В общественном сознании в СССР и в России началась ожесточенная борьба представителей разных социальных групп за доминирование своей точки зрения на перспективу развития как СССР, так и России. Эта борьба за доминирование в общественном сознании имела ярко выраженный синкретический характер. Бескомпромиссную борьбу вели сторонники коммунистической, монархической, националистической, либеральной идеологии. Начавшиеся после 1980 года синкретические социально-информационные процессы в общественном сознании в СССР и в России во многом способствовали распаду СССР.

Предложенный анализ позволяет сформулировать авторское определение эффекта смещения в оценке исторических событий.

Эффект «смещения» в оценке исторических событий – это следствие работы сознания субъекта социальной деятельности по сопоставлению свойств социальной информации – рационального и иррационального – в рамках оператора смещений и превращений в общественном сознании, названном автором данной статьи «сиполь», направленной на замену действующей в данный момент доминанты в общественном сознании и достижение качественно нового состояния общественного сознания.

Из этого определения следует, что субъект социальной деятельности реагирует на идущие в общественном сознании синкретические социально-информационные процессы, сопоставляет, анализирует и синтезирует внешнюю и внутреннюю для себя социальную информацию и с помощью своего мыслительного «инструмента» – оператора

смещений и превращений, т. е. сиполя, создает для себя новую доминанту, создает качественно новое состояние своего сознания, в том числе исторического сознания.

Примеров проявления эффекта смещения в оценке исторических событий мировой истории бесконечное множество, подобные смещения в общественном сознании, в том числе и в историческом сознании, происходят постоянно в силу бесконечного многообразия содержания и форм человеческой жизнедеятельности. Изменения в историческом сознании неизбежно приводят к изменениям в историческом познании в силу их диалектически противоречивой взаимосвязи. Исходя из этого, можно с достаточной степенью определенности ответить на вопрос, вынесенный в заголовок данной статьи – в переходных социальных процессах синкретическая история возможна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кущенко С. В.* Социально-информационный аспект проблемы соотношения рационального и иррационального в общественном сознании (философско-методологический анализ) / С. В. Кущенко. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2007. – 248 с.

2. *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Москва : Логос, 2004. – 240 с.

3. *Чуринов Н. М.* Информационная рациональность / Н. М. Чуринов. – Красноярск : Сибирская аэрокосмическая академия, 1993. – 171 с.

4. URL <https://epistemology of science. Academic.ru/167/диатропика>).

5. *Матяш Т. П.* Когнитивистика: историко-философский контекст / Т. П. Матяш. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n7kognitivistika-istoriko-filosofovsky-kontekst/viewer>.

6. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2004. – XVI, 731 с. – (Библиотека словарей «ИНФРА-М»). – С. 505–506.

7. Русская философия. Малый энциклопедический словарь / отв. ред. А. И. Алешин. – Москва : Наука, 1995. – С. 95.

8. Русская философия. Малый энциклопедический словарь / отв. ред. А. И. Алешин. – Москва : Наука, 1995. – С. 112.

9. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4165230/post177753765>.

ФИЛОСОФИЯ В НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

Аннотация. Работа посвящена анализу самопрезентации философии в высшем образовании на примере программ дополнительного образования и дополнительного профессионального образования. Новизна заключается в концептуальной ревизии, посредством контент-анализа достаточно новой для философии услуги как повышение квалификации или переподготовка.

Ключевые слова и словосочетания: дополнительное образование, дополнительное профессиональное образование, программа повышения квалификации, переподготовка, мотивация к получению образования.

Быстрый темп жизни, удаленное существование на рабочих местах, текучесть кадров, все эти глобальные изменения социокультурной ситуации удачно совпали с государственными требованиями к государственной высшей школе. По выводам Й.Г. Виссема, государственные деятели ждут, чтобы университеты играли активную роль в извлечении выгод из создаваемых ими новых знаний, и выделяют финансирование для поддержки соответствующих видов деятельности. Таким образом, в экономике знаний университеты стали пониматься как инструменты экономического роста [1]. Нам также близка позиция М.Д. Щелкунова, продолжающего в отечественной науке подобные идеи об университетах третьего поколения, которым брошены шесть вызовов: *инновационный тип общественного развития, экономоцентризм в качестве общественных отношений, разгосударствление социальных институтов; информатизация общества и виртуализация общественных коммуникаций, потребительство (консюмеризм), глобализация общественного развития* и, в частности образования [2]. Автор не согласен лишь с одним вызовом — о разгосударствлении такого социального института как образование. Место и роль государства занимает одно из главенствующих мест в существовании высшей школы, по крайней мере, если мы говорим о государственных университетах. При этом, отвечая на остальные вызовы, закономерно, что широкое распространение получает развитие предложений в высшей школе коротких программ дополнительного образования (ДО) и дополнительного профессионального обра-

зования (ДПО) в очном или заочном формате с использованием дистанционных технологий. По данным Яндекса чуть больше 40 % респондентов отметили, что при выборе ДПО они смотрят на стоимость и длительность обучения. Следует отметить, что всего за 4000 рублей и 16 часов онлайн обучения можно получить документ, подтверждающий повышение квалификации почти в любом вузе. При этом 62 % опрошенных отметили, что планируют пройти ДПО в 2023–2024 гг»².

Основным методом исследования образовательного пространства стал контент-анализ российских гуманитарных программ ДПО. Выборку составили 20 топовых вузов России и Сибири на 2023 год, которые предлагают от 400 до 850 программ ДПО (и 50–75 программ ДО, т. е. примерно седьмую часть от ДПО). В большинстве вузов (в среднем) десятая часть программ ДО и ДПО представлена программами гуманитарной направленности. Автор отобрал 450 гуманитарных программ (из 4800 программ) с официальных сайтов 20 вузов, из них только 3 % – программы по философии, а именно 15 программ ДО и ДПО (данные с 20 официальных сайтов вузов релевантны апрелю 2023 года).

В связи с этим возникает вопрос – препятствует ли философия тенденциям к «переформированию университетов из научно-исследовательских центров в бизнес-структуры, в которых такая деятельность как «зарабатывание денег» превращается в один из важнейших критериев оценки эффективности функционирования образовательного учреждения» [3, с.35] или перед философией в высшем образовании на примере программ ДО и ДПО стоит проблема самопрезентации.

Автором была исследована актуальная информация по 10 вузам России, наиболее часто представленных в топе в различных зарубежных и российских рейтинговых списках – «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ), «Санкт-Петербургский государственный университет», «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», «Национальный исследовательский университет Московский физико-технический институт» (МФТИ), «Национальный исследовательский университет «Высшая

² Опрос Яндекса, февраль 2023 г., 999 человек, представленный А.А. Плужниковым в вебинаре «Продвижение онлайн-образования: мощные идеи для роста вашего бизнеса».

школа экономики»» (НИУ ВШЭ), «Казанский (Приволжский) федеральный университет», «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», «Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ), «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации», и также учтен региональный аспект – проанализированы 10 вузов по Сибири: «Новосибирский государственный технический университет» (НГТУ), «Новосибирский государственный университет», «Национальный Исследовательский Томский государственный университет», «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», «Алтайский государственный университет», «Сибирский федеральный университет», «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», «Новосибирский государственный педагогический университет» (НГПУ), «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», «Байкальский государственный университет».

Кафедра философии есть не в каждом вузе, например, ее нет в МФТИ и НИУ ВШЭ. В МФТИ существует учебно-научный центр гуманитарных и социальных наук, имеющий департамент философии и учебно-методическую лабораторию. В НИУ ВШЭ есть факультет гуманитарных наук со школой философии, где даже реализуется одна из немногих философских программ ДО в России – магистерская программа в области общественного и государственного управления **«Философия лидерства»**. В целом стоимость «философских» программ варьируется от 4000 до 45 000 рублей. В среднем стоимость за самую популярную 72-часовую программу по вузам составляет 9500 рублей, что в 2 раза дешевле аналогичных по времени других гуманитарных программ. Также вузы активно подключаются и публикуют новые программы ДО и ДПО в новом мобильном портале «Открытое образование», в который уже вошли 11 вузов, из них пять московских, четыре из Санкт-Петербурга, а также Самарский университет и Уральский Федеральный университет им. Б.Н. Ельцина. Стоимость программ мобильного портала значительно ниже. Например, за 72-часовые программы ДО по философии, представленные СПбГУ – **«Биоэтика – «хорошо» и «плохо» в биологии»** и **«Визуальные искусства от Античности до современности»** обозначены

цены 1800 и 3600 рублей соответственно. На сайте самого университета СПбГУ дополнительно представлены программы – **«Логика и аргументация»** (16 часов) за 7000 рублей и **«Программа повышения квалификации преподавателей иврита для работы по модели «Перевернутое обучение»** (72 часа) за 6000 руб.

Больше всего ДПО по философии представлены в областях: философия науки, философия образования, философия сознания. Три программы ДПО с одноименным названием **«История и философия науки»** читают в очно-заочной форме с применением дополнительных образовательных технологий. В УрФУ такая программа стоит 12 000 рублей, а в МГУ 19 000 рублей, хотя их продолжительность вдвое меньше, чем в РУДН, где длительность подобной программы составляет 144 часа, а стоимость 15 000 рублей. При этом **«Философии и методологии гуманитарных наук (проблемы истории и философии науки)»** в РУДН отведено в 4 раза меньше времени (36 часов), но разница в стоимости почти незначительна – 14 000 рублей. В МГУ программу **«Современная философия сознания»** можно прослушать всего за 20 часов, заплатив 11 000 рублей. Несмотря на одноименные программы, все три программы ДПО найдут *своих* слушателей. Такой механизм повышения эффективности деятельности высшей школы как конкуренция, в данном случае не применим, в силу того, что программы читают в разных регионах, а значит, и в разных часовых поясах, и ввиду того, что длительность программ отличается в два раза, можно сделать вывод, что целевая аудитория этих программ будет абсолютно разной.

Если расценивать научное знание как продукт, а продукт как все то, что может быть предложено для удовлетворения нужд и запросов потребителей, то можно обратить наше внимание на программу ДПО в МГУ, а именно – **«Программу повышения квалификации в форме стажировки»**, форма – очная, длительность – один месяц (как почти у всех 72-часовых программ ДПО), стоимость – 45 000 рублей. Это уникальный продукт без описания содержания программы, модулей, и неконкретизированной тематикой. Точнее тематика предлагается слушателям на выбор: «в рамках программы повышения квалификации философский факультет предлагает учебно-научные стажировки ... для преподавателей, научных сотрудников и учителей. Повышение квалификации в форме стажировки осуществляется на индивидуаль-

ной или групповой основе... Прохождение стажировки осуществляется по любой тематике, совпадающей с тематикой исследований кафедр факультета: история философии, онтология и теория познания, философия науки, социальная философия, философия политики и права, философии языка и коммуникации, философия религии и религиоведения, философия образования, логика, этика, эстетика и др.»³. На взгляд автора, в данной программе повышения квалификации чувствуется недоработка – не только из-за того, что такое предложение выглядит как рыночная, а не образовательная услуга. Ввиду отсутствия позиционирования продукта, т. е. соотнесения «наиболее важных параметров предлагаемого изделия или предоставляемой услуги с нуждами и запросами потребителей, с аналогичными параметрами продукции конкурентов и с изменениями во внешней среде» [3, с. 155], авторы признаются в отсутствии анализа рынка потребителей. Тогда с одной стороны такое предложение одновременно неконкурентоспособно, так как не конкретизирована целевая аудитория, не прописаны модули программы и сроки их реализации, с другой стороны, индивидуализированный подход всегда вне конкуренции. В данном случае в показателе «цена/качество» потребитель может лишь надеяться на качество, ориентируясь на бренд МГУ, но большую роль тут будет играть заявленная стоимость.

На проблемы с позиционированием и самоопределением философии в высшем образовании на примере ДПО косвенно указывают оставшиеся реализуемые программы ДПО, которые находятся на стыке философии и некой науки. Например, медицины в случае **«Философии медицины»** в МГУ (72 часа, 25 000 рублей); психологии – **«Философия и психология любви: современные теории и историческое наследие»** в РУДН (36 часов, 3900 рублей); литературы – **«Женский вопрос в русской литературе»** в РУДН (36 часов, 9000 рублей); истории – **«Политическая философия в России XIX – нач. XXI вв.»** в РУДН (72 часа, 9500 рублей); риторики – **«Ораторское искусство»** в РУДН (72 часа, 6300 рублей), и, наконец, на стыке философии и религии – **«Есть ли Бог», аргументы «за» и против»** в РУДН (72 часа, 9500 рублей). Такое недостаточно четкое позиционирование

³ Повышение квалификации в форме стажировки. URL.: <https://www.msu.ru/dopobr/programs/program/168428/> (дата обращения: 14.04.2023).

можно расценить как-то, к чему призвана выступать философия как общая методология для отраслей науки – основой для всех гуманитарных наук, но тогда встает вопрос – из-за чего так ограничено число подобных предложений ДПО на образовательном рынке?

Вероятно, ответ на данный вопрос кроется в мотивационной составляющей слушателей различных программ ДПО. По данным сайта Яндекс на февраль 2023 года у 76 % опрошенных основной мотивацией к получению ДО или ДПО служили цели – сменить работу или увеличить доход на текущем рабочем месте, и только 25 % интересуют в первую очередь получение новых знаний, т. е. не практическая, а познавательная составляющая. Примечательно, что представленные программы ДО по своей тематике действительно дополняют курсы философской дисциплины, изучаемой в университете (история античной философии; философия Древнего Востока; философия Средневековья; философия эпохи Возрождения; философия Нового времени; Немецкая классическая философия; неклассическая философия; история русской философии; современная философия; философия постмодерна; философская пропедевтика (введение в науку); аксиология и праксиология (учение о ценностях и их реализации); метафизика и онтология (науки о первопричинах сущего); гносеология и эпистемология (науки о знании); экзистенциальная философия; феноменология (наука о структурах сознания); социальная философия; телеология (учение о целесообразности окружающего мира); политическая философия; философская герменевтика (толкование философских текстов); практическая и коммуникативная философия; философская антропология). Единственная программа, которая не дополняет, а повторяет философскую проблематику, читаемую в университете, – программа ДПО «**Ораторское искусство**» в РУДН (72 часа, 6300 рублей), более знакомая нам как основы риторики и аргументации (ораторское искусство с применением логики). Но нет такого правила или распоряжения, чтобы программы ДПО представляли собой нечто уникальное или дополнительное к основной программе высшего образования. Многие вузы готовят бакалавров для поступления в магистратуру через программы ДО, почему подобного не делают на кафедре философии, можно же готовить аспирантов к сдаче кандидатского минимума по специальной программе ДО. Ведь самостоятельная подготовка к экзамену охватывает всю историю философии и может быть

весьма тяжелым для усвоения предметом для аспирантов технических специальностей или интернов, чьи знания в этом вопросе сильно поверхностны.

Какие выводы можно сделать: научная онтология философии высшей школы и философии, представленной ДПО сильно различаются. Существует ли онтология философии ДПО или нет? Поиски модусов или своего места в вещах для философии ДПО задача еще предстоящая. Говорить о философии ДПО как о микромодели философии высшего образования также некорректно. Если «онтология предметной сферы предполагает построение обобщенной концептуальной модели класса феноменов, обладающих качественной определенностью» [4, с. 100], то качество ДПО в первую очередь будет нести на себе отпечаток прибыли, а определенность, как видим, выше, пока какая-то есть только в философии науки как категории философии ДПО. Возвращаясь, к задаче исследования – выявить региональный аспект по вопросу философского ДПО на примере 10 Сибирских вузов, приходим к неутешительному выводу: в Сибири работает единственная программа ДПО по философии под названием **«Актуальные проблемы современной философии образования»** в НГПУ (72 часа и стоимость 6500 рублей).

Дополнительное образовательное пространство позволяет разным категориям людей закрывать пробелы в знаниях и получать новые знания или навыки, автор считает, что нужно делать ставку на новые актуальные знания, а такие, безусловно, есть и в философии. Например, в прошлогоднем сборнике «Всероссийских Копыловских чтений» прослеживаются интересные тематики кафедры философии НГТУ на примере работ В.Г. Новоселова «Философская проблематика сильного искусственного интеллекта» и И.В. Черепанова «Аналитические и герменевтические языки в рамках самоопределения личности», которые можно выигрышно адаптировать под программы ДО. Первые программы ДПО в НГТУ уже в разработке, пока тайны не раскрываются, но кто знает – возможно в сентябре нас ждет первая программа переподготовки по философии в России. Возможно, журналисты или айтишники будут с любопытством внимать программе ДПО по распознаванию истины в Интернете или по поиску ошибок в IT тестировании на основе методики Карла Поппера. Время покажет, а текущую картину мира по ДПО в философии я вам обрисовал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виссема Й. Г.* Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 432 с.
2. *Щелкунов М.Д.* Университеты нового поколения // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 187–192.
3. *Данилкова М.П.* Какое образование нам нужно? // Сборник научных статей по докладам XVI Всероссийских Копыловских чтений / под ред. М. В. Ромма, В. И. Игнатьева, В. Г. Новоселова, Л. Б. Сандаковой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – 203 с. – С. 31–38.
4. *Игнатьев В. И.* Морфогенез гибридного социума. Онтологизация цифры: монография / В. И. Игнатьев. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – 412 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ПОДХОДЫ, ИСТОРИЯ

Аннотация. Данная работа посвящена фиксации ключевых этапов становления и развития понятия социальной трансформации в отечественном и зарубежном научном дискурсах. Приводятся подходы к определению понятия, их сходства и различия. Сделаны выводы о большом разнообразии исследовательских позиций, а также важности исторического и национального контекста.

Ключевые слова и словосочетания: трансформация, социальная трансформация, общество, модель социальных трансформаций.

Введение

Начало XXI века стало временем масштабных изменений в обществе. Плюрализм норм и ценностей, мозаичность и фрагментарность социокультурного пространства, постоянно изменяющаяся шкала оценки существующих ценностных приоритетов, быстрота девальвации социокультурных феноменов, сокращение социальных дистанций, увеличение коммуникативных связей, глобализационные процессы, меняющие социокультурность – такова характеристика современности [1]. Вышеперечисленные экспликации текущей действительности отражают особенности явления, которое носит название социальной трансформации. Но само по себе данное понятие не является атрибутом, свойственным только текущему веку. Понятие социальной трансформации прошло длинный путь в своем развитии, и путь этот еще не окончен. Основная цель данной работы состоит в фиксации ключевых этапов становления и развития понятия социальной трансформации.

Для начала зафиксируем определение искомого понятия социальной трансформации. Итак, под социальной трансформацией (от лат. *transformatio* – «преобразование») будем понимать постепенное преобразование социальных институтов и структур, приводящее к их фундаментальным изменениям. Социальная трансформация предполагает наличие в обществе объективных и субъективных факторов, обуславливающих необходимость данного изменения [2]. Принципиально важно на данном этапе постулировать также то, что автор разделяет

позицию известного польского социолога П. Штомпка, который в своей работе, ставшей классической, «Социология социальных изменений», проводил различие между незначительными изменениями составляющих системы и трансформацией самой системы. А именно: «Иногда изменения имеют частный, ограниченный характер и не находят заметного отклика в других звеньях системы. Ее целостность сохраняется и не претерпевает глобальных преобразований несмотря на постепенные изменения, протекающие внутри. <...> В других случаях изменения могут охватывать все (или по меньшей мере основные) компоненты системы, приводя к ее полному перерождению и заставляя относиться к новой системе как к принципиально отличной от прежней. Это прекрасно иллюстрирует большинство социальных революций. Данный тип радикальной трансформации можно назвать изменением самой системы» [3].

Также стоит оговориться, что автор не претендует на полноту охвата концепций и специфики трансформационных процессов в обществе с точки зрения социологии, экономики или политики ввиду колоссального разнообразия последних. Данный материал будет являться контурным наброском, попыткой анализа и осмысления основных имеющихся на данный момент исследовательских позиций.

Концепции социальных трансформаций

На настоящий момент исследователями традиционно выделяются четыре основных подхода в исследовании социальных трансформаций, а именно эволюционные модели, циклические теории, конфликтологические модели, функционалистские модели [4]. Кроме того, можно обозначить ряд исследователей, чьи позиции в большей или меньшей степени отличались от общепринятых. Последовательно охарактеризуем каждую.

Эволюционная модель. Основные постулаты сторонников данной концепции заключались в том, что явление трансформации является направленным, естественным и нескончаемым процессом. И процессом при этом необходимым, происходящим из одних и тех же источников и обязательным для всех. Представителями данного направления являются О. Конт, которого, к слову, считают основателем социологии как науки, а также Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и другие. Представители же своеобразного ответвления в рамках эволюционной модели не так категоричны в своих взглядах об абсолютно общих эво-

люционных характеристиках процесса трансформации, свойственных любому государству. Они полагают, что необходимо отдельное изучение каждого общества с учетом особенностей эволюционных стадий последних. Среди представителей данного направления мысли можно обозначить Г. Ленски, М. Салинса, Э. Сервида, Р. Стюарта.

Циклическая модель. Один из самых известных репрезентантов данной модели – О. Шпенглер. В одной из своих работ он постулировал, что каждая культура проходит одну и ту же последовательность фаз развития, сопоставимых с жизненными стадиями человеческого существа: младенчество, юность, зрелость, старость, и основные черты каждой фазы тождественны во всех культурах; все культуры сходны по длительности существования и темпам своего развития; исторические события, относящиеся к одной культуре, имеют соответствия во всех других [5]. Вторит данной позиции А. Тойнби, считавший, что рост и закат различных обществ существуют как ответы на вызовы физической и социальной среды [6].

Конфликтологическая модель. Или, другими словами, революционная модель. Последняя возникла как противоположность эволюционной модели. Стоит сказать, что конец XIX в. в западной общественной науке прошел в дискуссиях между сторонниками эволюционных и революционных теорий. Проблема социальных трансформаций решалась в рамках этих теорий, соответственно, как один из этапов эволюционного развития или масштабные последствия революций [7]. В качестве представителей конфликтологической модели стоит упомянуть Р. Дарендорфа, А. Токвиля, К. Маркса.

Функционалистская модель. В рамках данного подхода изменения рассматриваются как результат увеличения населения, развития технологий, усиления классового неравенства и, как следствие, увеличения масштабов борьбы за владение ресурсами. Среди представителей концепции стоит упомянуть Т. Парсонса.

Нельзя также не вспомнить еще об одном классическом произведении, обсуждавшему вопросы трансформационных процессов – это «Великая трансформация» под авторством К. Поланьи. Он, отдавая должное и другим факторам, в вопросах причин трансформации обществ главенствующую роль отводит экономике, а именно экономическим преобразованиям. Именно они, с позиции К. Поланьи, подтолкнули различные мировые общества конца XIX – начала XX века к массовым трансформациям [8].

Также необходимо упомянуть К. Поппера, который полагал, что любое социальное изменение есть продукт свободного человеческого социального творчества [9].

Говоря об отечественных подходах к понятию социальной трансформации, стоит сказать о том, что лавинообразный рост публикаций по данной исследовательской тематике отмечается в конце XX – начале XXI века, что вполне объясняется разворачивающейся в то время политической картиной российского общества. Основные исследовательские позиции можно свести к нескольким идеям. Т.И. Заславская фиксирует, что социальную трансформацию следует понимать как радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы общества [10]. В.А. Ядов акцентирует внимание на присутствии национально-культурного своеобразия, свойственного процессам преобразования общества [11]. Н.И. Лапин предлагает концепцию социокультурных трансформаций российского общества и приходит к выводу, что «динамика нашего кризисного социума на рубеже XX–XXI вв. служит формой перехода к завершению ранней либерализации, начавшейся еще в середине XIX столетия и прерванной рецидивами традиционализма» [12]. Позиция З.Т. Голенковой состоит в том, что «трансформация российского общества не только с неизбежностью повлекла за собой изменения в социальной структуре, но и остро поставила перед традиционными общностями вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, интеграции и дезинтеграции, месте в социальной иерархии, о солидарности, партнерстве, уровне сплоченности, системе ценностей» [13].

Заключение

Все вышеозначенное позволяет нам зафиксировать выводы о том, что понятие социальной трансформации прошло достаточно длинный путь в своем становлении и развитии. Путь этот изобилует различными исследовательскими позициями, идеями и взглядами. Кроме того, необходимо заметить, что конвенциональная точка зрения как о том, что следует понимать под социальной трансформацией, так и о том, какие ее характеристики являются ключевыми, на данный момент в научном дискурсе отсутствует. Также, по мнению автора, существенным представляется то, что в понимании сущности процесса социальной трансформации важную роль играет как национальный, так и исторический контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кокорин В. В.* Социальные трансформации: постановка проблемы / В. В. Кокорин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 4. – С. 74–82.
2. Социология: словарь-справочник / А. В. Лубский и др.; под общ. ред. Ю. Г. Волкова; Юж. федер. ун-т, Ин-т по переподгот. и повышению квалификации преподавателей гуманитар. и соц. наук. – Москва : Диапазон-В, 2006. – 347 с.
3. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – С. 22–23.
4. *Кармадонов О. А.* Феноменология социальных трансформаций: эвристические основания / О. А. Кармадонов // Вузовская наука начала XXI века: гуманитарный вектор. – Екатеринбург, 2002. – С. 129–132.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы / О. Шпенглер. – Москва : Наука, 1993. – 592 с.
6. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – Москва : Рольф, 2001. – 640 с.
7. *Ламаджаа Ч. К.* Социальная трансформация / Ч. К. Ламажаа // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 262–264.
8. *Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи; пер. с англ. А. Васильева, А. Шурбелева; под общ. ред. С. Е. Федорова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002.
9. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К. Р. Поппер; пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
10. *Заславская Т. И.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – Москва : Дело, 2002. – 568 с. – (Московская школа социальных и экономических наук).
11. *Ядов В. А.* Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ : учебное пособие / В. А. Ядов. – Москва : МПСИ, 2005. – 584 с. (Гриф Российской Академии образования).
12. *Лапин Н. И.* «Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций» / Н. И. Лапин // Мир России. Т. 9. – № 3, декабрь 2010 г. – С. 3–47.
13. *Голенкова З. Т.* Основные тенденции изменения социальной структуры российского общества в условиях глобализации и трансформации / З. Т. Голенкова // Философские науки. – 2011, № 4. – С. 44–57.

ПОСТМОДЕРНИЗМ

В отличие от неклассической философии постнеклассическая философия не пытается быть более близкой к жизни, но она не возвращается и к абстрактности и спекулятивности философии классической, – она утверждает, что приблизиться к смыслу жизни можно только через бесконечные иронические, игровые и плюралистичные толкования действительности, которые не могут быть рациональными.

Постнеклассическая философия отграничивается от ориентации философии модернизма на создание чего-то принципиально нового. Она доказывает: все, что можно сказать, было когда-то сказано.

Философия постнеклассическая провозглашает принципиальное разнообразие и плюрализм в жизни и взглядах, она не признает никаких устоявшихся правил и норм, апеллируя к хаосу и разнообразию. Подобно тому, как философию неклассическую иногда именуют «модернизмом», за постнеклассической философией закрепился термин «постмодернизм».

Постмодернизм доминирует в философии, начиная со второй половины XX века, однако это не означает, что в этот период не было других подходов или постмодернистские идеи не встречались раньше. В наше время наблюдается тенденция к поиску постмодернистских идей во все более отдаленном прошлом и, как пошутил на этот счет Умберто Эко, – попытки «объявить постмодернистом самого Гомера».

На формирование постмодернистской философии оказали влияние Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн. Ф. Ницше выступил с требованием переоценки ценностей, отказом от идейных наработок классической философии и абсолютной истины. Ф. Ницше – провозвестник постмодернистской философии. Ницшеанскую линию мысли продолжил М. Хайдеггер своей критикой разума. По его мысли, новоевропейский разум характеризуется инструментальностью, символом чего является техника. Техника не оставляет места для гуманизма. Поэтому общество техники антигуманно. Влияние философии Л. Витгенштейна сказалось во внимании философии постмодернизма к анализу структуры языка. Указанные траектории осмысления духовного состояния общества и находят свое развитие в постмодернистской философии.

Термин «постмодерн» как философское понятие впервые употребил в 1979 году французский философ Жан-Франсуа Лиотар (1924–1998) в своей знаменитой книге «Ситуация постмодерна: доклад о знаниях». После этого данное понятие окончательно оформилось в трудах американских философов Ихаба Хассана (род. 1925) и Масуда Завазде (род. 1938). На основе трудов этих ученых и произошло становление специфической «постмодернистской философии».

Постмодернизм – это довольно неоднородное направление, включающее в себя огромное разнообразие взглядов и идей, порой достаточно противоречивых между собой. До настоящего времени не сложилось однозначного толкования термина «постмодернизм». Ведутся также споры и о дате возникновения философии постмодернизма. Одни исследователи датируют рождение постмодернизма 1980 годом, когда Жак Деррида защитил в Сорбонне докторскую диссертацию, в которой изложил основы «деконструкции» – метода ревизии всей предыдущей философии, ставший главным методом постмодернизма. Другие исследователи считают, что это направление выкристаллизовалось, по крайней мере, на десятилетие раньше, отождествляя его с постструктурализмом (Лакан, Фуко), которые впервые указали на «отсутствие структуры», т. е. присущие действительности хаос и разнообразие – центральные понятия философии постмодернизма.

В философии постмодернизма отмечается сближение ее не с наукой, а с искусством. При таком рассмотрении философская мысль оказывается не только в зоне маргинальности по отношению к науке, но и в состоянии индивидуалистического хаоса концепций, подходов, типов рефлексии, каковое наблюдается и в художественной культуре конца XX века. В философии, так же как и в культуре в целом, действуют механизмы деконструкции, ведущие к распаду философской системности, философские концепции сближаются с «литературными дискуссиями» и «лингвистическими играми», преобладает «нестрогое мышление». Декларируется «новая философия», которая «в принципе отрицает возможность достоверности и объективности, такие понятия как «справедливость» или «правота» утрачивают свое значение». Поэтому постмодернизм определяется как маргинальный китчевый философский дискурс с характерной антирациональностью.

Однако, какими бы ни были взгляды по этому поводу, можно утверждать, что постмодернизм возник тогда, когда в сознании философов появилось радикальное отграничение как от классической, так

и от неклассической философии и попытки сформировать принципиально новый стиль философствования, хотя, с одной стороны, в отличие от модернизма, постмодернисты воспринимают собственные взгляды на основе установки, которую они называют "deja-vu" (фр. «уже виденное»), т. е. не верят в любую новизну.

Все предыдущие традиции постмодернисты обвиняют в «универсализме», т. е. попытке создать обобщающую теорию или учение, объясняющее весь мир. Постмодернисты называют такое всеобщее учение (например, философию Платона или Гегеля) «маской догматизма», т. е. замаскированной идеологией, которая призвана подчинить неповторимую человеческую личность какой-то всеобщей цели: «державе», «Богу», «идеям» и т. п. Постмодернизм сознательно отказывается от создания все объясняющих и всеобщих учений вроде «метафизики», провозглашая собственные взгляды «постметафизическим мышлением». Едва ли не самый знаменитый философ-постмодернист Жак Деррида в вышеупомянутой докторской диссертации разработал метод «деконструкции», с помощью которого можно определить, выделить и отвергнуть аксиомы, на которых базировалась вся европейская метафизика, и перейти к мышлению вне данных аксиом.

Постмодернисты фиксируют в современном мире тотальную «семиотизацию» бытия, или, как они выражаются, «симуляцию» (фр. *simulation*), т. е. мощное и безудержное расширение знаково-символической сферы (языка, письма и др.) вплоть до того, что эта сфера приобретает статус единой и самодостаточной реальности. Лейтмотивом постмодернизма является известный принцип Дерриды: «ничего не существует вне текста». Весь мир, человек, литература, история и т. п. — это бесконечный безграничный текст, причем в отличие от аналитической философии и герменевтики в постмодернизме знаки могут быть «пустыми», т. е. такими, что, по словам Жана Бодрийяра (1929–2007), «вообще не соотносятся с какой бы то ни было реальностью».

Сегодня очевидным и безусловным является то, что постмодернизм — это прямой наследник постструктурализма, хотя на него оказали влияние и другие направления и течения философии XIX–XX веков. Идейные истоки постмодернизма можно найти в философии Ф. Ницше, психоанализе, неомарксизме, феноменологии, философии М. Хайдеггера, семиотике, философии диалога, теории языковых игр и даже в философии И. Канта.

В концепции так называемой «постмодернистской чувственности» провозглашается восприятие мира как хаотичного и разнообразного. Таким образом, отрицается попытка предыдущей философии найти в этом мире первопричину («теоцентризм») и цель («телеоцентризм»).

Каким же способом можно познать эту семиотизированную, хаотическую и разнообразную реальность?

Прежде всего, как пишет итальянский постмодернист Умберто Эко (род. 1932), «иронично и без наивности». Именно «ирония» становится одной из главных познавательных установок постмодернизма. Что же такое «ирония»? Это фигура, построенная на расхождении смысла высказывания и замысла, т. е. того, что «есть» и того, что «выражается». В противоположность «серьезности» модернизма, который пытался быть «ближе к реальности» и называть «вещи своими именами», постмодернисты отстаивают право называть вещи «любыми именами», чем создают возможность для бесконечного разнообразия толкований. Но именно благодаря этой мозаике интерпретаций мы и можем приблизиться к смыслу.

Постмодернизм подвергает сомнению попытки во всем видеть «логический смысл» («логоцентризм»). Учения, провозглашающие логическое мышление основой познания, служат, по их мнению, «империализмом разума». Постмодернисты сознательно пытаются отграничиться от этого империализма, постоянно подчеркивая спонтанность мысли, фантазии и воображения, а также работу бессознательного.

Одним из самых больших недостатков логоцентризма, по мнению постмодернистов, является «бинаризм» – восприятие всей действительности через двойные оппозиции («истина – ошибка», «добро – зло», «мужское – женское» «внутреннее – внешнее» и т. п.). По мнению постмодернистов, хаотичный и разнообразный мир таким образом моделировать невозможно – и поэтому на смену бинаризму вводится понятие «складка» (фр. pli – «сгиб», «преломление»), систематическую разработку которой осуществил французский философ Жиль Делез (1925–1995). Смысл термина «складка» можно объяснить, если рассмотреть линию, заломившуюся в какой-либо точке. С одной стороны, это две разные линии, а с другой, они имеют точку соприкосновения, что символизирует их взаимосвязь. Кстати, в поле критики постмодернистов попадает и «ложная» гендерная противоположность между мужчиной и женщиной, а также так называемый «фаллоцентризм» – засилье мужского начала в западноевропейской культуре.

Из всех вышеприведенных взглядов следует также специфическое восприятие постмодернистами человека и общества. По их мнению, понятие «личность» и даже понятие «субъект» совершенно лишены смысла, поскольку человеческое сознание – это сумма текстов, причем текстов не самостоятельных, а «уже имевшихся». Кроме того, если ложным является противопоставление внутреннего и внешнего («слоложение»), то «внутренний мир человека» есть не что иное, как «ложная внутренность смысла, уже сплошь проработанная его же собственным внешним» (Деррида). Из всего этого следует утверждение постмодернистов о несуществовании субъективной личности, т. е., по словам М. Фуко, «смерть субъекта». Через человека, по выражению французского философа, «говорит речь», т. е. высказываются разные, присутствующие в человеке «дискурсы» (так постмодернисты обозначают артикуляцию в языке или других средствах содержания сознания, определяемую доминирующими в той или иной социокультурной традиции типом рациональности) и наборы типичных фраз, где-то и когда-то услышанных и усвоенных. Называя эту позицию «логотомией», Жак Деррида ввел в философию интересное понятие «Онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм», отражающее в общем виде все изъяны классической культуры. «Фоноцентризм» означает ориентацию западноевропейской культуры на вслух озвученный язык, который, по его мнению, способствует некритическому восприятию тех или иных тезисов. Автор письменного текста также не говорит сам от себя, а надевает на себя, по выражению Роланда Барта (1915–1980), «авторскую маску». Поэтому философ провозглашает «смерть автора», от которой недалеко и до «смерти читателя». Поскольку субъекта не существует, то не существует и его бинарной противоположности объекту (так называемая концепция «украденного объекта»).

Постмодернисты подвергли сомнению и понятие «общество», заменив его выражением «пространство социального текста», а также отвергли теорию общественного прогресса. Холокост и две мировые войны, нацизм и коммунизм, по их мнению, ставят под сомнение прогресс человечества. Постмодернисты также объявляют себя социальными «маргиналами» (от лат. «margo» – «край», «граница»), т. е. продуцируют своеобразное самочувствие творческой интеллигенции конца XX – нач. XXI вв., состоящей в сознательном ориентировании собственной позиции на периферийность, обособленность от общества и морали. (например, Мишель Фуко прославился не только своими

бессмертными идеями, но и своим поведением, экстравагантной стрижкой наголо, дизайнерскими очками и бисексуализмом, который фактически и стал причиной его смерти от СПИДа в 1984 г.).

Постмодернизм не признает каких-либо исторических магистральных идей, доминирующих в культуре, т. е. «метанарративов» (лат. «narrare» – «вербальное изложение», «пересказ»), – они сознательно предоставляют своим творческим поискам иронический и игровой характер, проникая в самые разные сферы действительности: от почтовой открытки – к операционной системе Windows, от Гегеля и Ницше – к истории сексуальности. Постмодернизм нельзя обозначить какими-либо ведущими течениями или идеями, он характеризуется радикальным пересмотром базисных, во многом толкуемых традиционно, концепций и понятий, что приводит к абсолютной плюральности, делающей возможным религию без Бога, мистику без сверхреального и т. п. Пожалуй, вполне справедливым будет определение, которое дал постмодернизму немецкий философ Вольфганг Вельш (род. 1944): «постмодерн... понимается как состояние радикальной плюральности, а постмодернизм – как его концепция». Действительно, философию постмодернизма можно назвать философией разнообразия и плюрализма. Она не признает чего-либо унифицированного и устойчивого, она не признает единой истины и единого представления о мире, она критична и иронична.

Философия постмодернизма переосмыслила и все социологические и социально-философские знания. Традиционная социология и социальная философия, по мнению постмодернистов, страдала теми же недостатками, что и вся прошлая философия, а именно «проективностью» (верой в социальный порядок (а не хаос), как идеал, которого нужно достичь, верой в прогресс и модернизацию), «администрированием» (представлением об обществе как целостном механизме, и стремлением его улучшить) и «бинаризмом» (оценкой людей через бинарные оппозиции (социализация – девиация, соглашение – конфликт, добро – зло, справедливость – несправедливость и т. д.)).

Постмодернизм ставит под сомнение само понятие общества, так как в условиях текстуализации и хаотизации человечества рассматривать общество как целостность бессмысленно. Соответственно, совершается попытка подменить понятие «общество» понятием «пространство социального текста». Постмодернизм отбрасывает теорию прогресса или общественного развития, наличие порядка в обществе, призывая к представлению о людях вне бинарных оппозиций.

Наконец, термин «постмодернизм» трактуется постмодернистами как «послесовременность», то, что происходит «после времени», в ситуации завершенности истории или «вне истории». С одной стороны, такое «внеисторическое» бытие понимается в контексте идей Фукуямы, а с другой стороны, история объявляется неоригинальной и повторяющейся. Постмодернизм утверждает принципиальную неоригинальность истории, что бы там ни было. Такой подход практически означает отбрасывание истории как таковой, хотя чаще всего он выступает в качестве фермента для более тщательного исторического анализа.

Если попытаться выделить основные идеи постмодернизма, то их можно свести к следующим.

1. Методология мысли философии постмодерна опирается на принципы плюрализма и релятивизма, которые отрицают иерархичность и целостность и предполагают своего рода нелинейный порядок возможных множественностей.

2. Онтология постмодерна – это антионтология. Постмодернизм разрушает понятие бытия, его место занимает категория языка. Постмодернизм критично относится к метафизике. Представители постмодернистской философии называют ее онтологией, тем самым подчеркивая трансцендентный характер ее категории, что постмодернисты и хотят искоренить.

3. В рамках интеллектуальных построений постмодернизма присутствует и этика. Человек здесь – это имморалист, используя выражение Ф. Ницше, он находится по ту сторону добра и зла. Этические категории мыслителями-постмодернистами связываются с политическими.

4. Постмодернистская мысль эстетически окрашена, в ней стерта граница между литературой, искусством. В постмодернизме стерта граница между высоким искусством и китчем. Суть всякого искусства заключена в использовании цитаты, символом этого является коллаж.

В современной постмодернистской философии осуществлена попытка преодоления онтологии («онтоцентризма»), т. е. попытка отбросить онтологию вообще. Как уже отмечалось, постмодернисты фиксируют всеобщую семиотизацию современного мира, т. е. мощное расширение знаково-символической сферы. Многие постмодернисты признают эту сферу цельной и самодостаточной реальностью.

Таким образом, в постмодернизме либо отбрасывается понятие бытия, заменяясь знаком, либо, по крайней мере, отрицается его понимание как «существования», «наличия» чего-либо вне знаков.

Следовательно, если бытия не существует, а существуют только знаки и символы, то лишается смысла любая онтология. Существует только безграничный, бесконечный текст, а не какое-то там бытие – утверждают постмодернисты.

В отличие от аналитической философии, герменевтики и других философских теорий, постмодернисты полагают, что в этом тексте то, что означает (*signans*), т. е. знаки, могут быть и «пустыми», т. е. такими, которые не отвечают «означаемому» (*signatum*).

Этот текст является изменчивым, однако снова же не под действием того, что он означает, а как утверждает постмодернизм, семиосфера обладает внутренним самодвижением – «хорой». Здесь следует отметить, что понятие «хора» принадлежит Платону и означает бытие, которое вечно движется, возникает в одном месте и снова из него исчезает (диалог *Тимей*). Однако в постмодернизме это понятие означает не самодвижение бытия, а самодвижение знаковой сферы.

В постмодернистской философии утрачивают смысл категории, фиксирующие свойства бытия, вплоть до таких как природа, обуславливающих определенную упорядоченность бытия. Однако «постмодернистская чувственность» провозглашает мир «хаотичным и разнообразным», а значит, отрицает стремление онтологии найти первопричину сущего (теоцентризм), причинность вообще (линейный детерминизм) или всеобщую цель (телеоцентризм). И если в действительности и возникает периодически некий порядок, то это происходит благодаря самоорганизации систем, а не какой-то внешней причине.

Спектр оценок постмодернизма колеблется от патетических увлечений до сплошного отрицания, однако несомненно и ценно то, что эта философия поставила проблемы, которые никто никогда не ставил, продемонстрировала нам невозможность мыслить так, как мы мыслили ранее, необходимость смены традиционных установок и даже философского языка («*deja-vu*», «маска догматизма», «постметафизическое мышление», «симуляция», «хора», «постмодернистская чувственность», «теоцентризм», «телеоцентризм», «ирония», «логоцентризм», «империализм разума», «логомахия», «бинаризм», «складка», «сборка», «фаллоцентризм», «смерть субъекта», «дискурс», «смерть автора», «смерть читателя», «украденный объект», «проективность», «админи-

стрирование», «маргинальность», «метанарратив» – эти и многие другие понятия введены именно постмодернистами).

Следовательно, эту философию можно рассматривать как своеобразный фермент всей западноевропейской мысли, без которого не обойдется дальнейшая философия. Нельзя не учитывать таких благих действий постмодернизма, как критика идеологий, интерес к хаосу и разнообразию и тому подобное, чего предыдущая философия постоянно сторонилась. Однако следует отметить, что постмодернизм стал больше критическим проектом, чем творческим, а нивелирование таких понятий как «добро и зло», «прекрасное и безобразное» привело к потере человеком ориентиров в этом мире. Поэтому многие из современных мыслителей рассматривают постмодернизм как уже завершённый этап в философствовании, называя современную философскую ситуацию «after-postmodernism».

Английское слово «after» означает одновременно «после», «за», «по ту сторону», а также «согласно». В данном случае речь идет не только о философии «после» постмодернизма, но и «согласно» его достижениям. Действительно, самая современная философия, называющая себя after-post-modernism, мыслит и в противовес, и «согласно» постмодернизму. Поэтому в самом общем виде переосмысление постмодернизма происходит сейчас двояко.

Во-первых, из-за частичной реставрации классической философии в так называемом «неоклассицизме» (М. Готдингер и др.), который провозглашает «культурный классицизм в постмодернистском пространстве». Сторонники этой философии, не отвергая положительных достижений постмодернизма, пытаются восстановить некоторые, в запале сметенные метлой постмодернизма, идеи, например, «вернуть утраченное значение», т. е. восстановить связь между знаком и действительностью.

Во-вторых, из-за частичной реставрации классической философии, т. е. попытки найти еще какую-то «последнюю реальность», как это делала философия неклассическая. Есть попытки заменить постмодернистскую «текстуальную реальность», на другую «коммуникативную реальность», которая как раз и объявляется «последней». Это реализуется в «коммуникативной философии» Карла-Отто Апеля (род. 1922) и мотивируется этот взгляд тем, что коммуникация выходит в современном мире на передний план (для обозначения этой тенденции уже даже используют термин «коммуникативный поворот»). В рамках

коммуникативной философии также происходит восстановление некоторых уничтоженных постмодернизмом понятий, как, например, «воскрешение субъекта», т. е. «обнаружение субъекта в контексте вербальных практик».

Какими путями пойдет дальше философия, можно лишь предполагать, однако очевидно, что все последующие идеи будут в той или иной степени корректироваться с постмодернизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисов Б. Н.* Постмодернизм: монография / Б. Н. Борисов. – Москва–Берлин : Директ-Медиа, 2015.
2. *Деррида Ж.* Позиции / Ж. Деррида. – Москва : Академический Проект, 2007.
3. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – Москва, 1996.
4. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – Москва : Интрада, 1998.
5. История современной зарубежной философии. Компаративистский подход. – Санкт-Петербург, 1997.
6. Современная западная философия : словарь. – Москва, ИПЛ, 1991.
7. *Хикс Стивен.* Объясняя постмодернизм / Стивен Хикс. – Москва : Рипол-Классик, 2021.
8. *Welsch W.* «Postmoderne». Genealogie und Bedeutung eines umstrittenen Begriffs / W. Welsch // «Postmoderne» oder Der Kampf um die Zukunft. Hrsg. von R. Kemper. – Frankfurt in M., 1988. – S. 9–36.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ФИЛОСОФСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть понятия «искусственный интеллект» с философской и юридической точек зрения, что, по мнению автора, является важным инструментом для построения последующей концепции понимания данного явления в законодательной и правоприменительной деятельности. В данной статье будет приведено несколько точек зрения относительно сущности искусственного интеллекта, которые будут рассмотрены и проанализированы автором. На основе информации, полученной из данного анализа, автор выскажет собственную точку зрения относительно сущности искусственного интеллекта, а также предложит иное название данного явления.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, искусственная когнитивная система, сознание, разум, искусственный разум, правосубъектность, правовое регулирование.

Информационные технологии активно входят в сферу жизни как общества в целом, так и в жизнь отдельно взятого человека, живущего в наше время. Они становятся частью нашей повседневной жизни. Сложно отрицать и то, что общество перешло на такую стадию развития, которая характеризуется тем, что в основе прогресса лежат достижения научно-технической революции, т. е. периода развития, когда основное влияние на общество оказывают цифровые технологии, нейросети, ЭВМ, интеллектуальные системы. Однако здесь есть место и для такого явления как искусственный интеллект (далее – ИИ), который является, наверно, самой спорной частью современного этапа развития общества.

Данная проблема не обошла стороной и юриспруденцию. В этой связи также стоит упомянуть о том, что информационные технологии развиваются по закону Мура, согласно которому вычислительная мощность компьютерных систем удваивается приблизительно каждые 18–24 месяца, что позволяет сказать не о линейном развитии данной сферы технологий, а о его экспоненциальном характере. В связи с этим и рядом других факторов стоит сказать, что правовое развитие не поспевает за быстрорастущим прогрессом информационных технологий,

что может служить одной из основных причин столь слабого правового регулирования данной области.

В юридической науке долгое время обсуждается и разрабатывается проблема сущности искусственного интеллекта. В российском же праве легальное определение искусственного интеллекта появилось совсем недавно, а если говорить точнее, то оно содержится в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1]. В соответствии с положениями данного документа под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Однако даже при наличии легального определения в научной правовой среде не утихают споры о том, что следует считать на практике искусственным интеллектом. Также сложность в данной области появляется и в том, что проблема создания искусственного интеллекта, по сути, сводится к тому, чтобы создать систему технических средств как физического, так и программного свойства, которая бы максимально походила по механизму своего функционирования с работой человеческого мозга [2, с. 78]. В связи с этим в данной статье будут рассмотрены различные подходы к пониманию сущности искусственного интеллекта и его признаков.

Вообще, сам термин «искусственный интеллект» является научно популярным, а в науке применяется его смысловой синоним – искусственная когнитивная система. По словам некоторых исследователей [3, с. 77], ведущие ученые в этой области науки С. Рассел и П. Норвиг утверждают, что существует четыре подхода к определению сущности искусственного интеллекта. Первые два подхода строятся на критерии максимального сходства данной системы с человеком, что выражается в формуле «думающий, как человек» (это первый подход) и «действующий, как человек» (это второй подход). Исходя из смысла этих двух подходов, вытекает, что искусственный интеллект есть «аппаратный

и информационно-программный комплекс, действие которого аналогично действию механизмов человека» [3, с. 77].

Теперь стоит выявить сущностные признаки искусственного интеллекта, которые вытекают из данного определения. Во-первых, это аппаратный и информационно-программный комплекс, т. е. он имеет внешнюю (аппарат) и внутреннюю составляющую (программное и информационное обеспечение). Во-вторых, его действия и поведение аналогичны человеческому. Именно данная характеристика составляет, по моему мнению, минус данной концепции понимания искусственного интеллекта, ибо развитие этой технологии еще не дошло до стадии того, чтобы искусственная система могла действовать в рамках именно механизма человеческого поведения и человеческого интеллекта. Также слабость видится в отсутствии критерия «человечности» интеллекта, что проявляется, прежде всего, с юридической точки зрения, в отсутствии юридиконаучной дефиниции «человеческого интеллекта», хотя данный минус, возможно, со временем нивелируется.

В этой связи хотелось бы осветить, что такое «сильный» и «слабый» ИИ. Под «слабым» ИИ понимается техническая система, нацеленная и созданная для решения частных задач (написание сценариев для фильмов, создание музыки). В то же время «сильный» ИИ используется для решения широкого (а может и бесконечного) спектра задач [4, с. 25]. Как мне кажется, сторонники первых двух концепций имели в виду именно «сильный» ИИ, так как слабый нацелен на решения задач узкого профиля, что не может сводиться под критерий максимального соответствия механизму мышления и поведения человека, так как, несмотря на то что человек может иметь узкую направленность своих знаний и навыков, он тем не менее в процессе своей жизнедеятельности выполняет множество различных задач.

Все это позволяет сказать, что данное понимание искусственного интеллекта далеко от современных реалий развития данной области технологий, однако оно может стать очень актуальным в будущем, ибо развитие искусственного интеллекта идет, в одном из своих направлений, именно по направлению построения системы, которая будет максимально точно повторять механизм мышления человека. Последние же два подхода являются в некотором роде антонимичными первым двум, так как в понимании их сторонников искусственная когнитивная система может быть признана и являться таковой, исходя только из

критерия рациональности мышления (это третья концепция) и рациональности действия (это четвертая концепция).

Исходя из этого техническая система считается ИИ, если думает и действует правильно, но только при том условии, что она знает, что «правильно», а что нет. Исходя также из этого принципа, задача такой системы сводится к соблюдению принципа рациональности «в мыслях» и «в действиях», под чем понимается совершение наиболее эффективных физических и мыслительных операций, направленных на достижения наиболее оптимального результата в определенной ситуации. Минусом данного понимания является то, что следует понимать под словом «рациональность» применительно к ИИ. Это вызывает вопросы в том плане, что следование рациональности относится к чисто интеллектуальному моменту, что может вызвать вопросы морального характера, ибо существуют ситуации, когда принцип рациональности идет в прямое противоречие с нормами человеческой этики.

Также возникает вопрос относительно того, что является основой такой «рациональности», ибо, как известно рациональность человеческого мышления строится на законах логики. Можно было бы заметить, что и машины работают по тем же законам логики, однако принятие решений у людей всегда сопровождается в какой бы то ни было степени наличием эмоций, мотивов, как элементов сознания. В данном же плане машины с ИИ полностью от этого свободны, что может говорить о том, что у них будет наличествовать схожая, но иная логика, лежащая в основе их рациональности.

В этой связи хотелось бы привести слова Шерри Теркл [5, с. 323], которая говорит о неразрывности мыслей (как основной единицы механизма человеческого интеллекта) и чувств: «Когда их отрывают друг от друга и неправомерно считают их взаимоисключающими, познание может свестись к чисто логическому процессу, холодному, сухому, безжизненному, а эмоциональное начало – рассматриваться в качестве примитивно-животного и не поддающегося анализу». Это говорит о важности сознания как составляющей человеческого разума, как совокупности человеческого интеллекта и сознания, и его главного отличия от искусственного интеллекта в вышеописанном понимании.

Термин «искусственный интеллект» нашел свое понимание и изучение и в отечественной юридической науке, где пионером в этой области выступил П.М. Морхат. По его мнению, «искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая

(и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber physical), в том числе биокибернетическая (bio cybernetic), система, наделенная/обладающая рядом программно синтезированных способностей и возможностей» [3, с. 78; 4, с. 25].

Данное определение хорошо тем, что дает понятие по системе «род-вид», что сразу позволяет определить предметную составляющую данного понятия. Здесь же содержится такая характеристика как «автономность». Под этой характеристикой определяется способность эволюционирования и самосовершенствования системы от запрограммированной машины к полностью или частично самостоятельной сложной системе, которая способна проводить различного рода операции без какой-либо внешней поддержки и на основе уже полученных данных. При этом одной стороной этого является то, что данная система способна выдавать такие результаты, которые не могут быть даже понятиями с точки зрения человеческой логики, что обеспечивается вычислительными мощностями данной системы и неограниченным объемом информации, доступной для обработки данной системой. Это может иметь далеко идущие последствия как во всех областях человеческой деятельности (замена людей роботами, доминирование искусственных систем на рынке труда), так и в юридической области (несанкционированный доступ к личным данным, большой объем дезинформации в информационном пространстве, нелегальное использование криптовалюты и подобных ей финансовых систем, повышение опасности и динамики, усложнение структуры киберпреступности) [6, с. 16].

Теперь же хотелось бы поговорить о том, что такое искусственный интеллект в философском понимании. Прежде всего, необходимо понять, что такое вообще интеллект. Под интеллектом в философии понимается способность к мышлению и рациональному познанию, при этом вся эмоциональная составляющая, такая как чувства, эмоции, переживания, не входит в объем данного понятия [7, с. 215].

Однако сам человек и его мышление строится на синтезе двух элементов: интеллекта и сознания. Именно сознание, как составляющая нашей личности, определяет и управляет эмоциями; воля является его составной частью (познание невозможно без воли). Человек в процессе всей своей деятельности выступает не только как носитель интеллекта, но и как носитель сознания, своего собственного «Я» или множеств «Я».

Именно благодаря самоидентификации человек и приобрел способность к познанию, ибо без осознания себя и своих потребностей (в том числе потребности в познании) он не будет нуждаться в познании как виде деятельности. И именно тут стоит провести черту.

Если искусственная когнитивная система будет представлять из себя только лишь совокупность технических, программных и иных средств, способных рационально думать и действовать, т. е. находить варианты решения, наиболее эффективные для решения какой-либо задачи, то она мало чем будет отличаться от той же нейронной сети, которая способна на совершение таких же действий.

Конечно, можно сказать, что одним из основных свойств ИИИ является способность к саморазвитию, но такое может и та же нейронная сеть, при условии, что ей будет предоставлен доступ к данным и дана четко определенная задача. Однако может выйти и так, что так называемый «сильный» ИИ через некоторое время начнет осознавать себя. Это, возможно, перспективы далекого будущего, однако задуматься об этом стоит именно сейчас, так как развитие технологий подчиняется все тому же закону Мура.

Человек имеет миллиардные нейронные связи, способен быстро обрабатывать информацию. Однако у современных искусственных систем, которые имеют ИИ, есть доступ к огромному количеству информации, которая была накоплена за всю историю человечества, и к вычислительным мощностям, с которыми человеческий мозг не способен конкурировать, что позволяет ускорить их развитие в десятки, даже в сотни раз по сравнению с человеком, которому, чтобы дойти до современного состояния, согласно общепринятой теории Дарвина, понадобилось более-менее 2 млн лет. За это время через ДНК прошло бесчисленное множество различной генетической информации, которая в итоге и привела нас на современный этап развития. Однако ИИ так и останется в подчиненном состоянии, в состоянии объекта права, если он не будет иметь волевого момента, для которого необходимо самосознание, как основного элемента сознания.

И здесь роль человечества сводится к тому, чтобы контролировать этот процесс. Однако давайте все же представим то, что искусственная когнитивная система получила способность самосознания, самоидентификации как части этого мира, т. е. стала думать и действовать как человек. Сразу станет понятно то, что «оно» уже не будет, по моему мнению, считаться вещью (хотя бы на уровне практики), ибо здесь

будет наличествовать личность и воля (или подобие личности и воли). Данный объект, по всей вероятности, будет стремиться к независимости от кого бы то ни было, у него появятся свои потребности и склонности. При этом такой ИИ не потеряет доступа к большому массиву информации и будет иметь в своем распоряжении вычислительную мощность нескольких сотен компьютеров. В этом ракурсе стоит поговорить уже об правосубъектности такого субъекта.

Под правосубъектностью общепринято считать предусмотренное нормами права свойство быть участником правоотношений [8, с. 150]. Данное свойство исходит из двух моментов: интеллектуального, т. е. субъект правоотношения понимает свои действия и их последствия, и волевой, т. е. он способен осознавать свои действия. Смотря с этой точки зрения, на данный момент ИИ имеет только частично интеллектуальный момент и не имеет волевого момента. Однако при том условии, что эти моменты будут в нем присутствовать, встает вопрос о правовом регулировании ИИ. Здесь очень интересна позиция об «электронном лице», под которым понимается «техничко-юридический образ (обладающий некоторыми признаками юридической фикции по аналогии с юридическим лицом), отражающий и воплощающий конвенционально (условно) специфическую правосубъектность юнита искусственного интеллекта, гетерогенную в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита и в силу этого аппроксимированную к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита» [9, с. 282].

Заметим, что здесь используется такое средство юридической техники, как юридическая фикция, т. е. ИИ будет обладать квазиправосубъектностью юридического лица и в ограниченном объеме. Это выражается в том, что по аналогии с юридическим лицом правосубъектность ИИ будет определяться в зависимости от его назначения и функций, что, по моему мнению, правильно, ибо наделять ИИ на данном этапе и на этапе ближайшего будущего полной правосубъектностью человека пока рано, так как технологии еще не достигли такого уровня развития, которые позволили создать техническую систему, которая максимально походила бы на человека, из чего и должна вытекать возможность наделяния ИИ соответствующей правосубъектностью. Теперь же вернемся немного назад, а именно к тому, что человек представляет из себя синтез сознания и интеллекта. Этому есть конкретный термин – «разум». Обычно мы его ассоциируем только

с интеллектом, однако это совершенно разные понятия по той причине, что разум как понятие вмещает в себя и интеллект, а также и сознание, что говорит о том, что они являются его составляющими. В философии разум определяется как «мышление в той форме, которая адекватно и в чистом виде осуществляет и обнаруживает его всеобщую диалектическую природу, имманентный ему творческий характер» [10]. Творческая же составляющая никак невозможна без наличия сознания. Это говорит о том, что если искусственный интеллект достигнет уровня того, чтобы самостоятельно без чьей-либо помощи, на основе только самостоятельного обучения и совершенствования создавать что-то присущее только ему и чего не было раньше (это и есть творчество), то у него начнутся зачатки сознания. Для признания же его полностью сознательным, требуется, чтобы такой ИИ осознавал себя как «Я», как отдельное явление в мироздании, а не как часть технической системы. Если такое произойдет, то это нельзя уже будет назвать ни ИИ, ни искусственной когнитивной системой [3, с. 79], ибо это будет нечто иное не входящее в рамки этих понятий. Поэтому я предлагаю вывести новое понятие для таких субъектов, а именно понятие «искусственный разум». Искусственный разум – это высшая форма мыслительной деятельности, сходная с человеческой, но имеющая искусственное (небиологическое) происхождение, представленная в форме киберфизической, кибербиологической или программной системы, обладающая способностью к самосознанию, как осознания своего «Я», и самоидентификации как целостной и самостоятельной части мироздания и имеющая способность к творческому типу мышления и самостоятельному существованию и адаптации к изменяющимся условиям внешней среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
2. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? / С. А. Соменков // Вестник Университета имени О. А. Кутафина. – 2019. – № 2 (54). – С. 75–85.
3. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 3 (111). – С. 75–79.

4. *Васильев А. А.* Искусственный интеллект: правовые аспекты / А. А. Васильев, Д. Шпопер // Известия АлГУ. Юридические науки. – 2018. – № 6 (104). – С. 23–26.

5. *Ястребов О. А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве / О. А. Ястребов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 3. – С. 318–325.

6. *Васильев А. А.* Искусственный интеллект и права: проблемы, перспективы / А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 14–18.

7. *Философский энциклопедический словарь.* – Москва : Советская энциклопедия, 1989.

8. *Перевалов В. Д.* Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / В. Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 341 с.

9. *Мохрат П. М.* Правосубъектность юнита искусственного интеллекта / П. М. Мохрат // Вестник КГУ. Юридические науки. – 2018. – № 3. – С. 280–283.

10. *Философская энциклопедия.* В 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. – Москва : Советская энциклопедия, 1960–1970.

11. *Соловьева А. А.* Технологии XXI века: что приобретет и чего лишится юриспруденция (теоретико-правовой аспект) / А. А. Соловьева; под ред. Д. В. Бахтеева // Технологии XXI века в юриспруденции. Мат-лы II междунар. науч.-практич. конф.. 2020. – С. 37–43.

12. *Антонова Е. Е.* Интеграция научного потенциала как основа развития информационного общества / Е. Е. Антонова, Е. В. Дженакова // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. Сборник статей. – Будапешт – Киров. – 2019. – С. 344–350.

КОММУНИКАЦИИ С ЦИФРОВЫМИ АГЕНТАМИ В ПРОСТРАНСТВЕ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса коммуникации человека с цифровыми агентами, проблемам восприятия и коммуникационным барьерам, функциональным областям применения цифровых агентов. Важность адаптивных настроек и ожиданий, возникающих в коммуникационной ситуации с применением техноагентов может быть исследована с помощью применения модели коммуникации Т. Ньюкомба. Делается вывод об актуальности исследований практик взаимодействия с цифровыми агентами в условиях стремительно растущей их применимости в повседневной жизни.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникация, агент, техноагент, цифровой ассистент, общение, функции, модель коммуникационного процесса.

Повседневность современной жизни ставит новые задачи перед социологами, так как все более насыщается новыми видами и форматами коммуникаций, в которых меняются роли и ожидания участников. Это связано, в первую очередь, с цифровым пространством, в котором наш современник все больше проводит времени и, соответственно, вынужден развивать свои практики, чтобы успешно адаптироваться к предложениям новых технологий общения. Ежедневно человек вступает в коммуникацию не только с другим человеком, но и с цифровыми ассистентами. Человеко-компьютерное взаимодействие прочно занимает важное место в парадигме социальных интеракций, бросая вызовы уже существующим паттернам общения.

Одним из активных и набирающих популярность агентов взаимодействия стал цифровой ассистент, его поле коммуникаций уже обладает чертой многофункциональности. Цифровые ассистенты могут выступать в роли собеседника (Алиса от компании «Яндекс»), помощника в выполнении ежедневных задач (*Siri* от компании *Apple*) или посредника в междисциплинарной коммуникации (финансовый ассистент Олег).

Коммуникативный акт, реализуемый субъектом в процессе интеракции с цифровым ассистентом, представляет собой команду или запрос, направленный на решение той или иной проблемы. Он должен

быть сформулирован таким образом, чтобы виртуальный помощник смог его распознать. Это позволяет говорить о том, что коммуникация с цифровым ассистентом может быть определена на основе веберовской категории социального действия, так как включает в себе рациональность, имеет субъективный смысл и ориентацию на Другого [2, с. 457]. Сам акт коммуникации с цифровым ассистентом содержит ориентацию не на реакцию собеседника, как это было бы в ситуации общения с человеком, а на адекватность поведения ассистента, связанную с точным распознаванием команды и формированием модели процесса дальнейшего взаимодействия.

Социологический аспект анализа коммуникаций с роботами, цифровыми ассистентами и другими акторами, которых можно обобщенно назвать техноагентами, приводит к постановке вопроса о моделировании коммуникационного акта. Разработка моделей коммуникаций активно ведется социологами с первой трети XX века. Эволюция моделей коммуникации ведет к появлению новых элементов и росту требований учета проявлений окружающей среды. Включение техноагентов в систему коммуникации и создание необходимой для этого обслуживающей инфраструктуры уже трансформировали коммуникационное пространство и усложнили задачу моделирования. Сам субъект коммуникационного процесса, удовлетворяющий сегодня свои информационные потребности в многоканальном варианте с применением цифровых технологий, уже привык к индивидуализации запроса и возможности настройки каналов информирования и коммуникации под собственный запрос [5]. При этом в структуре коммуникационного пространства происходят сдвиги в сторону приоритета сетевых образований, которые все более вытесняют вертикальные иерархические.

Очевидно, что для объяснения системности и процессности протекания коммуникаций требуются сложные модели, в которых была бы предусмотрена активная адаптация и гибкая подстройка агентов к меняющимся условиям. В ряду известных моделей коммуникационной ситуации особое место отводится модели Т. Ньюкомба, в которой учитывается возникающая в общении асимметрия и стремление самой системы к обретению равновесного состояния. Модель подчеркивает значение эмоциональной ориентации и когнитивной осведомленности участников коммуникации по отношению друг к другу, основанной на формировании позитивных или негативных аттитюдов, возникновении симпатии или антипатии, что влечет за собой стремление общаться

или избегать общения. Знание относительно объекта коммуникации, а также ожидания по отношению к оппоненту определяют изначальные аттитюды, оказывающие влияние на протекание коммуникации [1]. Модель акцентирует внимание на объективном процессе приведения коммуникационной ситуации к равновесному состоянию, удовлетворяющему участников. Представляется, что ее применение актуально в контексте анализа особенностей общения людей с цифровыми ассистентами.

Недавние исследования показывают, что люди по-человечески реагируют на робота [10, с. 1], услышав его голос или ответ. Персонафикация восприятия цифрового ассистента становится актуальной темой социологических исследований. Считается, что в большинстве случаев хорошо сбалансированный антропоморфный феномен, реализующий «эффект персоны», повышает доверие коммуниканта к технологическому агенту, способствует восприятию его полезности и развлекательной ценности и в конечном итоге формирует положительное отношение пользователей к самой системе [12, с. 1389]. Люди реагируют на цифровых собеседников с позиций своего социального опыта общения, что побуждает разработчиков цифровых агентов вкладывать больше возможностей в их способности к демонстрации человекоподобного поведения.

Исследования успешности коммуникации людей с социальными роботами показали способность коммуникантов производить адаптивную настройку друг на друга, стремясь управлять содержанием и формой общения. Однако наряду с этим они выявили последующие за усилиями барьеры и неудовлетворенность общением, связанные с потребностью в трансформации языка коммуникации обеими сторонами [4]. Это ставит вопрос о разработке подходов к языку и практикам коммуникации в перспективе более интенсивного общения с технологиями.

Проблемы глубоких трансформаций в общении в связи с включением цифровых помощников отмечаются в различных аспектах: повседневные практики, стереотипы, конфиденциальность, усиление цифровых разрывов в контексте социального расслоения, а также амбивалентное восприятие агента одновременно как объекта и субъекта коммуникации [7]. Анализ все более популярной практики общения с голосовыми помощниками обнаруживает вхождение ее в повседневную рутину, которая отнимает все большую часть времени у людей,

особенно досуговое время, которое заполняется прослушиванием музыки, просмотром кинофильмов в результате выполненного ассистентом запроса. Это относится и к изменению образа жизни детей, для них «умные» колонки» заменяют друзей и старших товарищей и могут становиться своеобразными тренажерами в мире коммуникаций. Однако во взаимодействии с подобного рода техническими устройствами немало коммуникационных разрывов, вызванных сбоем понимания запроса, которые вызывают эмоциональные реакции. Также возникают проблемы осознания ограниченности функций, невысокого доверия к информации, предоставленной ассистентом, а также с восприятием голоса, при определенных обстоятельствах влияющим на гендерные стереотипы.

Оценка эффективности коммуникации с агентами нового типа показывает, что они могут вполне успешно справляться с задачами распознавания событий и статистической обработки данных, но у них возникают трудности в оценке ситуации. Так коммуникационная ситуация с роботом, в которую попадают люди, обращаясь в справочную службу, выявляет трудности общения с цифровым агентом по телефону, так как исход события не всегда подчиняется заданным параметрам, не зависит от заранее установленных характеристик участников. Общаясь с роботом, люди склонны отказываться от намерений продолжать разговор сразу, как только чувствуют дискомфорт [3, с. 130].

Как показывают исследования, одним из мотивов позитивного отношения к общению с использованием цифровых посредников выступает возможность варьировать время общения, выбрать дневное или ночное – в зависимости от своих потребностей и удобства. Другим преимуществом является преодоление социально-статусного или социально-ролевого барьера, который снимается в случае с цифровым ассистентом [11, с. 46].

Создание человекоподобных ассистентов нацелено на более четкое попадание в желаемый портрет субъекта, которого представляет цифровой агент. Одним из успешных примеров выступает разработанный виртуальный помощник, являющийся консультантом по вопросам поступления в вуз и ориентированный на общение с аудиторией от 14 до 18 лет [8]. Для повышения его эффективности была проработана схема его эмоциональной реакции на контекст, содержащийся в запросе пользователем, и заранее созданная база возможных вопросов и ответов. Для придания больше законченности идее подобия человеку

для бота-помощника была написана биография, специально были подобраны внешность и стиль. Разработчики отмечают, что все параметры помощника являются открытыми для совершенствования в соответствии с динамикой возникновения новых электронно-коммуникативных возможностей, а это значит, что помощник становится более чутким, гибким, реактивным и разнообразным в общении.

Следует отметить также функциональную полезность цифрового ассистента, который может выступать в роли «фильтра» при взаимодействии субъекта и компании как агента внешней среды. В условиях роста цифровых заказов и онлайн торговли многие компании прибегают к использованию виртуальных посредников для оперативного решения проблем и повышения эффективности коммуникации. Например, при обращении в поддержку приложения для доставки еды *DeliveryClub* пользователь обязан выбрать одну из предложенных вероятных проблем с заказом: «Где заказ/курьер», «Привезли не тот заказ», «Привезли не все», «Другое». Таким образом, необходимый запрос направляется напрямую к сотруднику компании, который может помочь клиенту, избегая многократного переключения специалиста и ускоряя решение проблемы.

Подобный «фильтр», но менее заметный пользователю, реализуется и при обращении напрямую к цифровому ассистенту, а не к сотруднику, в ситуации коммуникации с компанией. Виртуальный помощник не обладает собственной базой данных и для выполнения запроса пользователя обращается к сторонним сайтам [6]. Цифровые ассистенты «фильтруют» сайты, программы и компании, с которыми может взаимодействовать субъект, не предлагая альтернатив и исключая возможность выбрать наиболее выгодный или актуальный для пользователя ресурс. Например, голосовой ассистент Алиса по умолчанию будет взаимодействовать с другими продуктами компании «Яндекс»: при вопросе «Какая сегодня погода?» ассистент предложит информацию из ресурса Яндекс.Погода, а при заказе еды «оформит» доставку в приложении Яндекс.Еда.

Регулирующая роль цифровых ассистентов проявляется и в том, что они могут контролировать покупательскую способность субъектов, предлагая им те или иные компании для выполнения запроса, и таким образом влияют на рынок товаров и услуг. Исключение человеческого фактора из поисковой деятельности и процесса принятия решений передает виртуальному ассистенту больше полномочий. Личный

помощник будет использовать свои собственные инструменты и сможет самостоятельно определять приоритеты и сообщать о результатах. По мере того как люди все больше полагаются на личного помощника, он получает информацию о наших социальных и политических взглядах, поведении и предпочтениях [9].

Таким образом, удобство и доступность взаимодействия с цифровыми помощниками влияет на жизнь пользователей в сторону разнообразия их потребительских и коммуникационных практик. Виртуальные ассистенты активно включаются в социальную жизнь, становятся неотъемлемой частью повседневности, оптимизируя затраты времени для выполнения задач и одновременно латентно контролируя действия субъекта и определяя его поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Береснева Ю. В. Становление понятия «Коммуникация» в социально-гуманитарном познании: содержание, структура, функции коммуникации / Ю. В. Береснева // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-ponyatiya-kommunikatsiya-v-sotsialno-gumanitarnom-poznanii-soderzhanie-struktura-funksii-kommunikatsii> (дата обращения: 12.04.2023).
2. Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения: пер. с нем. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Земнухова Л. В. Приключения технологий: барьеры цифровизации в России / Л. В. Земнухова. – Санкт-Петербург : ФНИСЦ РАН, 2020. – 282 с.
4. Игнатьев В. И. Взаимодействие «человек – социальный робот»: через преодоление барьеров к гибридной коммуникации / В. И. Игнатьев, К. И. Спиридонова // ДИСКУРС. – 2022. – Т. 8. – № 6. – С. 101–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-101-115.
5. Прончев Г. Б. Трансформация моделей социальной коммуникации в цифровую эпоху / Г. Б. Прончев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28. – № 4 – С. 122–138. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-4-122-138.
6. Трапезников А. А. Обзор методов и технологий искусственного интеллекта для разработки виртуального помощника А. А./ Трапезников; отв. ред. Л. А. Бохоева // Образование и наука: Сборник статей национальной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 13–17 апреля 2020 года.– Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2020. – С. 359–366.

7. Ушкин С. Г. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? / С. Г. Ушкин, Е. А. Коваль, А. Н. Яськин // ЖИСП. 2022. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhit-s-alisoy-kak-golosovye-pomoschniki-transformiruyut-praktiki-kommunikatsii> (дата обращения: 10.04.2023)

8. Виртуальный помощник с личностными характеристиками / Е. А. Черногор, А. Е. Быков, Е. А. Захарова, Д. А. Куставинова, З. А. Воловикова // Наука без границ. – 2019. – № 7 (35). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-pomoschnik-s-lichnostnymi-harakteristikami> (дата обращения: 12.04.2023).

9. Ezrachi, Ariel and Stucke, Maurice E. Is Your Digital Assistant Devious? // Oxford Legal Studies Research Paper No. 52/2016, University of Tennessee Legal Studies Research Paper No. 304. – 2016. – 22 p.

10. Poushneh A. Humanizing voice assistant: The impact of voice assistant personality on consumers' attitudes and behaviors / A. Poushneh // Journal of Retailing and Consumer Services. – 2021. – Т. 58. – 10 p.

11. Southwick S. B. Digital intermediation: An exploration of user and intermediary perspectives / S. B. Southwick // Proceedings of the American Society for Information Science and Technology. – 2003. – Vol. 30. – P. 40–51.

12. Wagner K. Is it human? The role of anthropomorphism as a driver for the successful acceptance of digital voice assistants / K. Wagner, F. Nimmermann, H. Schramm-Klein // proceedings of the 52nd Hawaii international conference on system sciences. – 2019. – P. 1388–1488.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимосвязь языка и цифровой культуры, возникающей в результате развития технологий. Осмыслению подвергается цифровая культура и новые формы общения, приводящие к формированию новой реальности и негативным последствиям, связанным с выхолащиванием мышления и языка.

Ключевые слова и словосочетания: цифровая культура, язык, технологии, виртуальная реальность, коммуникационно-имитационная реальность.

В современном мире исследования цифровой культуры чрезвычайно разнообразны. Однако в них можно обнаружить базовую тему, определяющую развитие теоретических исследований. В данном случае имеются в виду взаимоотношения, возникающие между культурой и технологиями.

Кроме того, в последние десятилетия, в результате развития новых информационных технологий, человечество демонстрирует возникновение и новых способов общения. Одной из определяющих черт информационного поведения человека является способность отчуждаться от реальной ситуации, в которой находится конкретный субъект, а также и от самого субъекта, т. е. символизация информации. Человек способен обнаруживать и познавать неявные связи действительности, обобщать собственный опыт, передавать его и сохранять для будущего. Самым важным является то, что люди способны транслировать субъективно сформированные символы в пространстве и во времени. Тем самым обеспечивая возможность их внегенетической передачи от поколения к поколению и делая их значимыми и понятными для всего культурного сообщества. Существует несколько подходов, исследующих проблему взаимодействия языка и культуры. Так, например, в научной литературе встречается идея о том, что язык является простым отражением культуры. Лингвистический детерминизм утверждает, что наше мышление напрямую зависит от процесса языковой социализации. Язык можно рассматривать в качестве некой призмы, через которую формируется культура, именно об этом говорит гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа. Кроме того существует концепция, рассматривающая язык как часть культуры, как элемент и инструмент культуры.

Благодаря Интернету формируется новое восприятие мира. Негативные последствия, выхолащивание подлинного мышления и способности к действию, поступку (Громыко, Крокер, Бодрийяр), возникающей цифровой культуры и присущих ей ранее неизвестных форм общения осмысливают как отечественные, так и зарубежные исследователи. Так, например, у Ж. Бодрийяра формируются представления об омертвлении человеческого существа, помещенного у экрана монитора. Цифровая культура ставит под сомнение наше умение слышать и понимать друг друга. Стирается грань между текстом и реальностью. Реальность превращается в «виртуальную квазиреальность». К каким социальным последствиям это приведет человечество, если мы признаем корреляцию развития социальных и языковых структур?

Связь человека и машины усиливается. Развитие цифровых технологий приводит к появлению посредника, переводящего реальность и наши представления о ней при помощи цифрового языка. Происходят и другие изменения. Сознание обнаруживает собственное бытие через язык. Их невозможно убрать из той среды, в которой они возникают, функционируют и вне которых психика человека ограничивается инстинктивным поведением и рефлексам животного. Тотальная виртуализация сознания и деятельности, возникающая как результат технического прогресса, стирает границу между игровым и реальным пространством, между составляющими естественного языка – звуковой его составляющей (речь) и графической (письмо).

Виртуальную реальность можно рассматривать с разных сторон. Технологический детерминизм рассматривает технологии, а следовательно, и виртуальную реальность как созидующую силу, преобразующую культуру, обладающую властью над ней.

Культурный детерминизм подчеркивает, что технологическое развитие это всегда реализация определенных культурных установок, а феномен виртуальной реальности это всего лишь один из типов символической реальности – инженерно-семиотический.

Сложившаяся ситуация непростая и требует своего изучения. В процессе взаимодействия, общения между людьми начинают преобладать символические посредники. Возникающее информационно-виртуальное пространство занимают преимущественно искусственные и вымышленные образы, символы.

Маслова Е.Б. отмечает, что основная задача, стоящая перед учеными в настоящее время, заключается в том, чтобы научиться создавать

при помощи цифрового языка такие символы и метафоры, которые раздвигали бы смысловые ценности горизонтов, достигнутые человечеством, а не сужали их [5]. Новая реальность позволяет создавать те или иные правила и новшества на каждом уровне языковой системы. Но инновации эти носят сверхупрощенный характер. При этом важно подчеркнуть, что главное предназначение языка заключается в достижении гармонии между индивидом, социумом и окружающей средой в неоднозначных границах.

Всеобщность творческой природы человека позволяет рассматривать творческую деятельность как главный компонент культуры. Культура является результатом непрерывного коммуникативного взаимодействия. Оно возникает между последовательно сменяющимися друг друга поколениями и приводит к формированию и развитию пространства культуры. Коммуникация всегда включает в себя элемент творчества. В процессе общения люди создают и пересоздают культуру и тех, с кем общаются. Это непрерывный процесс, в котором произвольно и целенаправленно регулируется «определенная неопределенность» способов жизнедеятельности человека.

Возникающая во взаимодействии человека и компьютера цифровая культура приводит к появлению не просто виртуальной, а коммуникационно-имитационной реальности. Исследователи выделяют ряд взаимосвязанных между собой проблем порождаемых ею: техническую, семантическую и проблему эффективности. Насколько точно в результате коммуникации в ней могут быть переданы и выражают желаемый смысл знаки и символы и позволяют ли они влиять на людей в желаемом направлении? [1].

При этом формирование новой реальности приводит к утрате неповторимости личности, возможности ее комплексной самооценки, рефлексии и идентификации, к упрощению. Уход от действительности приводит к противостоянию внутри самой коммуникации: новое vs реальное, что является сущностным основанием социального дисбаланса [6]. Становление социального в человеке происходит главным образом посредством языка. Именно он обеспечивает включение индивида в социальные отношения, связи. Язык позволяет человеку овладеть теми или иными социальными ролями, оказать влияние общества на индивида. Социальные изменения тесно связаны с развитием языковых структур.

Например, чем беднее язык, тем человек меньше готов к социальным преобразованиям и активной общественной позиции, тем меньше он подготовлен к непредсказуемым ситуациям и социальным трансформациям. Стабильность восприятия мира детерминирована индивидуальным опытом человека и социокультурными обстоятельствами. Повседневность все чаще подталкивает человека к желанию уйти в «чудесный мир», столь выгодно отличающийся от обыденности возможностями, яркими образами, простотой взаимоотношений.

В результате формируется весьма специфический тип личности:

- космополит, свободный от догмата любых культурных традиций и норм, прекрасно понимающий всю их условность;
- абсолютно искренний по отношению к собственным природным инстинктам «шизоид» (термин Ж. Делеза и Ф. Гаттари), ценящий прежде всего потребление, в том числе потребление информации;
- интеллектуал, владеющий правилами любой языковой игры и столь же легко освобождающийся от них [4, с. 55–59].

Все это порождает весьма болезненные процессы и последствия для современной социокультурной ситуации. К их числу относятся ощущения безродности и социального сиротства, беспочвенности собственного существования. Высказываются опасения о возможности деформации как личной, так и социокультурной идентичности.

Таким образом, упрощение мышления и языка, так же, как и появление новых форм общения и коммуникации, может рассматриваться как результат развития технологий и появления виртуальной, коммуникационно-имитационной реальности. Появляется новый тип личности, обретающий специфические черты в процессе его социализации и инкультурации, приобщения к современным технологиям и относящийся к определенному лингвокультурному сообществу. Языковая проблема связана с сохранением нормативности, традиционности и расширении языкового багажа личности, поскольку уменьшение тезауруса свидетельствует об оскудении мышления. Бесконечные языковые игры лишают человека возможности увидеть устойчивость в бытии. Цифровая культура, как и язык, начинает выстраиваться на инновациях, носящих свехупрощенный характер. Мозаичность современной культуры усложняет этот процесс и тем самым делает ее развитие хаотичным, бессистемным и весьма непредсказуемым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бажутина Н. С.* Информационно-смысловое функционирование культуры / Н. С. Бажутина // Социальная онтология России: сборник научных статей по докладом XI Всероссийских Копыловских чтений. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2017. – С. 18–22.
2. *Бажутина Т. О.* Философско-психологические основания интерпретации творческой деятельности / Т. О. Бажутина, И. С. Бажутин // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 1. – С. 50–58.
3. *Галкин Д. В.* Современные исследования цифровой культуры (вместо предисловия к переводу фрагмента книги Чарли Гира «Цифровая культура») / Д. В. Галкин // Гуманитарная информатика. – 2004. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-tsifrovoy-kultury-vmesto-predisloviya-k-perevodu-fragmenta-knigi-charli-gira-tsifrovaya-kultura> (дата обращения: 31.08.2023).
4. *Громыко Н. В.* Интернет, постмодернизм и современное образование / Н. В. Громыко // Кентавр. – 2001. – № 27. – С. 55–59.
5. *Маслова Е. Б.* Слово и понимание / Е. Б. Маслова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-i-ponimanie> (дата обращения: 31.08.2023).
6. *Фортунатов А. Н.* Аксиология имитативной коммуникации: постановка проблемы // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 32–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-32-38.
7. *Baudrillard J.* The Vital Illusion. New York: Columbia University Press, 2000.
8. *Kroker A., Cook D.* The Postmodern Scene: Excremental Culture & Hyper-Aesthetics. Tokyo: Japanese Translation, Hosei University Press, 1994.
9. *Kroker A., Weinstein A.* Data Trash: The Theory of Virtual class. New York: St. Martin's Press, 1994.

ИНДИВИДУАЛИЗМ И КОЛЛЕКТИВИЗМ КАК ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье рассмотрен терминологический статус понятий индивидуализм / коллективизм в контексте разработки курса «Основы Российской государственности». Предложено различать объективно-содержательный и оценочный аспекты данных понятий. Обозначены проблемы, возникающие в связи со смешением этих аспектов в образовательном дискурсе. Проблематизирована педагогическая компетенция «работа с ценностным конфликтом».

Ключевые слова и словосочетания: индивидуализм, коллективизм, проект «ДНК России», курс «Основы Российской государственности», мета-ценность, ценностный конфликт, идентичность.

Понятия индивидуализма и коллективизма широко используются в научном и околонучном дискурсе: они фигурируют в социологии и в культурологии, в психологии и в педагогике, в исторических, политических и экономических исследованиях, в менеджериальных и пропагандистских теориях. Широкая востребованность этих понятий, как справедливо отмечает Ж.В. Зарицкая, объясняется их связью с представлениями о соотношении личности и общества, которые «входят в ценностное ядро мировоззрения индивидов и во многом определяют тип общества, его политические, экономические и социальные аспекты» [6, с. 56]. Однако возникающие в связи с этим многомерность и терминологическая их неопределенность создают методологические трудности в их использовании: как собственно в исследовательских программах⁴, так и в социальных практиках. Например, появляется возможность употребления понятий в качестве идеологических штампов, пропагандистских клише, что конечно же не способствует продуктивным межкультурным взаимодействиям и мировоззренческой работе с собственной культурной идентичностью.

Современная социально-политическая ситуация в мире вообще и в России в частности требует новых размышлений по поводу куль-

⁴ На проблематичность использования дихотомии индивидуализм/коллективизм указывал, например, Schwartz (1990).

турной и гражданской идентичности, в первую очередь, с точки зрения их формирования. Об этой потребности свидетельствует появление проекта «ДНК России», призванного научно и методически обеспечить сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики. В рамках этого проекта разрабатывается учебный курс «Основы Российской государственности»⁵. В содержании самого проекта и учебного курса с необходимостью происходит обращение к понятиям индивидуализма и коллективизма. Важно, чтобы такое обращение было корректным: представляется, что богатый опыт осмысления и использования этих понятий должен вводиться в образовательный процесс во всей своей многомерности, открывая возможность для сложного и осознанного к ним отношения/ для понимания диалектики индивидуального и коллективного в конкретных социокультурных условиях.

Цель данной работы – рассмотреть терминологический статус понятий индивидуализм / коллективизм в контексте сформулированных проблем – методологической и образовательной. Задачи: 1) ввести различение объективно-содержательного и оценочного аспектов данных понятий; 2) обозначить проблемы, возникающие в образовательном процессе в результате смешения этих аспектов.

Теоретические основания работы – исследования трех типов: 1) использующие концепт «индивидуализм/коллективизм» как методологически значимый в научной работе, 2) изучающие опыт научного употребления понятий «индивидуализм/коллективизм»; 3) рассматривающие непосредственно ценностное содержание данных понятий. Важной методологической посылкой анализа текстов является представление о человеке как противоречивом единстве индивидуального и коллективного.

Критический анализ рассматриваемых текстов прежде всего обнаруживает многомерность понятий индивидуализма и коллективизма. С одной стороны, это характеристики культуры, выражающие метавалюностные ориентации и имеющие политический, экономический, этический смысл и эвристическое значение. Эти ориентации связаны с образом жизни и деятельности, находят свое выражение в конкретных ценностях, традициях, нормах, языке [3, 4, 8, 13, 14]. С другой

⁵ Проект «ДНК России» // ФИРО. URL: <https://firo.ranepa.ru/dna-of-russia> (дата обращения 30.06.23).

стороны, это психологически переживаемые отношения индивида к обществу, имеющие, помимо прочего, еще и эстетическое значение. Свидетельством тому могут служить феномены романтического индивидуализма или переживания духовного единства со своим народом, находящие свое выражение, например, в искусстве [3].

Представляя эти понятия в образовательном процессе и вводя их в учебный дискурс, необходимо обратить внимание на объективные и субъективные смыслы: с одной стороны, понятия индивидуализма и коллективизма указывают на некоторое объективное содержание природы человека и коллективных форм его бытия; с другой, они выражают субъективно переживаемое отношение человека к самому себе и обществу. Поясним введенное различие и обозначим проблемы, связанные со смешением этих аспектов.

Объективно-содержательный аспект понимания коллективизма и индивидуализма базируется на антропологических представлениях. И здесь радикальный индивидуализм, абсолютизирующий свободу, независимость и самодостаточность индивида, как и радикальный коллективизм, полностью игнорирующий эти ценностные ориентиры, одинаково теоретически бесперспективны, поскольку не согласуются с существующей в современной научной картине мира концепцией антропосоциогенеза. Научные исследования филогенетического и онтогенетического развития человека демонстрируют, что для формирования человеческих характеристик и модусов бытия необходимы человеческие же формы социальности. Тогда как для формирования особых человеческих форм социальности (культура в различных ее проявлениях, в том числе язык, техника и искусственная среда) нужно творческое мышление и способность ставить цели за пределами биологических потребностей, что трудно представить без наличия осознания своей индивидуальности [10].

Разрыв связки «человек–общество» ставит под вопрос самого человека или же человеческий характер некой коллективности. Признание же их парадоксального единства подразумевает, что индивидуализм и коллективизм не исключают друг друга, а лишь предполагают более или менее значимые ценностные и поведенческие ориентиры для людей в конкретный культурно-исторический период или в разных обществах. В этом отношении справедливо полагать, что: 1) индивидуальное осознается через соотношение с коллективным; 2) личностная

идентичность строится из соотношения индивидуального и социального⁶; 3) что деятельность человека – индивидуальная интерпретация общественных форм деятельности и т. д. Поэтому в вопросе соотношения ценностей индивидуализма/коллективизма сторонники такого подхода апеллируют к дуалистической методологии [8], к необходимости сбалансированного сочетания индивидуализма и коллективизма [9], к их гармонизации [2]. В отечественной и зарубежной педагогике последних десятилетий такая позиция тоже представлена [1, 9, 12].

Дискуссии здесь возникают в связи с поиском критериев и способов достижения такого баланса и гармонизации. Также сложными являются вопросы о корреляции рассматриваемых ориентиров с другими значимыми личностными или социокультурными параметрами жизни. Поэтому, несмотря на эвристичность понятий индивидуализма и коллективизма, для объяснения, концептуализации и прогнозирования межкультурных различий в поведении индивидов и групп [2, 5, 6, 11], необходимо иметь в виду сложность работы с такого рода концептами. Например, известный американский исследователь в области кросс-культурной психологии Г. Триандис использует понятие «культурный синдром», позволяющее говорить о комплексах убеждений, норм и ценностей, а в культурном синдроме «коллективизм–индивидуализм» еще и различает вертикальный и горизонтальный [14]. Объективно-содержательный аспект индивидуализма и коллективизма в большей степени отвечает институциональной методологии социальных исследований.

Акцент на переживании субъективных смыслов отношения человек–общество приводит к противопоставлению коллективизма и индивидуализма как аксиологических концептов: либо человек для общества, либо общество для человека. Вероятно, это связано с тем, что актуализация субъективных смыслов связана с эмоциональным переживанием каких-либо проблемных ситуаций в этих отношениях. Причем в обыденном мышлении понятия часто гипостазированы и становятся не комплексной характеристикой, отражающей средние параметры ценностной ориентации человека в некоторой культурно-

⁶ Такую концепцию идентичности разрабатывал, например, Э. Эриксон. Также она широко представлена в отечественной психолого-педагогической традиции.

исторической общности, а буквально сущностными чертами людей, сообществ, приобретая характер идеологических штампов и стереотипов. Спектр ценностного наполнения этих понятий оказывается широк: от позитива – до негатива. Индивидуализм, например, связывается с такими ценностями как свобода и самостоятельность, самодостаточность, самоопределение (в современной отечественной культуре эти ценности имеют позитивные коннотации), а могут отождествляться с эгоизмом и сверхценностью «Я», вниманием только к собственным потребностям и интересам, их противопоставление коллективным интересам (такие ценности скорее будут рассматриваться как негативные или деструктивные). Коллективизм, в свою очередь, характеризуется высокой значимостью группы, ее блага и процветания, здесь фигурируют такие понятия как взаимопомощь и поддержка, солидарность, чувство долга, следование традициям. Но те же самые сохраняющие группу ориентиры можно обозначить и с другой стороны: подчиненность, несамостоятельность, приспособленчество [7].

Понятно, что возникают дискуссии по поводу значимости тех или иных ценностных ориентиров, обусловленного этим поведения, и по поводу оправданности идеологических установок. Вопросы будут носить скорее герменевтический, этический или политический характер: почему, например, возникает эгоизм у человека в обществе, где господствует коллективизм [7]; или как возможна солидарность у индивидуалистов; коллективистские ценности лучше или индивидуалистские и т. п.

Акцент на выявлении субъективных смыслов отношения человек–общество соответствует методологическому индивидуализму и оказывается более привлекательным для обсуждения, однако и более сложным в дискуссионном плане. Преподавателю необходимо уметь отслеживать содержательное наполнение ключевых понятий и логичность аргументации участников обсуждения, воздерживаться от всякого давления. Полагаем, что наиболее продуктивным будет все же выведение дискуссии в объективно-содержательный план.

Следующей важной проблемой являются вопросы воспитательного характера: на какие ценности следует ориентироваться самому преподавателю в работе со студентами? Как уже отмечалось, в отечественных и зарубежных педагогических исследованиях последних десятилетий звучит идея гармонизации индивидуалистских и коллективистских

ценностей. Тем более, что исследование социально-психологических характеристик современной молодежи (Е.Н. Жарова) показывает, что те и другие ценности представлены достаточно вариативно в зависимости от среды, типа коллективного взаимодействия и пола [5]. И.А. Кох, Р.С. Девятьяров (2020) отмечают, что в трансформирующемся обществе процессы социализации успешнее выстраивать на сбалансированном сочетании индивидуализма и коллективизма [9, с. 43]. А социологическое исследование индивидуализма и коллективизма в организационной культуре современной России (Е.А. Гулянская) подтверждает востребованность на рынке труда сотрудников, для которых значимы ценности индивидуализма, и коллективизма [2]. Логически парадоксальность этих ценностных ориентиров снимается достаточно легко. В.В. Веселова так описывает данный аксиологический подход: «Индивид, принимая ценность собственной независимости и свободы, должен принимать и ценность самого общества, в котором живет. Ему необходимо соединить принципы индивидуализма и коллективизма в интегрированный императив своего существования в социуме» [1, с. 108]. Однако реализация этого подхода на практике в воспитательной работе сложна и предъявляет высокие требования к педагогу.

Следует, пожалуй, подчеркнуть, что индивидуализм и коллективизм, будучи одинаково значимыми ценностными ориентирами, имеют смысл лишь в своей диалектической взаимообусловленности. Коллектив возможен лишь при объединении индивидуальностей, а индивидуальность возможна лишь в коллективном взаимодействии. В диалектической взаимосвязи неизбежны противоречия и конфликты (как внешние, так и внутренние), поэтому преподавателю в работе над этой темой необходимо сосредоточить внимание на проработку возможных конфликтных состояний, показать возможности их разрешения.

Еще одним значимым требованием работы с мировоззренческими основаниями и формированием идентичности является учет социокультурных условий, в которых человек формируется и живет. Важнейшей специфической характеристикой современности являются процессы цифровизации различных сфер жизни. Вероятно, что ценностные кластеры индивидуализма и коллективизма в этих условиях приобретают особенные черты, образуют новые связи и корреляции. Обращение к исследованиям трансформации индивидуализма и кол-

лективизма в цифровом обществе, их критический анализ с позиции задач образовательного процесса представляется следующим важным этапом развития данной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселова В. В.* Традиционные и новые ценности в системе образования США / В. В. Веселова // Педагогика. – 1996. – № 2. – С. 102–108.
2. *Гулянская Е. А.* Ценности индивидуализма и коллективизма в организационной культуре современной России : дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Гулянская, 2009. – 171 с.
3. *Данилова М. И.* Индивидуализм: История и современность : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / М. И. Данилова, 2001. – 221 с.
4. *Ивин А. А.* Философское измерение истории / А. А. Ивин. – Москва : Проспект, 2016. – 492 с.
5. *Жарова Е. Н.* Сравнительный анализ индивидуалистических и коллективистических ценностных ориентаций как социально-психологических характеристик молодежи: на примере урбанизированной и неурбанизированной среды : дис. ... канд. психол. наук / Е. Н. Жарова, 2010. – 218 с.
6. *Зарицкая Ж. В.* Эвристические возможности методики г. Хофстеде в изучении ценностей индивидуализма / коллективизма / Ж. В. Зарицкая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2014. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 56–63.
7. *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. Центполиграф / А. А. Зиновьев. – Москва, 1994. – 156 с.
8. *Князев Ю. К.* Индивидуализм и коллективизм в современной экономике : научный доклад / Ю. К. Князев. – Москва : Институт экономики РАН, 2019. – 45 с.
9. *Кох И. А.* Социализация личности: индивидуализм и коллективизм как ориентиры трансформируемого общества / И. А. Кох, Р. С. Девятьяров // Siberian Socium. – 2020. – Т. 4. – № 1 (11). – С. 33–47. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-33-47
10. Модусы человеческого бытия : коллективная монография / под ред. В. В. Крюкова. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. – 164 с.
11. *Науменко Т. В.* Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов / Т. В. Науменко, Д. А. Морозова // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – № 1 (30). – С. 144–154. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-mezhkulturnyh-izmereniy-g-hofstede-kak-metodologicheskaya-osnova-issledovaniya-sovremennyh-sotsialnyh-protsessov> (дата обращения: 05.06.2023).

12. Педагогика : учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянов. – Москва : Школа-Пресс, 1997. – 512 с.

13. *Стефаненко Т. Г.* Индивидуализм и коллективизм как параметры коллективной памяти российского народа / Т. Г. Стефаненко, А. И. Донцов, Д. М. Родионова // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». – 2017. – Вып. 4. – С. 43–52.

14. Triandis Harry C. Culture and Social Behavior. 1994. New York et al. McGraw- Hill, Inc. (Триандис Гарри К. Культура и социальное поведение. 1994. Макгроу-Хилл, инк.) / пер. с англ. В. А. Соснин, ред.-консультант Филипп Дж. Зимбардо. – 359 с.

ПЕРВИЧНАЯ ОНТОЛОГИЗАЦИЯ ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Данная статья посвящена первичному рассмотрению положения искусства и объектов искусства в пространстве объектно-ориентированной философии. Произведение искусства можно рассматривать как связную пару объектов двух особых видов: реального и чувственного. Реальные объекты никогда не принимают буквальную форму и не обязаны быть физическими. Объекты несводимы ни к своим компонентам, ни к своим эффектам. Они не нуждаются в засвидетельствовании своего существования, но в результате буквализации или нормативного давления выпадают из собственного пространства связей и теряют подлинность своего содержания.

Ключевые слова и словосочетания: объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм, объект, реальные объекты, чувственные объекты, искусство, подлинность.

Объектно-ориентированная онтология – направление философской, социальной и в целом интеллектуальной мысли, утверждающее принципиальное равенство онтологических статусов объектов, уплощающее бытийность их существования, провозглашающее отказ от антропо- и субъектно-центрической гносеологической позиции.

Объектно-ориентированная онтология предшествует и одновременно является частью спекулятивного реализма, становящейся метафизической традиции, согласно которой познающему субъекту недоступна сама реальность в своей подлинности и достоверности, но только определенное ее восприятие, т. е., по собственному утверждению, противостоящей различным формам посткантианской мысли, сокращающей пространство философского и интеллектуального дискурса до корреляции между мышлением и бытием. В качестве ремарки отметим, что многими современными исследователями, в том числе зачастую и самими основоположниками, спекулятивный реализм и объектно-ориентированная философия рассматриваются в первую очередь как «движение против», ответ, опровержение (например, различных направлений философии привилегированного доступа и уже указанного корреляционизма) [5] и только потом как собственно оригинальный концепт.

Объектно-ориентированная онтология представляет собой концепт, специфически причудливо соединяющий черты идеализма и материализма, феноменологии и герменевтики, континентальной и аналитической традиции. Социальная и природная стороны реальности неоднородны, неравновесны и находятся как в собственном постоянном становлении, так и в неразрывном, комплексном взаимодействии и взаимопроникновении. В подобном отношении спекулятивный реализм и объектно-ориентированная онтология парадоксальным (возможно, с точки зрения авторов и идеологов этих, безусловно, влиятельных и амбициозных проектов) способом преодолевают корреляционизм средствами, методами и идеями корреляционизма, а например, контингентность, кажется, содержит вполне «корреляционистские» установки и характерные черты.

В представляемом отношении проводится попытка снятия и отказа от антропоцентрической позиции, понимаемой прежде всего в утверждении и предоставлении особых привилегий человеку и человеческому как специфическим «субъектам» над и перед нечеловеческими сущностями, рассматриваемыми как определенные своими данностью и восприятиями «объекты». Модусы и проявления человеческого бытия, главенствующие над «прочим» миром, онтологически несправедливы и безосновательны; мир представляет собой совокупность равных объектов и их отношений, а человекоцентричность и человеко-размерность скорее наш возвышающий самообман и неявная уловка нашего мышления.

По словам Грэма Хармана, основоположника и, пожалуй, главного идейного вдохновителя объектно-ориентированной онтологии, *«объектам нет необходимости быть природными, простыми или неразрушимыми. Вместо этого они будут определены исключительно своей автономной реальностью. Они должны быть автономны по двум различным направлениям: возникать как нечто превосходящее сумму составляющих их частей, а также воздерживаться от отношений с другими сущностями»* [3]. Объекты в рассматриваемой плоскости [1], статичны, во многом потому что в отличие от Акторно-Сетевой теории Бруно Латура, акцентирующей внимание на связях и взаимодействиях, онтология Хармана и соратников фокусируется непосредственно на самих объектах, в прямом и буквальном смысле возвращаясь «назад к вещам».

Философия в данном отношении более связана не с наукой (особенно с естественными и фундаментальными отраслями) и околонучными формами и мировоззрениями, а с эстетикой и искусством. Если мы уходим из скульптурного зала, остаются ли объекты искусства (и вообще объекты) в пустом ночном музее? На первый взгляд (с рассматриваемых позиций объектно-ориентированной онтологии) кажется, безусловно. С другой стороны, что это за объекты, каким образом можно определить, что они существуют и наличествуют без нашего восприятия, что они из себя представляют, являются ли они именно объектами искусства? Эти и подобные вопросы задает и сама объектно-ориентированная философия.

Каждое отдельное произведение искусства можно рассматривать как связанную пару объектов двух особых видов: реального и чувственного. Под искусством в данном отношении понимается конструирование сущностей или ситуаций, надежно приспособленных для создания прекрасного, что сопровождается явно выраженным напряжением между скрытыми реальными объектами и их осязаемыми чувственными качествами.

Объектно-ориентированная философия стремится рассматривать объекты отдельно от их отношений, преодолевая, по собственной установке, «реляционизм» в философии и искусстве. Таким образом, произведение искусства остается самим собой, тем же самым объектом без учета контекста и нарратива, в который оно погружено. Вместо внутренних отношений и связей в контексте ООО фокус рассмотрения направлен на внешние взаимосвязи и атрибуты, делается акцент на закрытость объекта от контекста, т. е. декларируется их нереляционная автономия.

Мы должны быть предостережены относительно буквализации и установления нормативности искусства, которые ведут к омерщвлению, выпадению объектов искусства из собственного пространства и связей, потери подлинности своего содержания. В комментариях к Правилу 15 методологических оснований объектно-ориентированной философии Харман отмечает: *«В искусстве или философии речь идет об упадке, когда туманные новаторские решения, предложенные успешным течением, сводятся к четким формулам, которые может использовать кто угодно... любой объект в конце концов превращается в карикатуру на самого себя: легко осваиваемое буквальное содержание, которому легко подражать»* [2].

Для подлинного существования объектов таких сфер, как искусство или философия, необходимо постоянное новаторство, преодоление, вызов устоям и традициям, осмысленность и идейная наполненность. Рассматривая художественные (академическая живопись, экспрессионизм, кубизм) или философские (немецкий идеализм, феноменализм, деконструкция) направления, можно увидеть зарождение, расцвет и неминуемый упадок, сопровождаемый повсеместным подражанием, самокопированием, разменом подлинного содержания на популярное.

«Прикладные» для парадигмального нарратива онтологии часто должны представлять такие вещи как художественная повествовательная канва, музыкальная партитура или графические практики стрит-арта в качестве моделей, проектировочных схем или процессуальных паттернов. Одной из специфических черт подобных сущностей является то, что они могут существовать посредством разных носителей и воплощений, не сводясь к ним. Онтологические основания литературных, музыкальных, живописных, архитектурных и произведений многих прочих жанров, дисциплин и направлений имеют объектную природу или могут рассматриваться через призму объектности воплощения своего содержания. Предполагая, что нечто может быть обнаружено только в том случае, если оно уже существует, мы переходим к схемам и процедурам, которые, с одной стороны, фиксируют определенные сущностные основания и аспекты объектов искусства, а с другой – скрывают или замещают их подлинность или возможную «сверх»-сущность, что является, в свою очередь, центральной темой многих философских рассуждений об искусстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – Т. 170.
2. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / Г. Харман; пер. с англ. А. Писарева. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2018. – 152 с.
3. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / Г. Харман; пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. – Пермь : Гиле Пресс. – 2015.
4. Harman G. Object-oriented ontology: A new theory of everything / G. Harman. – Penguin UK, 2018.
5. Morton T. Here comes everything: The promise of object-oriented ontology / T. Morton // Qui Parle: Critical Humanities and Social Sciences. – 2011. – Т. 19. – №. 2. – С. 163–190.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЫ V ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

26 апреля 2023 года в Новосибирском государственном техническом университете (НЭТИ) прошла V Всероссийская научная конференция «Человек и его будущее в технологической реальности» для студентов и молодых ученых. В конференции приняли участие студенты различных направлений подготовки вузов Новосибирска, Казани, Калуги, Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Грозного. Особый интерес участники проявили к социальным, этическим и прикладным проблемам цифровизации, роботизации и технологий ИИ в современном обществе.

Оргкомитет благодарит участников конференции и их наставников за интересные работы.

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ **Аверьянова С.А.**

Уфимский государственный нефтяной технический университет
Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Вильданов Р.Р.

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция цифровой реальности, как неотъемлемой части современного общества. Изучается роль цифровой реальности, ее особенности и значение для человека и социума.

Ключевые слова и словосочетания: цифровая реальность, физическая реальность, самостоятельное направление, роль, значимость.

Жизнь современного общества стремительно меняется на протяжении последних лет. Этот процесс в данный момент связывают с активной цифровизацией и компьютеризацией [2, с. 103]. Информационные технологии на сегодняшний день настолько глубоко проникли в нашу жизнь, что это привело к образованию новой реальности, названной цифровой. Для такого типа реальности одними из характерных особенностей являются динамичность и непрерывная изменчивость [5, с. 200].

Задача написания этой статьи состоит в осмыслении цифровой реальности как таковой. Является ли она дополняющей или заменяющей физическую действительность? Несет ли в себе пользу или вред? И что вообще такое «цифровая реальность» на самом деле? На эти вопросы и предстоит найти ответы в ходе написания данной работы.

Стоит сказать, что цифровая реальность является вполне самостоятельным субъектом и развивается наравне с физической реальностью [4, с. 67]. В ней сформировались свои правила и принципы, даже цифровой этикет выделяют как отдельную направленность. Устоялся также и формат поведения и взаимодействия пользователей в реальности такого типа [1, с. 209].

То есть, отвечая на первый поставленный вопрос, можно сказать, что цифровая реальность уже долгое время является самостоятельно функционирующим направлением, которое сосуществует наравне с реальностью физической.

На второй вопрос в данном случае нельзя ответить однозначно. Стоит сказать, что все зависит от того, с какой целью индивид входит в эту реальность, какие цели преследует и что хочет извлечь из своей деятельности. Также большую роль на негативное или позитивное влияние такой реальности на людей играет умение ей пользоваться [6, с. 130]. Необходимо не только обращать внимание на подозрительное или нежелательное поведение других людей как в свой адрес, так и в сторону других пользователей реальности, но и осознавать свое поведение в текущей ситуации [3, с. 116].

Подводя итог в ответе на второй вопрос статьи, можно сказать, что получение пользы или вреда в условиях цифровизации зависит не только от намерений человека, но и от его знаний в данной области и умений быстро реагировать на постоянно меняющуюся действительность.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что цифровая реальность – это самостоятельная область нашего бытия, глубоко в него проникшая и идущая на одном уровне с реальностью осязаемой.

В процессе написания данной статьи были даны ответы на основные вопросы, касающиеся цифровой реальности как самостоятельного элемента современной жизни. Было дано определение такого типа реальности. Была проанализирована ее роль и значимость в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бреслер М. Г.* Адаптация этических норм поведения новых пользователей сети Вконтакте / М. Г. Бреслер // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: статьи участников ежегодного апрельского научного форума, Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2022 года. Том 1. – Санкт-Петербург : ООО «Медиапапир», 2022. – С. 209–210. – EDN TVZTFL.
2. *Вильданов Р. Р.* Интернет как средство коммуникации в политике / Р. Р. Вильданов // Наука, образование, молодежь в современном мире: материалы международной научно-методической конференции. Ч. 3. – Уфа : Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, 2016. – С. 102–107. – EDN ХВКХQV.
3. *Вильданов Р. Р.* Система государственного регулирования интернета в китайской народной республике / Р. Р. Вильданов, Э. Н. Кутушева // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2021. – № 3(37). – С. 115–122. – DOI 10.17122/2541-8904-2021-3-37-115-122. – EDN GBFBUE.
4. *Пурынычева Г. М.* Цифровая реальность как вызов человечеству / Г. М. Пурынычева, Н. М. Баданова // Философия и общество. – Москва, 2021. – С. 66–74.
5. *Спивак К. И.* Плюсы цифровой трансформации образования / К. И. Спивак // Дистанционное образование: трансформация, преимущества, риски и опыт: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 16–18 декабря 2020 года. – Уфа : Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2020. – С. 199–202. – EDN PGOISL.
6. *Талапина Э. В.* Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды института государства и права Российской академии наук. – Москва, 2019. – С. 122–146.

ВЛИЯНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ КОМПАНИИ OZON В e-КОММЕРЦИИ

Апполонова А.Д.

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)
Научный руководитель: канд. экон. наук, доцент Нечаева П.А.

Аннотация. В статье рассмотрены возможные способы кибератак на маркетплейсе Ozon, а также методы их предотвращения. Для безопасного функ-

ционирования организации недостаточно внимательности пользователей площадки, необходима вовлеченность всего персонала организации в процесс безопасности. В статье предложены способы решения ошибок при управлении персоналом в условиях информационной безопасности.

Ключевые слова и словосочетания: кибербезопасность, кибератаки, электронная коммерция, управление персоналом.

С развитием е-коммерции все больше появляется новых схем мошенничества, развиваются методы кибератак и взломов. Неэффективная система управления персоналом может оставить такие ситуации без внимания руководства, что в дальнейшем приведет к негативным последствиям для самой компании. Значительной проблемой является то, что в большинстве компаний нет нужных специалистов по вопросам безопасности, а специалисты других отделов (техподдержка, менеджеры) не могут передавать информацию руководству, так как не имеют к нему доступа. В связи с этим вопрос остается нерешенным и страдает как репутация компании, так и участники.

Большинство организаций не придает значения возможным кибератакам со стороны хакеров. Сотрудники этих компаний не знают, как действовать в таких ситуациях, соответственно, не могут предложить помощь пострадавшим.

Кибератакой считается попытка киберпреступников похитить данные и личную информацию с целью использовать ее для проведения дополнительных атак [1].

В зависимости от разных сфер деятельности отличаются и схемы взлома. Основные схемы, с которыми сталкивался почти каждый – звонки мошенников, рассылки, с целью украсть личные данные. Как правило, системы блокируют подозрительные действия злоумышленников. Однако существуют совершенно новые схемы мошенничества в сфере маркетплейсов, в которой пострадавшими являются одновременно и продавцы товаров, и покупатели. Для того чтобы понять, в чем именно совершаются ошибки в управлении персоналом и как не допустить кибератаки в компании, рассмотрим пример мошенничества в компании Ozon.

Плохая защищенность входа, отсутствие возможности экстренных обращений и самостоятельной блокировки аккаунта могут поспособствовать взлому и краже личных данных. Однако, если покупатели и могут обезопасить себя от обмана, зная схемы мошенников, аккаунты

продавцов совсем не защищены от взлома. Есть основной метод мошенничества, который появился на маркетплейсе Ozon и является двухсторонним. Мошенники, взламывая продавцов, делают привлекательными товары и цены, заманивая покупателей. Затем – просят перевести деньги на карту через сторонний мессенджер и пропадают. В данной ситуации далеко не продавец является мошенником, ведь его аккаунт подвержен взлому злоумышленников и данные действия совершаются от их лица. Во время кибератаки злоумышленники блокируют доступ продавца к своему кабинету. В случившихся ситуациях продавцы уже не могут написать в техподдержку в личном кабинете из-за отсутствия доступа к аккаунту, а другие быстрые способы связи в виде горячей линии на многих маркетплейсах, сейчас недоступны. Обращения, оставленные на почту маркетплейса находятся на недельном рассмотрении, а действия злоумышленников продолжают совершаться. Помимо новодобавленных товаров мошенники подключают дорогостоящее рекламное продвижение. Полиция не может решить вопрос о прекращении и блокировке мошенников, так как вопрос должен решать сотрудники организаций.

Подобные ситуации возникают из-за ошибок в управлении персоналом данной компании.

1. Неверно выстроенная коммуникация (руководитель–сотрудники; сотрудники–пользователи площадки).

2. Отсутствие контроля над процессами.

В компании Ozon хорошо выстроены многие процессы, однако кибербезопасности сейчас не уделяется должного внимания и времени. Отсутствие руководителей по каждому отделу приводит к тому, что руководство не может оперативно реагировать на проблемы, сложившиеся ситуации и не успевает вовремя их решать.

3. Неверно расставленный приоритет.

На данный момент в компании приоритетом является автоматизированное решение вопросов, а не безопасность данных. В сферу технологий невозможно представить техподдержку без бота. Однако не стоит с этим перебарщивать, ведь боты могут дать лишь однообразный ответ и краткую рекомендацию, но не решают проблему.

4. Отсутствие у сотрудников права принятия решения.

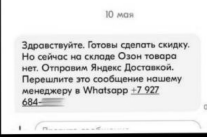
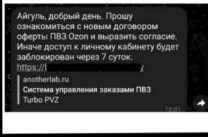
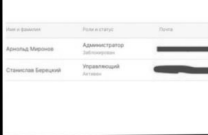
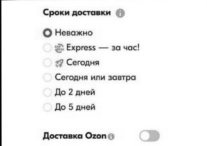
Многие ситуации сотрудники смогли бы предотвратить, имея права на те или иные действия. Так и в данной ситуации своевременная

возможность блокировки аккаунта и пользователя-мошенника техподдержкой решило бы часть проблем. [3].

Данные проблемы приводят к тому, что в ситуациях кибератак продавцу компания выставляет большой счет за рекламное продвижение, снижается рейтинг магазина и появляется риск возможных заявлений из полиции, которые могут оставить потерпевшие покупатели. И для того, чтобы хоть как-то сдвинуть решение вопроса на данный момент, продавцам остается лишь разными способами искать номера руководства, которые не находятся в открытом доступе и которые не предоставляет данная платформа.

Продавцам стоит помнить главное: маркетплейсы и техподдержка работают всегда через официальное приложение/сайт и не требуют перехода по ссылкам.

На рисунке ниже представлены виды мошенничества, с которыми могут столкнуться продавец и покупатель.

"Виды мошенничества, с которыми может столкнуться покупатель"	"Виды попыток взлома, с которыми может столкнуться продавец"
<i>Просьба перейти для общения в любой другой мессенджер</i> 	<i>Сообщения от "Ozona" в мессенджерах с просьбой перейти по ссылке</i>
<i>Цены гораздо ниже рыночных</i> 	<i>Наличие в личном кабинете "Администратора", которого продавец не добавлял</i>
<i>Отсутствие доставки Ozonom (включена лишь доставка от СДЭК, ПЭК, БОКСБЕРИ)</i> 	<i>Сообщения в мессенджерах от "Тех.поддержки"</i>

Источник: составлено автором на основе [2]

Моделью устранения ошибок в управлении персоналом OZON предлагается следующее.

1. Назначить руководителей для каждого отдельного подразделения. Это поможет решить вопрос с коммуникациями. Так сотрудники смогут своевременно обращаться с проблемами к своему руководителю, что поспособствует их решению.

2. Для того чтобы снизить нагрузку на руководителей, следует разработать систему протоколов, которая поможет регулировать и держать под контролем процессы в отделах. Так сотрудники смогут представлять руководству нужную информацию.

3. Стоит пересмотреть приоритеты компании. На данный момент компании нужно решать вопросы с усилением безопасности. Чат-боты для урегулирования системы ответов на постоянные вопросы – верное решение, однако стоит иметь в техподдержке и реальных сотрудников, которые смогут решить экстренные вопросы и принять определенные меры.

4. Сотрудники, решающие экстренные вопросы, должны быть наделены большими правами, например: возможностью заблокировать аккаунт при обнаружении на нем мошеннических действий. Это поможет предотвратить проблемы, с которыми сталкиваются селлеры.

Таким образом, в сфере интернет-продаж нужно быть аккуратными как покупателям, так и продавцам, ведь далеко не на всех сайтах заботятся о безопасности пользователей платформы. Компаниям следует не только иметь в арсенале специалистов по вопросам безопасности, но и уметь принимать правильные управленческие решения в сфере управления персоналом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибер-атаки и кибер-инциденты. Kaspersky – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/how-to-prevent-cyberattacks>.

2. Мошенники в маркетплейсах и не только – как не стать жертвой. Mobile review – URL: <https://mobile-review.com/all/articles/misc/moshenniki-v-market-plejsah-i-ne-tolko-kak-ne-stat-zhertvoj/>.

3. Управленческие проблемы и методы борьбы с ними. Kazan.hh.ru – URL: <https://kazan.hh.ru/article/28968>.

НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ. ТЕОРИЯ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ Т. КУНА

Белый А.П., Усикова Е.И.

Новосибирский государственный технический университет

Научный руководитель: канд. филос. наук Пронер Н.С.

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению подходов к описанию и обоснованию научных революций, на примере теории Томаса Куна, а также описанию влияния научной революции на техническое развитие современности.

Ключевые слова и словосочетания: научная революция, теория Т. Куна, научное развитие.

Первоначально термин «революция» относился к вращающимся колесам, включая вращение небесных тел и, более метафорически, «колесо фортуны», в итоге термин «революция» был перенесен в политическую сферу. Позже этот термин вернулся в науку на метауровне для описания развития внутри самой науки. Говоря о научной сфере, принято считать, что научная революция произошла в период XV–XVI вв., в эпоху перехода от Средневековья к Новому времени, получившей название эпохи Возрождения, началась с публикации Николаем Коперником *«De Revolutionibus orbium coelestium»* («О вращении небесных сфер») [1].

Научные революции представляют собой серию событий, которые являются переломными этапами развития и становления научных знаний, изменяющие представление общества о научной картине мира, посредством качественного преобразования фундаментальных оснований науки, смены старых теорий новыми [2].

На сегодняшний день существуют целые академические отделения, которые посвящают деятельность изучению различных аспектов научных революций, будь то политических или научных, однако не существует общей теории или модели революций ни в той, ни в другой сфере.

Особенности теории научных революций Т. Куна. Американский историк и философ Томас Кун разработал концепцию исторической динамики научного знания, в основе которой лежит образ науки, подразумеваемая специфическую деятельность научных сообществ. Он отрицал накопительную теорию развития науки.

Согласно Куну, в структуре нечетко охарактеризованная группа видов деятельности, часто состоящая из конкурирующих школ, становится зрелой наукой, когда несколько конкретных решений проблемы обеспечивают модели того, что является (или может быть) хорошим исследованием в этой области. Эти образцовые проблемы с решениями становятся основой «парадигмы», определяющей то, что значит заниматься «нормальной наукой» [3].

Исторически сложилось так, что все парадигмы и теоретические комплексы во все времена сталкиваются с аномалиями. Если и когда настойчивые усилия лучших исследователей не венчаются успехом в устранении аномалий, сообщество начинает терять доверие к парадигме и наступает кризисный период, который говорит о необходимости рассматривать серьезные альтернативы принятым решениям. Если одна из этих альтернатив показывает достаточно перспектив, чтобы отвлечь доминирующую группу ведущих исследователей от старой парадигмы, происходит сдвиг парадигмы или изменение парадигмы – это и есть революция Куна.

Новая парадигма «переворачивает» старую, вытесняя ее как некомпетентное руководство для будущих исследований. В главе X «Структуры научных революций» Кун утверждает, что изменение, как правило, настолько радикально, что две парадигмы нельзя сравнивать с их целями, методологическими стандартами и ценностями. Более того, сопутствующий сдвиг значений ключевых терминов приводит к нарушению коммуникации [3].

Таким образом, для Куна самый быстрый путь к революционным инновациям – это интенсивно детализированная нормальная наука.

Кун сравнивал революционные переходы, а не обычные научные разработки с эволюционными изменениями. Кажется очевидным, что он не считал революцию и эволюцию несовместимыми друг с другом. Однако следует учитывать, что для него нормальная наука представляет собой периоды застоя, тогда как революции – это короткие, творческие периоды, которые больше напоминают исследования методом случайных проб и ошибок [3]. При рассмотрении в шкале времени нормальная наука, возможно, также включает в себя более ограниченный процесс вариации и отбора, поскольку ученые-практики ищут способы сформулировать парадигму.

Важным моментом является то, что, по мнению Куна, революция и эволюция совместимы, если рассматривать их в правильных времен-

ных масштабах. При рассмотрении в широком смысле революции представляют собой просто наиболее примечательные эпизоды в развитии наук. При более подробном рассмотрении они (как и исследования Куна в целом) имеют детальную эволюционную структуру.

Позднее Кун расставил новый акцент в понимании научных революций, а именно на синхронных революциях, в которых поле расщепляется на подполя, а не на диахронической замене одного парадигмального комплекса другим, как это было в его ранней работе. Поэтому его концепция науки менее монолитна. Такая область, как эволюционная биология, может одновременно допускать несколько разных концепций видов [4]. Общий результат – менее тесно интегрированная, менее догматическая концепция нормальной науки в рамках всеохватывающей парадигмы, точка зрения, которая имеет значение также для необходимости и масштабов будущих революций.

Выводы. Научная революция представляет собой новый этап развития науки, в основе которого лежит радикальное и глобальное изменение процесса и содержания системы научного познания, обусловленное переходом к новым теоретическим и методологическим основаниям, к новым фундаментальным понятиям и методам, к новой научной картине мира. Научная революция предусматривает качественные преобразования физических средств наблюдения и проведения экспериментов, связана с новыми способами и методами оценки и интерпретации эмпирических данных, с новыми идеалами объяснения, обоснованности и организации научного знания.

Кун сделал ряд важных философских утверждений в контексте разработки своей модели того, как наука производит революции в теории. Основные тезисы включают следующее.

1. Парадигмы «несоизмеримы» и могут быть (частично) сформулированы только с помощью историков и философов науки.

2. Ученые уходят от господствующей парадигмы, которая образует как бы основное направление или подход их исследования. Следовательно, не существует «высшего авторитета», существуют лишь парадигмы «сегодняшнего дня» (контекст для текущих исследований) и парадигмы прошлого (частично переведенные историками и философами науки). Не только не может быть абсолютной истины, но и Кун делает более радикальное заявление о том, что можно полностью отказаться от концепции «истины», заменив ее концепцией «успешного решения проблем в рамках парадигмы». Точно так же «объективность» как понятие, независимое от исследователя, не имеет смысла.

3. Кун считал, что наука развивается с течением времени.

4. Научная революция является сменой старой парадигмы новой.

Трудности в выявлении подходов к изучению научных революций связаны со многими из наиболее сложных вопросов философии и методологии науки. Научные революции привели к концептуальным и практическим изменениям, которые оказали влияние на становление современной науки, поскольку революция, как правило, обусловлена появлением новых результатов изучения действительности или переосмыслением известных знаний и фактов.

Научные революции порождаются промышленными технологиями, инновациями, которые являются основной интеллектуальной движущей силой научных изменений, полученных в результате применения квалифицированных знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Купцова В. И.* Философия и методология науки / В. И. Купцова. – Москва, 1996.

2. *Кочергин А. Н.* Методы и формы научного познания / А. Н. Кочергин. – Москва : Изд-во МГУ, 1990. – 76 с.

3. Структура научных революций / Томас Кун; пер. с англ.: И. З. Налетов и др. – Москва : АСТ, 2003. – 605 с.

4. *Kuhn T. S.* Afterwords; in P. Horwich ed., *World Changes: Thomas Kuhn and the Nature of Science*, Cambridge, MA: MIT Press, 1993. – P. 311–341.

5. Философия и методология науки: учебное пособи е/ М. В. Ромм, В. В. Вихман, М. Р. Мазурова и др.; под ред. В. В. Вихман. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. – 124 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Васингина Э.А.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

Научный руководитель: канд. экон. наук, доцент Абулханова Г.А.

Аннотация. Цифровые технологии все чаще становятся инструментом в руках киберпреступников. Киберпространство больше нельзя считать местом, где пользователи Интернета могут чувствовать себя в безопасности при

общении с другими пользователями, поиске информации, ведения бизнеса или поиске развлекательного контента. Многие источники информации нельзя считать заслуживающими доверия, но, к сожалению, большой процент населения из-за недостаточного уровня цифровой грамотности не может признать это. Цель исследования – выяснить, являются ли кибертеррористические акты мифом или горькой реальностью.

Ключевые слова и словосочетания: цифровые технологии, киберпространство, кибератака, кибертерроризм, национальная безопасность

Существует бесчисленное множество примеров, когда кибератаки наносят вред доверчивым людям, чаще всего через социальные сети, причиняя им материальный и эмоциональный ущерб. В некоторых других случаях такие атаки в киберсреде могут принимать гораздо более сложные формы и наносить ущерб даже самим государствам.

Как и в случае с традиционным терроризмом в реальном мире, кибертерроризм преследует те же мотивы – вызвать страх у одной части населения, чтобы оказать давление на правительство, чтобы оно выполнило их условия. Однако, в отличие от традиционного терроризма, вместо оружия кибертерроризм использует цифровые инструменты для распространения пропаганды, вербовки идеологических единомышленников или организации террористических актов [2, с. 283]. В более серьезных случаях кибертеррористы также могут угрожать критической инфраструктуре государства, что напрямую влияет на национальную безопасность.

Адаптивность хакеров к технологическим инновациям и обновлениям находится на завидном уровне, что должно стать сигналом тревоги, который заставит правительства сотрудничать друг с другом и регулярно совершенствовать стратегии кибербезопасности и таким образом защищать свое население, критически важную инфраструктуру и экономическое развитие.

По мере роста масштабов и важности Интернета необходимость перевода компьютерной безопасности с тактического уровня на стратегический возматериалась, а движущей силой национальной политики было сочетание сохраняющихся компьютерных уязвимостей и глобальных связей, которые создавали угрозу национальной критически важной инфраструктуре.

С развитием информационной революции кибербезопасность должна пониматься как нечто большее, чем угроза, которую необхо-

димо на некоторое время пересмотреть. Потенциал такой деятельности в цифровой среде огромен, и уже есть много примеров, когда государственная безопасность сталкивалась с большими вызовами.

Проблема кибербезопасности касается каждого, поскольку общество становится все более уязвимым к вмешательству со стороны противников, которые могут действовать внутри систем информационно-коммуникационных технологий или против них [4, с. 92].

Наращивание потенциала в области кибербезопасности – это способ расширения прав и возможностей населения и способности правительств достигать своих целей в области развития путем снижения рисков цифровой безопасности, связанных с доступом к информационным и коммуникационным технологиям и их использованием.

Парадигма безопасности в последнее время меняется, поскольку развитие технологий принесло новые концепции, такие как безопасность без границ, мобильность, облачные вычисления, большие данные, интернет вещей, машинное обучение, искусственный интеллект и тому подобное.

С ростом сложности и частоты возникновения громкие кибератаки стали признаваться международной угрозой [1, с. 68]. Иногда эти атаки тривиальны и не представляют большой угрозы для государств или корпораций, однако иногда они представляют большую угрозу и способны разрушить электрические и железнодорожные сети или даже ядерные объекты.

В результате этих атак киберпространство, ранее считавшееся убежищем частной жизни, больше не может считаться частной территорией. Когда конфликт возникает в киберпространстве, он может привести к эскалации между субъектами в физической сфере или нанести экономический или физический ущерб.

Практически все правительства уже видят четкую связь между кибербезопасностью и безопасностью внутренней политики. Можно утверждать, что на данный момент все международные политические и военные конфликты имеют кибернетическое измерение, масштабы и последствия которого трудно предсказать. Все, что происходит в реальном мире, одновременно отражается в киберпространстве, включая пропаганду, шпионаж и, во все большей степени, саму войну. Непредсказуемые характеристики Интернета могут сделать кибернетические сражения столь же важными, если не более важными, чем события, происходящие на местах в реальном мире.

Технологические разработки, связанные с киберпреступностью и кибербезопасностью, означают, что, хотя традиционные законы могут применяться в определенной степени, законодательство также должно касаться новых концепций, таких как нематериальные компьютерные данные, которые не обрабатываются законом.

Социальные сети влияют на различные аспекты современной жизни и оказывают глубокое влияние на межличностное общение. Они будут продолжать все больше и больше интегрироваться в обычный человеческий опыт и расширять масштабы процесса человеческого общения [3, с. 172]. Каждый традиционный канал связи имеет свои очевидные преимущества, и организациям следует продолжать им пользоваться, но Интернет – это постоянно развивающийся канал, который пользуется большим вниманием и которым пользуется более трети населения земного шара.

Уровень проникновения социальных сетей в повседневную жизнь растет, и ожидается, что в обозримом будущем произойдет еще более значительный рост. Такое воздействие на население на глобальном уровне увеличивает шансы на успех кибератак. Международное сотрудничество и гармонизация работы полиции, а также законодательства в области кибербезопасности становятся императивными, поскольку, хотя кибератаки могут иметь ограниченные возможности в настоящее время, нет никаких гарантий, что их число не возрастет в ближайшем будущем.

Таким образом, кибертеррористические акты многим все еще могут показаться мифом, но использование киберпространства с целью провокации населения, вербовки единомышленников и подготовки к террористическим актам является горькой реальностью. Национальная безопасность должна сформулировать и определить важные вопросы, связанные с наращиванием человеческого потенциала для решения киберпроблем, и активно стремиться к развитию международных партнерских отношений, необходимых для решения этих киберпроблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ерохин В. В.* Безопасность информационных систем : учебное пособие / В. В. Ерохин. – Москва : Флинта, 2015. – 184 с.

2. *Запечников С. В.* Информационная безопасность открытых систем. В 2 т. Т. 1. Угрозы, уязвимости, атаки и подходы к защите / С. В. Запечников, Н. Г. Милославская. – Москва : ГЛТ, 2017. – 536 с.

3. *Молдовян А. А.* Информатика: введение в информационную безопасность / А. А. Молдовян. – Москва : Юридический центр, 2021. – 874 с.

4. *Чипига А. Ф.* Информационная безопасность автоматизированных систем / А. Ф. Чипига. – Москва : Гелиос АРВ, 2018. – 336 с.

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Вязовой Ю.А.

Уфимский государственный нефтяной технический университет
Научный руководитель: канд. полит. наук Вильданов Р.Р.

Аннотация. В настоящей статье анализируются особенности и эффективность социальных движений в условиях тотальной цифровизации современного общества. Показано значение социальных сетей как механизмов идентификации в системе коллективного мышления современного человечества в условиях цифровизации.

Ключевые словосочетания: цифровизация будущего, социальные сети, механизмы идентификации, коллективное мышление, портрет пользователя соцсети, искусственный интеллект.

В настоящее время цифровые технологии и методы работы в сетевом пространстве развиваются стремительными темпами, представляя собой так называемое «цифровое цунами». В условиях современности различные инновационные технологии цифровой среды требуют своего прикладного использования и наиболее результативного применения в жизнедеятельности человека и общества в целом для облегчения деятельности. Ежедневно меняющиеся условия развития нашего социума, наравне с модернизацией всех сторон деятельности на системной основе актуализируют интерес к вопросам и проблемам формирования цифровой среды в перспективе всего мирового пространства.

Различные технологии «умного дома», интернет-коммуникации будут давать возможность человеку в максимальной степени упростить собственную жизнь. Так, уже сейчас возможно в дистанционном формате обучаться и получать образование, трудиться из любого места

и мониторить состояние своего здоровья, получая консультации докторов. В будущем такие технологии будут только развиваться и станут доступными для большинства жителей нашей планеты [1, с. 87].

Цифровое будущее человечества будет связано все с большим влиянием системы виртуальных ассистентов, работающих на основе искусственного интеллекта. Вполне вероятно, что виртуальный ассистент сможет заменить человека в интернете – проверять почту, совершать необходимые звонки, бронировать номера и столики в ресторанах и т. д. По мнению большинства экспертов, человечество только выиграет от глобальной цифровизации и внедрения искусственного интеллекта, так постепенно исчезнут четкие границы между машинами и людьми.

Однако ряд исследователей обращают внимание на определенную угрозу вторжения искусственного интеллекта и прогнозы его дальнейшего использования в цифровом пространстве [3, с. 116]. Основным риском может заключаться в том, что искусственный интеллект будет принимать решения, которые могут быть не предусмотрены живым человеком, иначе говоря, машины станут сами решать, что правильно, а что – нет [4, с. 11].

Еще одним негативным моментом, связанным с цифровизацией всего мирового пространства, станет влияние автоматизации на состояние рынка труда: в связи с тем, что инновационные технологии и автоматизация производства в будущем будут только увеличивать свое влияние, освободится значительное число рабочих мест.

Кроме этого, в будущем все более важное значение будут занимать разнообразные социальные движения в сетях Интернета [2, с. 103]. Таким образом, глобальная цифровизация общества, всех сфер жизнедеятельности представляет собой характерную черту ближайшего будущего человечества. Иначе говоря, тотальная цифровизация абсолютно всего мирового пространства станет неизменным мегатрендом [7, с. 200].

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать следующие предпосылки формирования и последующего развития социальных движений в социальной сети в перспективе цифрового будущего всего человечества:

- 1) факт наличия определенной социальной неудовлетворенности у пользователей;
- 2) присутствие препятствий или барьеров в функционирующей социальной структуре на системном уровне;

3) наличие взаимодействия и коммуникаций между людьми, которые испытывают одинаковую либо похожую социальную неудовлетворенность, т. е. люди объединены одинаковыми проблемами;

4) наличие ключевой идеи, которая детерминирует коллективную активность в рамках социального движения.

Нынешняя общественно-экономическая ситуация современной реальности сложилась и непрерывно развивается благодаря стремительному информационно-технологическому прогрессу, который, в свою очередь, в значительной степени детерминирует включению в коммуникационно-информационные системы технологий и методов анализа массивов данных (big data) [6, с. 77].

Именно данные массивы данных дают возможность иметь в социальной сети персонализированную ленту новостей и актуальных событий, которые основываются на активности в сети и индивидуальных предпочтениях самого человека [8]. В итоге благодаря качественно-структурированному таргетингу и системному предоставлению на этой основе наиболее соответствующего человеку контента он оказывается в так называемом «информационном пузыре», который при этом ограждает его от иных раздражителей информационного плана [5, с. 77].

Следует обратить внимание на тот факт, что в нынешних условиях цифровой коммуникационной среды массовое общественное поведение и коллективное мышление характеризуется повышенным уровнем иррациональности [9]. Одновременно не до конца прогнозируемые изменения и колебания общественной деятельности в социальных сетях говорят о вероятности трансформации социального недовольства в реальную действительность из цифровой виртуальной среды [10].

Таким образом, в условиях цифрового будущего человечества специфика новых общественных движений в социальных сетях обнаруживает проблематику неравенства и идентичности, которые в современных условиях стали приобретать новые трактовки. Проблема неравенства выражается в простом доступе к различным информационным технологиям; кризис идентичности проявляет себя преимущественно в проектировании собственных идентификаций. Кроме этого, анализируя общественную основу различных социальных движений в социальных сетях, следует принимать во внимание новые типы социальных страт, которые непосредственным образом развиваются

в условиях социально-экономической нестабильности и высоких рисков, отсутствия гарантий.

Не подлежит сомнению то положение, что тотальная цифровизация всех процессов жизнедеятельности общества потребует и пересмотра многих канонов жизненного устройства общества по причине того, что в массовом сознании возникает понимание происходящих процессов в альтернативном ракурсе восприятия. Под эгидой дальнейшей цифровизации формируется и развивается иной формат мировосприятия, в котором соответственно будут лидировать несколько иные формы восприятия человеком окружающей его действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинская Е. П.* Психология интернет-коммуникации / Е. П. Белинская. – Москва : МПСУ; Воронеж : МОДЭК, 2022. – 192 с.
2. *Вильданов Р. Р.* Интернет как средство коммуникации в политике / Р. Р. Вильданов // Наука, образование, молодежь в современном мире: материалы международной научно-методической конференции. Уфа, 26–27 мая 2016 года / Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина. Ч. 3. – Уфа : Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина, 2016. – С. 102–107.
3. *Вильданов Р. Р.* Система государственного регулирования интернета в китайской народной республике / Р. Р. Вильданов, Э. Н. Кутушева // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2021. – № 3(37). – С. 115–122. – DOI 10.17122/2541-8904-2021-3-37-115-122. – EDN GBFBUE.
4. *Емельянов С. В.* Информационные технологии регионального управления / С. В. Емельянов. – Москва : УРСС, 2020. – 400 с.
5. *Иванов В. Н.* Социальные технологии в современном мире / В. Н. Иванов. – Москва : Славянский диалог, 2022. – 310 с.
6. *Иванов В. Н.* Социальные технологии / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев. – Москва : МГСУ «Союз», 2021. – 432 с.
7. *Спивак К. И.* Плюсы цифровой трансформации образования / К. И. Спивак // Дистанционное образование: трансформация, преимущества, риски и опыт: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 16–18 декабря 2020 года. – Уфа : Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, – 2020. – С. 199–202. – EDN PGOISL.
8. *Шкуратова И. П.* Самопредъявление личности в общении / И. П. Шкуратова. – Ростов-н/Д, 2019. – 192 с.

9. *Porta D. della*, Diani M. 2006. *Social Movements*. Malden (Mass.), 2016.
10. *Rucht D.* The Strategies and Action Repertoires of New Movements / D. Rucht // *Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies*. Cambridge (Mass.), 2019.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ

Галиева А.А.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

Научный руководитель: канд. экон. наук Валеева Р.Р.

Аннотация. В данной статье рассмотрен искусственный интеллект как технология, которая имитирует человеческое мышление и поведение с помощью компьютерных алгоритмов и баз данных. При исследовании был сделан акцент на изучение влияния искусственного интеллекта на жизнь людей. В частности, были рассмотрены различные области его применения.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, технология, область, применение, влияние.

Современный мир не представляется без использования искусственного интеллекта. Эта технология все больше проникает в нашу повседневную жизнь, изменяя ее, вызывая различные эмоции и удивление. Современный искусственный интеллект – это сложная, но и удивительная технология, которая обещает преобразить мир к лучшему.

Использование искусственного интеллекта началось в конце XX века, когда ученые начали создавать системы, которые могли бы подражать человеческому мышлению и поведению [5, 6]. С тех пор этот процесс ускорился, и теперь искусственный интеллект используется практически во всех сферах жизни людей.

Рассмотрим области применения искусственного интеллекта.

1. Одной из главных областей применения искусственного интеллекта является медицина. Врачи используют искусственный интеллект для диагностики заболеваний и терапии [1, 9]. Системы искусственного интеллекта могут эффективнее и более точно определять заболевания, чем врачи. Это позволяет выбрать наиболее эффективную терапию и повысить шансы на скорое выздоровление.

2. Еще одна важная область применения искусственного интеллекта – образование. Среди примеров использования машинного обучения можно назвать создание систем адаптивного обучения [2, 8], которые способны адаптироваться к индивидуальным потребностям каждого студента.

3. Технологии искусственного интеллекта не остались в стороне и от экономической сферы. Использование искусственного интеллекта в бизнесе позволяет увеличить производительность и эффективность [5, 7]. Стоит особо выделить главное преимущество использования искусственного интеллекта в бизнесе: он позволяет автоматизировать рутинные задачи, которые отнимают много времени сотрудников, но по-прежнему требуют выполнения.

Стоит сказать, что на самом деле мир искусственного интеллекта безопасен для человечества. Различные исследования показали, что использование машинного обучения и алгоритмов «классического» машинного обучения оставляет возможность программного обеспечения для дискриминации [3]. Таким образом, контроль за использованием технологий искусственного интеллекта набирает все большую важность.

Однако, несмотря на все риски, искусственный интеллект становится все более востребованным в различных сферах жизни людей [4]. И это понятно – благодаря ему мир становится более удобным, эффективным, безопасным и доступным для всех.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rezaev A. V. Twelve Theses on Artificial Intelligence and Artificial Sociality / A. V. Rezaev // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2021. – № 1(161). – Р. 20–30. – DOI 10.14515/monitoring.2021.1.1894.*

2. *Абулханова Г. А. Информатизация как эффективная технология защиты населения при формировании имиджа муниципальных органов власти / Г. А. Абулханова, Ч. Я Шафранская // Новые институты для новой экономики. Сборник материалов XII Международной научной конференции по институциональной экономике. – 2018. – С. 28–34.*

3. *Андрианова Н. В. Интеллектуальные контракты при управлении снабжением машиностроительного предприятия / Н. В. Андрианова, П. А. Нечаева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – № 4 (22), декабрь. – С. 496–505.*

4. Куликова М. И. Искусственный интеллект и его влияние на жизнь людей / М. И. Куликова, В. Ю. Кондратьев // Информационное общество: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов X международного студенческого форума, Краснодар, 25–29 декабря 2017 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, 2018.

5. Кушнир Н. В. Искусственный интеллект и современное образование / Н. В. Кушнир, А. В. Кушнир, А. М. Гриднева // Инновационные процессы в высшей школе : сборник материалов международной научной очно-заочной конференции, Краснодар, 29 октября 2020 года. – Краснодар : Кубанский гос. технолог. ун-т, 2020. – С. 132–134.

6. Репина Ю. А. Социально-управленческие аспекты устойчивого развития монопрофильного города: специальность «Социология управления»: автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Ю. А. Репина. – Казань, 2009. – 23 с.

7. Триволенко Б. И. Искусственный интеллект: достижения и проблемы / Б. И. Триволенко // Актуальные исследования в сфере гуманитарного знания: Сборник научных трудов VII студенческой научно-практической конференции, Самара, 17 декабря 2020 года. – Кинель : Самарский гос. аграрный ун-т, 2021. – С. 61–65.

8. Чех А. Д. Влияние искусственного интеллекта на человека / А. Д. Чех, М. В. Коростелева // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» : Материалы конференций ГНИИ «Нацразвитие», Санкт-Петербург, 26–30 июня 2021 года. – Санкт-Петербург : ГНИИ «Нацразвитие», 2021. – С. 131–132.

9. Юсупова Г. Р. Преимущества использования программного обеспечения при реализации проектного подхода в деятельности компаний / Г. Р. Юсупова // Новые информационные технологии в образовании: Сборник статей научно-практической конференции, Набережные Челны, 05 декабря 2018 года. – Набережные Челны : Изд-во «Познание», 2018. – С. 109–113.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Гимадиева Г.И.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова ИЭУП)

Научный руководитель: к. экон. н. Абулханова Г.А.

Аннотация. Человечество, как и любая другая система, имеет тенденцию к развитию. Рассматривая все человечество в целом на его пути к прогрессу, можно сказать, что может существовать несколько путей, по которому оно движется, и один из них – гуманистический прогресс.

Ключевые слова и словосочетания: прогресс, гуманность, моральные и духовные ценности, приоритет личности, индивидуальность.

Человечество, как единая цивилизация, непрерывно развивается. Развитие психологии, экономики, политики, сельского хозяйства, инженерии, медицины, морали и этики безостановочно, даже если на каком-то этапе истории оно замедлилось. Влияние времени различных эпох отражается на всех сферах жизни человечества. Да, бывали времена, когда развивались единичные, отдельно взятые сферы, но это происходило в ущерб другим, например, во время Второй мировой войны произошел огромный скачок в исследовании медицины, но вместе с тем запустился процесс чудовищной регрессии морали и этики человечества.

Благодаря истории мы можем наблюдать множество примеров прогресса человечества, так же, как и регрессии, но о далеком будущем человечества мы можем выдвигать только теории. Одним из путей, на который может в процессе своего развития встать человечество, является гуманистический путь.

Гуманистический путь прогресса человечества характеризуется:

- возведением в абсолютный приоритет человека;
- где начинается свобода и неприкосновенность одного, там же заканчивается право вмешательства другого;
- развитие и возведение в приоритет обществом морали, этики, ценностей;
- строительство совместного будущего всеобщими усилиями, вклад в общее дело каждого человека;

– человек на всех этапах жизни развивается физически, психологически, морально и духовного. Это становится одним из направлений государственной политики.

– и так далее.

Это, наверно, самый сложный из путей развития для человеческой цивилизации, но он возможен.

Один из вариантов становления на гуманистический путь человечеством хорошо описывает фраза: «Чтобы создать что-то новое, нужно уничтожить старое». Отчуждение умов людей, искоренение мировоззрения, рассматривающее отступничество от добра, морали, этики, чести и позволяющее выходить даже за малые рамки дозволенного – самый сложный из этапов вступления человечества на гуманистический путь жизни. На прививание людям непоколебимых законов всеобщих ценностей, этических правил, приоритета личности и ее развития уйдет не одна сотня лет.

Такой утопический мир, уже устоявшийся, рассматривается в литературном труде нашего соотечественника И.А. Ефремова «Час Быка». Общество, которое построено на законах морали, имеет непоколебимые этические взгляды, развивающееся физически и духовно с малолетнего возраста. Государство выстроило систему приоритета отдельно взятой личности, которое понимает значимость блага каждого, и потому добровольно помогает во всем своему ближнему. Развитие всех сфер жизнедеятельности человечества: образования, здравоохранения, политики, экономики, инженерии, машиностроения, искусства, космонавтики, все направлено на развитие единой цивилизации по гуманистическому пути.

Проведение в произведении «Час Быка» параллели между уже устоявшимся миром гуманности и миром разрушительного невежества и отрицания человека как приоритета дает нам возможность сравнения и некоторые выводы о необходимости становления нынешнего общества на более гуманный путь развития нашей цивилизации.

Развитие человечества по гуманистическому пути является самым сложным и долгим, ведь оно связано, в первую очередь, с мировоззрением людей, но тем не менее этот путь является самым правильным из всех возможных.

КОММУНИКАЦИЯ «ЧЕЛОВЕК–МАШИНА»: РОЛЕВЫЕ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ УСТРОЙСТВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Душина У.С.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: д-р филос. наук, проф. Игнатьев В.И.

Аннотация. В статье представлен анализ коммуникации «человек–машина». Выявлены ролевые самопрезентации устройств с искусственным интеллектом.

Ключевые слова и словосочетания: устройство с искусственным интеллектом, социальная роль, социальная роль в интеракции «человек–машина».

В социологии под социальной ролью понимают ожидаемое поведение и статус, связанные с определенной социальной позицией (Р. Линтон, З. Фрейд, Т. Парсонс, Дж. Хоманс, Ф. Знанецкий и др.). Признаки социальной роли могут включать в себя характеристики социального статуса, социальных ожиданий, социальных норм, средств идентификации себя в сравнении с другими, ожиданий от взаимодействий. Эти признаки могут варьироваться в зависимости от конкретной социальной роли и контекста, в котором она выполняется.

Проблема. С точки зрения социологической модели ролевого поведения диагностика достигнутой степени технологий искусственного интеллекта для коммуникации его с человеком остается в начальной стадии применения социологического инструментария.

Цель исследования – выявить, какова специфика исполнения социальных ролей в ситуации коммуникации человека с роботом.

Андреа Гузман в книге «Коммуникация человек–машина», исследователь из Университета северного Иллинойса, собрала отчеты ряда ученых, которые рассматривали взаимодействие «человек–машина» через призму общения людей с различными устройствами искусственного интеллекта (ИИ). Стимулом для появления новой области исследований «человек–машина» (которая направлена на то, чтобы охватить все возможные способы коммуникации, методы исследования и оценки последствия технологий для человека и общества в целом) послужило то, что теории коммуникации в том виде, в котором они суще-

ствовали ранее, не отражают всего спектра возможных способов взаимодействия.

На основе анализа отчетов исследований, собранных в публикации А. Гузман и посвященных анализу результатов конструирования гуманоидных роботов с навыками человекоподобного поведения, нам удалось выявить следующие признаки ролевого поведения.

1. *Эмоциональная выразительность*: гуманоидные роботы могут имитировать эмоции, такие как радость, грусть, страх, ярость, что помогает им создавать впечатление, что они обладают человеческими качествами. Это важная характеристика, которая может повысить взаимодействие между роботом и людьми, особенно если робот используется в социальной среде, такой как образовательные учреждения, больницы или дома престарелых.

Для достижения высокой эмоциональной выразительности гуманоидные роботы могут быть оснащены специальными датчиками, которые могут распознавать различные эмоциональные состояния у людей, а затем передавать эти эмоции через соответствующие выражения. Некоторые роботы также могут использовать звуковые сигналы и речь для передачи эмоциональной информации.

Однако, несмотря на значительные успехи в этой области, эмоциональная выразительность гуманоидных роботов все еще не достигла такого уровня, чтобы имитировать полноценное человеческое выражение эмоций. Кроме того, эмоциональная выразительность может быть проблематичной в контекстах, где требуется максимальная точность, например, в медицинских и инженерных приложениях, где роботы используются для выполнения сложных задач. Например, К. Бартнек и др. (2007) сделали предположение, что робот iCat «может генерировать множество различных выражений лица, таких как счастье, удивление, гнев или печаль, которые необходимы для создания социальных диалогов взаимодействия человека и робота» [1, с. 218]. Хотя данный робот по внешнему виду не похож на людей, одним из ключей к его социально-коммуникативным способностям является лицо, которое может создавать человекоподобные выражения [2, с. 71].

2. *Социальная адаптивность*: гуманоидные роботы могут адаптироваться к социальным ситуациям, таким как взаимодействие с людьми, изменение окружающей среды и т. д. Они также могут имитировать социальное поведение, такое как приветствие, прощание, благодарность и т. д. Для достижения социальной адаптивности гуманоидные

роботы могут использовать различные технологии, такие как компьютерное зрение, распознавание речи, голосовые и жестовые команды, а также искусственный интеллект для обработки и анализа данных. Это позволяет роботам лучше понимать и адаптироваться к социальным ситуациям. Одним из примеров социальной адаптивности гуманоидных роботов являются роботы-ассистенты, которые используются в сферах здравоохранения и образования. Они могут помочь людям с инвалидностью или другими затруднениями, например, помогать в подъеме и передвижении по дому, помогать с учебой или обучением новым навыкам. Например, в исследовании С. Остин Ли и Юхуа (Джейк) Лян приходят к выводу, что «роботы могут эффективно добиваться согласия от партнеров-людей в качестве отправителя убедительных сообщений в транзакционной модели коммуникации «человек–машина» [2, с. 159].

3. *Сенсорная восприимчивость*: гуманоидные роботы могут использовать различные сенсорные системы, такие как камеры, микрофоны и т. д., чтобы воспринимать окружающую среду и взаимодействовать с ней. Сенсоры могут помочь роботам ориентироваться в пространстве, избегать препятствий, определять положение объектов и людей, а также собирать информацию о различных параметрах окружающей среды, таких как температура, освещенность, звук и другие.

4. *Когнитивная способность*: гуманоидные роботы могут использовать искусственный интеллект и машинное обучение для анализа информации, принятия решений и выполнения задач. Когнитивная способность гуманоидных роботов – это способность роботов обрабатывать информацию, принимать решения и выполнять сложные задачи, используя знания, логику, аналитические и креативные навыки, а также многие другие аспекты когнитивной деятельности, которые обычно связаны с человеческим интеллектом. «Гуманоидные социальные роботы – это не удобные для пользователя компьютеры, которые работают как машины; скорее, это удобные для пользователя компьютеры, которые работают как люди». И люди, и гуманоидные социальные роботы могут «действовать, как люди», открывая пространство для идентификации на основе функциональной эквивалентности [2, с. 403].

5. *Адаптивность к изменениям*: гуманоидные роботы могут быстро адаптироваться к изменениям в окружающей среде и взаимодействовать с людьми и другими роботами в соответствии с новыми условиями.

6. *Самообучение*: некоторые роботы могут обучаться на основе опыта и совершенствовать свои навыки и поведение в соответствии с задачами, которые им предстоит выполнить.

Можно сделать вывод, что в тематической области «коммуникация человек–машина» социологический подход к изучению коммуникаций в аспекте интерпретации их как социальных ролей остается еще далеко не реализованным, хотя первые результаты уже получены и сформулированы выводы, нуждающиеся в дальнейшей экспериментальной проверке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bartneck C.* A design-centred framework for social human-robot interaction / C. Bartneck, J. Forlizzi. – 2004. – P. 591–594. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.72.4843&rep=rep1&type=pdf>

2. *Гузман А.* Коммуникация «человек–машина». Переосмысление коммуникации, технологии и самих себя А./ Гузман; пер. с англ. А.М. Морозова. – Хабаровск : Изд-во «Гуманитарный Центр». – 304 с.

3. *Линтон Р.* Культурные основания личности // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры / Р. Линтон. – Москва : Петроглиф, 2011. – С. 74–114.

4. *Парсонс Т.* Новый аналитический подход к теории социальной стратификации / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – Москва : Академический проект, 2002.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ

Дымнич Е.А., Проскурякова Е.Д., Данилкова М.П.

Новосибирский государственный технический университет

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния социальных сетей на способы коммуникации людей. В работе обозначены наиболее проблемные аспекты интернет -коммуникационного взаимодействия.

Ключевые слова и словосочетания: социальная сеть, коммуникация, интернет-пространство.

Современный мир претерпевает серьезные трансформации глобального масштаба, затрагивающие все сферы жизнедеятельности

общества. Наиболее существенные и значимые изменения связаны с новейшими технологиями в сфере интернет-технологий. Цифровизация и появление новых форм и способов коммуникации резко изменило как структуру, так и качество взаимодействия людей. Подобные перемены заставляют человека адаптироваться к новым условиям общения. Сегодня современный человек не представляет свое существование без интернет-технологий. Вопросы и проблемы, относящиеся к новым формам коммуникационных практик, становятся весьма актуальными для ученых, изучающих подобные явления.

Одним из важных сфер общения в условиях новой технологической реальности являются социальные сети. Социальные сети позволили людям освоить новые схемы общения. Каждый получил возможность делиться событиями из повседневной жизни, публиковать фотографии, следить за жизнью своих друзей и знакомых, обучаться, познавать что-то новое.

Казалось бы, соцсети, объединяя пользователей, заставляют их быть лучше, самообразовываться и самосовершенствоваться. Но так ли это на самом деле или социальные сети – это лишь иллюзия единства взаимных интересов? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Так, ряд исследователей выделяют как положительное, так и негативное воздействие таких форм общения на человека, и последнее нужно учитывать [1].

К положительным характеристикам общения в интернете можно отнести следующее:

- позитивное влияние на навыки дистанционного общения пользователей;
- возможность найти себе новых друзей, знакомых, давних одноклассников;
- поиск в социальных сетях единомышленников;
- оперативное решение вопросов в профессиональной деятельности и др. [2].

Кроме того, существует немало важных и нужных групп, где люди могут обмениваться накопленным опытом или просто своими взглядами на жизнь.

К негативным характеристикам общения в социальной сети можно отнести следующее:

- социальные платформы ухудшают способность человека делиться мыслями, искажают коммуникационные процессы;

- изолирование пользователей друг от друга;
- зависимость от виртуального мира;
- сокращение живого общения;
- снижение грамотности или обнищание языка;
- вероятность того, что пользователь тебе соврет;
- повышенная внушаемость;
- порождение зависти и искажения реальности;
- бесконтрольное ненормативное общение;
- отсутствие отдачи эмоциональной связи [3].

Из вышесказанного следует, что соцсети гарантируют негативные последствия. Впрочем, не стоит полагать, что те же одноклассники и прочие социальные сети – это в большей степени зло. Стоит чувствовать меру и нормировать свое пребывание в соцсетях и стараться не меньше общаться вживую.

Для уменьшения негативного влияния социальных сетей стоит учитывать некоторые рекомендации, в том числе ограничение времени пребывания в сети; поиск новых занятий (чтение книг, занятие спортом и т. д.); живые встречи и общение; помощь семье и др. Соблюдение этих несложных рекомендаций сделает вашу жизнь комфортной и менее зависимой от социальных сетей.

Подводя итоги, хочется сказать, что нельзя однозначно судить о влиянии социальных сетей на личность. Конечно же, во всем есть свои минусы и плюсы. Следует лишь помнить, что все нужно делать с чувством меры, в том числе и пользоваться Интернетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Курочкин А. В.* Роль социальных сетей в современном мире. Применение социальных сетей в прикладных исследованиях / А. В. Курочкин, А. С. Шерстобитов // Cyberleninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnyh-setey-v-stanovlenii-novogo-prostranstva-kommunikatsiy-so-vremennoy-rossii-1/viewer>.
2. *Трошина С. А.* Плюсы и минусы интернет-общения. Заменит ли оно реальные контакты? / С. А. Трошина – URL: <https://psychologist.tips/2417-plyusy-i-minusy-internet-obshheniya-zamenit-li-ono-realnye-kontakty.html>.
3. *Николаенко С.* 7 негативных воздействий соцсетей, о которых нужно знать / Николаенко С. – URL: <https://brodude.ru/7-negativnyh-vozdeystvij-soczsetej-o-kotoryh-nuzhno-znat/>.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕДИЦИНЕ БУДУЩЕГО

Евсеева И.А., Булкина Д.В.

Калужский государственный университет им. К.Э Циолковского
Научный руководитель: канд. техн. наук Ткаченко А.Л.

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты инноваций, которые привносят в медицину информационные технологии. Раскрываются преимущества медицинских методов с применением информационных технологий и их перспектив в будущем.

Ключевые слова и словосочетания: информационные технологии, медицина, искусственный интеллект, коннектом.

С появлением автоматизированных технологий в медицине люди получили возможность записаться на прием к врачу прямо из дома. Им не надо для этого идти в больницу, сидеть в больших очередях в регистратуру, чтобы получить свою карточку и пойти к нужному им специалисту. С развитием IT технологий в медицине появились новые способы обследования пациентов. Рассмотрим некоторые из них. Использование компьютеров упрощает работу врачей при проведении обследования пациента [1–5]. Так, например, терапевт проводит осмотр больного, назначает ряд исследований, которые необходимо пройти. Зачастую эти исследования проводятся с использованием компьютерных технологий. Если рассматривать работу других врачей, к примеру хирургов, то компьютер помогает обнаружить различного рода опухоли, гематомы и прочее. Так, например, в хирургии используют такие понятия, как эндоскопия и лапароскопия. Эндоскопия – способ осмотра полостей человеческого тела при помощи эндоскопа. При эндоскопии эндоскопы вводятся в полости через естественные пути, например, в желудок – через рот и пищевод, в бронхи – через гортань, в мочевой пузырь – через мочеиспускательный канал. Лапароскопия - современный метод хирургии, в котором операции на внутренних органах проводят через небольшие отверстия, в то время как при традиционной хирургии требуются большие разрезы. Лапароскопия обычно проводится на органах внутрибрюшной или тазовой полостей. Это позволяет хирургу продумать точный план операции, это особенно важно для нейрохирурга, где даже малейшая ошибка может

привести к необратимым последствиям в виде лишения его слуха, зрения, а иногда даже может привести к гибели пациента.

Информационные технологии могут помочь в оптимизации помощи в сохранении жизни пациента, но не всегда есть время на проведение компьютерных исследований. Информация и знания человека помогают принять правильное решение для устранения той или иной проблемы. Но бывают такие ситуации, которые требуют принятия немедленного решения. Таким образом, реаниматологу следует полагаться на свои знания и скорость своего мышления, а не на компьютер. Ведь несмотря на то что компьютер облегчает работу многим другим специалистам, он не может облегчить работу реаниматолога. На спасение жизни человека отводятся считанные минуты, а компьютер не успеет за это время выявить все проблемы и установить точную последовательность действий.

Развитие информационного общества создает принципиально новые возможности для системы здравоохранения [6–8]. Внедрение информационно-компьютерных технологий стремительно изменяет как способы диагностики и лечения, так и саму методику взаимодействия врачей с пациентами и друг с другом, организацию лечения. Задача оперативной оценки состояния пациента возникает в ряде весьма важных практических направлений в медицине и в первую очередь при не прерывном наблюдении за больным в палатах интенсивной терапии, операционных и послеоперационных отделениях.

Интересны также примеры применения искусственного интеллекта, здесь обязательно нужно рассказать об уже легендарном проекте EyeWire, в рамках которого усилиями сотен тысяч интернет-пользователей на примере сетчатки человека обучается искусственный интеллект, который в будущем сможет автоматически анализировать миллионы микроскопических срезов нервной ткани. Этот проект – дитя сотрудничества двух институтов – Массачусетского технологического института и Института медицинских исследований имени Макса Планка. Автор этого проекта представляется Себастьяном Сеунгом. У данного проекта есть большое преимущество. Оно состоит в том, что для участия в этом исследовании не нужно быть конкретно ученым и разбираться в этой сфере. Задача исследования выражена в том, что необходимо найти недостающий кусочек в картинке.

Создание синтетического коннектома представляется возможным хотя бы потому, что коннектомы самой разной сложности возникли

в живой природе в результате эволюции. Возможно, при наращивании вычислительных мощностей расшифровка человеческого коннектома поддастся нам точно так, как поддалась расшифровка генома. По аналогии с геномом, вслед за такой расшифровкой могут быть созданы инструменты редактирования коннектома, подобные CRISPR-Cas. Такая технология позволила бы не только восстанавливать мозг после инсульта и лечить тяжелые нейродегенеративные заболевания (например, боковой амиотрофический склероз, погубивший Стивена Хокинга), но и создавать совершенно новые коннектомы, не существующие в природе. Сложно представить, были бы это новые живые организмы, аддоны к человеческому мозгу или буквально воплощенный «think tank». Меня же в вышеизложенной картине наиболее озадачивает, что коннектомика в нынешнем виде не слишком напоминает построение глубоких нейронных сетей. Она должна опираться не на статистические закономерности и не на обучение на огромных датасетах, а, вероятно, на эволюционные алгоритмы и контролируемое наращивание синапсов. Первые коннектомы, вероятно, будут «черным ящиком» в еще большей степени, чем современные нейронки. Я полагаю, что именно такие разработки могут привести нас к синтезу искусственного сознания.

Подводя итоги, стоит отметить, что данные нововведения в медицине способствуют облегчению работы медицинского персонала, а также для удобства людей. Мне кажется, что со временем компьютерные технологии будут совершенствоваться и развиваться дальше. Технических прогресс дойдет до своего полного совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малюкова Д. С.* Информационные технологии в биомедицине и генетике / Д. С. Малюкова, А. Л. Ткаченко, А. В. Мазин // Modern Economy Success. – 2022. – № 1. – С. 53–57. – EDN MYAWRG.
2. *Мосалев В. И.* Применение методов бизнес-анализа в медицинской диагностике / В. И. Мосалев, А. Л. Ткаченко. – 2022. – № 1. – С. 60–62. – EDN AXGUVF.
3. *Ткаченко А. Л.* Анализ эффективности защиты персональных данных и проблема cookie файлов / А. Л. Ткаченко, Е. С. Сафронов, В. И. Кузнецова // Дневник науки. – 2021. – № 6(54). – EDN KIHNDT.
4. Имитационное моделирование демографических показателей роста и убыли населения / А. Л. Ткаченко, О. М. Лыкова, Е. И. Шаронов, В. И. Куз-

нецова // Modern Economy Success. – 2021. – № 3. – С. 110–116. – EDN ZHBZJX.

5. *Ткаченко А. Л.* Аспекты применения информационных приложений в биофизической медицине / А. Л. Ткаченко // Актуальные вопросы биологической физики и химии. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 123–126. – DOI 10.29039/rusjbpс.2022.0493. – EDN JWEDGE.

6. *Сергиенко Н. С.* Использование технологий имитационного моделирования для разработки модели по прогнозированию заболеваемости диабетом / Н. С. Сергиенко, А. Л. Ткаченко // Аудит и финансовый анализ. – 2021. – № 3. – С. 101–105. – EDN HLQVBR.

7. *Ткаченко А. Л.* Анализ и интеграция информационной системы предприятия с облачным сервисом / А. Л. Ткаченко, В. В. Копнева // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 3(52). – С. 42–45. – DOI 10.54072/18192173_2021_3_42. – EDN QMEKDG.

8. *Никулина Ю. С.* Виртуальные лаборатории как информационный продукт / Ю. С. Никулина, А. Л. Ткаченко, В. А. Федорова // Информационные технологии. Проблемы и решения. – 2022. – № 1(18). – С. 38–42. – EDN BFYMAO.

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ВЫЗОВЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Емдиханов Р.А.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

Аннотация. В данной статье исследуется воздействие развития цифровых технологий на нашу жизнь, экономику и общество. В ней рассматриваются преимущества и вызовы цифрового будущего, акцентируется важность разработки соответствующих политик, законов, образовательных программ и международного сотрудничества для максимального использования потенциала цифровых технологий.

Ключевые слова и словосочетания: цифровое будущее, человечество, технологии, автоматизация, безопасность данных.

Цифровизация современного общества становится все более явным и важным явлением, формирующим будущее человечества. Быстрое развитие информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) меняет способы взаимодействия людей, экономику, культуру, образо-

вание и другие сферы жизни. В этой статье рассмотрим вызовы, тенденции и перспективы цифрового будущего человечества.

Цифровое будущее человечества сталкивается с рядом вызовов, которые необходимо преодолеть, чтобы реализовать его потенциал положительно. Одним из ключевых вызовов является цифровое разделение между различными странами, регионами и населением. Неравномерное распределение доступа к интернету, компьютерам и другим ИКТ-ресурсам создает неравенство возможностей и ограничивает доступ к цифровым технологиям, знаниям и информации [1]. Это может усугублять различия в экономическом развитии, образовании, здравоохранении и других сферах, оставляя некоторые группы населения за бортом цифрового прогресса.

Еще одним вызовом является кибербезопасность. Рост количества цифровых угроз, таких как хакерские атаки, киберпреступления, кибершпионаж и дезинформация, представляет угрозу для безопасности и конфиденциальности данных как на личном, так и на корпоративном уровнях. Защита персональных данных, борьба с киберпреступностью и обеспечение кибербезопасности становятся важными аспектами цифрового будущего [2].

Несмотря на вызовы, цифровое будущее также характеризуется рядом тенденций, которые определяют развитие общества в цифровую эпоху. Одной из главных тенденций является развитие искусственного интеллекта (ИИ) [3]. Прорывы в области машинного обучения, глубокого обучения, нейронных сетей и других технологий ИИ открывают новые возможности для автоматизации процессов, оптимизации бизнес-процессов, улучшения медицинской диагностики, развития автономных транспортных средств и других областей. Однако развитие ИИ также вызывает вопросы относительно автономности решений, этики использования и возможных социальных последствий [4].

Еще одной тенденцией цифрового будущего является развитие киберфизических систем, таких как автономные транспортные средства, умные города и индустрия 4.0 [5]. Эти системы соединяют физический и цифровой мир, создавая новые возможности для оптимизации, эффективности и инноваций. Однако они также ставят перед обществом вызовы относительно безопасности, надежности, регулирования и социального влияния на экономику и трудовой рынок.

Еще одной важной тенденцией цифрового будущего является развитие криптовалют и блокчейн-технологий. Криптовалюты, такие как

биткойн, и технология блокчейн уже сегодня имеют значительное влияние на финансовую систему и бизнес-процессы, и их дальнейшее развитие обещает принести изменения во многих отраслях экономики и общества [6]. Однако рост криптовалют также вызывает вопросы относительно регулирования, безопасности, противодействия финансовым мошенничествам и защиты прав потребителей.

Цифровое будущее человечества представляет огромные возможности и вызовы. Развитие цифровых технологий, таких как искусственный интеллект [7], интернет вещей, криптовалюты и блокчейн, имеет потенциал изменить нашу жизнь, экономику и общество в целом. Однако с этим развитием возникают и вопросы безопасности, приватности, регулирования и социального включения.

Для того чтобы максимально использовать преимущества цифрового будущего, необходимо разрабатывать соответствующие политики и законы, обеспечивающие защиту данных, приватности и прав потребителей. Также важно более широко распространять доступ к цифровым технологиям, чтобы сократить цифровое неравенство.

Кроме того, цифровое будущее также требует развития новых навыков и подготовки кадров, чтобы справиться с вызовами автоматизации и изменениями на рынке труда. Необходимо разрабатывать образовательные программы, способствующие развитию цифровой грамотности, критического мышления и технических навыков, чтобы подготовить население к требованиям цифровой экономики.

Цифровое будущее также требует глобального сотрудничества и международного регулирования, поскольку цифровые технологии не знают границ и могут иметь мировое влияние. Необходимо разрабатывать международные стандарты и договоренности в области цифровой безопасности, защиты данных и регулирования криптовалют и блокчейн-технологий.

Цифровое будущее уже наступило, и его влияние на нашу жизнь будет продолжать расти. Оно предлагает множество возможностей для прогресса и инноваций, но также требует ответственного подхода к регулированию, защите данных, приватности и социальному включению. С правильными стратегиями и подходами, цифровое будущее может стать благоприятным для человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шакиров А. А.* Проблема разработки и реализации стратегии в российских компаниях при переходе к цифровой экономике / А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Инновационное развитие экономики. Будущее России: материалы и доклады VI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – 2019. – С. 395–398.
2. *Зарипова Р. С.* Технологический суверенитет современной России и перспективы его дальнейшего развития / Р. С. Зарипова, Р.Ф. Мустафин // Цифровая трансформация промышленности: новые горизонты: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 176–178.
3. *Овсеев Г. А.* SMART-решения и системы искусственного интеллекта / Г. А. Овсеев // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2021. – № 2 (24). – С. 71–74.
4. *Силкина О. Ю.* Тенденции в развитии искусственного интеллекта / О. Ю. Силкина, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 3 (21). – С. 63–65.
5. *Хайруллин А. М.* Промышленный интернет вещей как основа перехода к индустрии 4.0 / А. М. Хайруллин, Р. С. Зарипова // Достижения и приложения современной информатики, математики и физики: материалы VII Всероссийской научно-практической заочной конференции. – 2018. – С. 362–366.
6. *Шкиндеров М. С.* Сквозное прогнозирование помехоустойчивости систем контроля и управления при внешних электромагнитных воздействиях / М. С. Шкиндеров, М. Г. Нуриев, З. М. Гизатуллин // Вестник Казанского государственного энергетического университета. – 2016. – № 2 (30). – С. 26–37.
7. *Алемасов Е. П.* Перспективы применения технологий машинного обучения / Е. П. Алемасов, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 2 (20). – С. 32–34.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Емдиханов Р.А.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

Аннотация. В статье рассмотрено применение информационных систем для решения проблем современности и их значение в деятельности предприятий и организаций. Описаны информационные системы, используемые в разных сферах деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: информационные системы, цифровизация, программное обеспечение, эффективность, автоматизация, оптимизация.

Информационные системы (ИС) – это комплекс программно-технических средств, обеспечивающих прием, обработку, хранение, передачу и использование информации. Их сферой деятельности является обработка и хранение данных, обеспечение доступа к ним и действия, которые совершаются с участием обработанных информационных ресурсов. Такие системы активно применяются в бизнесе, образовании, государственном управлении, здравоохранении и других отраслях жизнедеятельности [1].

Типы информационных систем зависят от области применения и призваны удовлетворять определенные потребности. Для бизнеса создаются системы управления производством, контроля склада, учета финансовых операций, обработки заказов, анализа рынка, мониторинга работы сети магазинов и другие. В области здравоохранения – информационные системы медицинского учета, сбора и анализа статистических данных, системы дистанционной консультации, показателей здоровья населения и отчетности [2].

Перед применением информационных систем производится их разработка, включающая описание функциональных требований и проектирование архитектуры [3]. После проектирования необходима установка и настройка программного и аппаратного обеспечения, тестирование системы и введение ее в эксплуатацию. Также необходима подготовка пользователей и разработка обучающих программ, чтобы работа с системой стала удобной и эффективной.

Одним из основных преимуществ использования ИС является улучшение качества и эффективности работы организаций. ИС обладают многими функциональными возможностями, которые помогают автоматизировать процессы, снижать затраты на ресурсы и оборудование, а также упрощать управление. Кроме того, ИС позволяют автоматизировать создание отчетов, анализировать данные и улучшать принятие решений.

Среди популярных информационных систем можно выделить систему управления ресурсами предприятия (ERP), систему управления проектами (PM), систему электронного документооборота (ЭДО),

систему управления знаниями (KM), систему управления контентом (CMS) и систему управления ресурсами предприятия (CRM) [4].

ERP – это комплексный подход к управлению бизнес-процессами предприятия. Он позволяет автоматизировать все функциональные области, такие как финансы, управление персоналом, складской учет и т. д. С помощью ERP компании могут повысить эффективность деятельности и улучшить управление бизнес-процессами.

Системы управления проектами позволяют структурировать работы и задачи менеджера проекта. Они помогают установить сроки и бюджет на проект, создавать мониторинг и отчеты, управлять ресурсами и организовывать коммуникации между участниками проекта [5].

Система электронного документооборота позволяет автоматизировать обработку документов и ускорить процесс их передачи. Она ускоряет внутренние процессы и снижает затраты на выполнение бумажной работы.

Система управления ресурсами предприятия (CRM) – это программно-аппаратное обеспечение для управления отношениями между компанией и ее клиентами. Она позволяет экономить время на управлении отношениями с клиентами и улучшать качество обслуживания клиентов.

Без информационных систем организации были бы не в состоянии эффективно управлять производством, бизнес-процессами и людскими ресурсами. Информационные системы упрощают управление, ускоряют принятие решений и повышают производительность [7].

Стоит также отметить, что в настоящее время наблюдается быстрое развитие цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, Big Data, блокчейн, Интернет вещей и другие. Это зовет на создание новых, более эффективных информационных систем, которые могут работать вместе с существующими, а также обеспечивать более точные прогнозы и анализ данных.

Таким образом, информационные системы являются важным инструментом в современном мире, оптимизирующим бизнес-процессы и повышающим качество жизни людей. С каждым годом с повышением качества и доступности технологий информационные системы становятся все более эффективными и использование их становится еще более необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Яппаров Р. Р.* Внедрение информационных систем управления как инструмента организационной эффективности предприятий / Р. Р. Яппаров, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 4 (22). – С. 27–29.
2. *О'Брайен Дж. А.* Управление информационными системами / Дж. А. О'Брайен. – Москва : Изд-во «Форум», 2018.
3. *Фолоруншо Ф.* Основы информационных систем в бизнесе / Ф. Фолоруншо. – Москва : Изд-во «Форум», 2018.
4. *Зарипова Р. С.* Технологический суверенитет современной России и перспективы его дальнейшего развития / Р. С. Зарипова, Р. Ф. Мустафин // Цифровая трансформация промышленности: новые горизонты: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 176–178.
5. *Алемасов Е. П.* Влияние цифровизации на экономику предприятия / Е. П. Алемасов, Р. С. Зарипова // Наука Красноярья. – 2020. – Т. 9. – № 2-4. – С. 12–16.
6. *Шакиров А. А.* Стандартизация процессов разработки информационных систем и их адаптация к банковской промышленности / А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Наука Красноярья. – 2019. – Т. 8. – № 3-3. – С. 106–109.
7. *Шакиров А. А.* Проблемы и перспективы внедрения информационных и управляющих систем для энергетических объектов / А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Сборник статей XX Всероссийской студенческой научно-практической конференции Нижневартковского государственного университета. – 2018. – С. 147–149.

ОДЕЖДА И ОДЕВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ефимкина А.О.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: д-р биол. наук, доцент Разумникова О.М.

Аннотация. В тезисах представлено значение одежды, в котором она равна технологии создания идентичности. Сам процесс одевания также является технологией модификации тела, позволяющей адаптироваться к окружающей среде, социальной и физической. В работе также описаны возможные психологические проблемы, возникающие в ответ на социокультурные и морально-эстетические ожидания в отношении внешности женщин.

Ключевые слова и словосочетания: личностная идентичность, технологии, одежда, социальная среда, культурный идеал, образ тела, самообъективация.

Технологии создания одежды возникают и совершенствуются ежедневно. Это новые материалы, способы пошива, моделирование. Как это все относится к идентичности человека? И определяется ли эта взаимосвязь только выбором определенных моделей и материалов создателем и потребителем?

Наша идентичность формируется в процессе трех видов взаимодействия: 1) технологическим взаимодействием наших тел с самой одеждой посредством ношения (Я); 2) социальным взаимодействием наших одетых тел с миром и людьми (другие); 3) социальной структурой, состоящей из всех видов норм, ценностей и ожиданий (мир). Одевание является частью повседневной жизни каждого человека, а одежда – частью взаимодействия между людьми. Одевая тело, мы дополняем его широким спектром артефактов, включая одежду, украшения и другие аксессуары [5].

Одежда является продуктом технологий, или артефактом. Она соответствует всем трем условиям создания артефакта: 1) производится преднамеренно; 2) включает модификацию материалов; 3) производится с определенной целью [8].

Цель – приспособляться к окружающему миру и справляться с ним. Благодаря одежде мы можем стать тем, кем не являемся по своей природе, или сделать то, что не можем сделать голыми руками. Таким образом, сам процесс одевания – уже технология: мы намеренно модифицируем собственное тело для адаптации к условиям своего существования или деятельности.

Хотя одежда создается посредством технологий, она обретает смысл лишь когда ее носят [5]. Одежда и другие модификации делают тела узнаваемыми для других людей и значимыми для культуры. Одежда – средство сделать тело уместным, достойным, приемлемым в том или ином контексте [7]. Это определено социальными ожиданиями к поведению и внешнему виду, которые вытекают из социальной системы, в которой мы находимся [4]. Манера одеваться не только влияет на восприятие нас другими людьми, но играет важную роль в построении собственного образа. С помощью одежды мы создаем себя буквально – оборачивая тело тканью, и фигурально – «создавая» конкретный образ своего Я.

Еще одна функция одежды как технологии – передавать разные значения в зависимости от контекста: например, возраст, телосложение, пол; сочетаемость компонентов, а также уместность [5].

Предметы одежды возникают в результате взаимодействия людей и материалов. И личность человека также формируется во взаимодействии, во время последующего ее ношения. Это становление личной идентичности, изготовление себя. Через взаимодействие между идентичностью и одеждой существует неразрывная связь. Другими словами, в процессе одевания происходит взаимное конституирование смысла: владелец придает одежде смысл через то, как ее носит и кем является как личность. Но в то же время одежда может выражать личность и владельца, и создателя. Эти процессы протекают в социуме, также сильно влияющем на значение одежды и выбор гардероба.

Мы оцениваем свое тело через социокультурную призму, поэтому идеалы привлекательности влияют на развитие образа тела. Кроме того, другие реагируют на нас на основе нашей внешности как функции образов, идеализированных в культуре.

Мораль и эстетика общества, передаваемые медиа-источниками, влияют на формирование и оценку образа тела. Допустимое и недопустимое для ношения регламентируется этикетом, налагающим санкции за отступление от правил. Часто санкции связаны с убеждениями о скромности, но в разных обществах и субкультурах они широко варьируются. Отношения между морально-эстетическими системами убеждений и системами технологий создания одежды взаимосвязаны, изменения в одной влияют на другую [9]. Процесс создания одежды постоянно развивается с внедрением новых технологий. Но как только продукция этих технологий попадает в широкий доступ, моральные и эстетические убеждения общества ограничивают их использование.

Если в прошлом телесные образы диктовались семьей, церковью, улицей и школой и были однообразными и постоянными, то современные медиа демонстрируют огромное разнообразие противоречивых вариантов телесной идентичности и стимулируют создавать индивидуальный образ, повышающий символический капитал [1].

В результате и сам человек в соответствии с социальными ожиданиями и диктатом начинает эксплуатировать собственный телесный образ в ущерб идентичности. Это может вызвать психологические проблемы. Эстетика, мораль, мода, культура оказывают сильное влияние на человека, требуя подчинения правилам и одновременно посто-

янно видоизменяя их. Стандарты сменяют друг друга, не поспевая за стремительно развивающимися технологиями, и человек попадает в ловушку между стандартами и модой. Как протестная реакция против навязываемых идеалов возникает модный нон-конформизм и возврат потребителя к ощущению собственного «Я». Аппарат моды устанавливает крайние границы полной свободы и абсолютного контроля, и субъект делает выбор на этом отрезке. Бесконечная гонка за самостью в плену у моды ведет к отчуждению от тела [6].

Женщины в первую очередь подвержены давлению социальных стереотипов, что ведет к неудовлетворенности собственным телом. Примером является разграничение тела и разума, где телу соответствует женщина, а разуму – мужчина. Воспринимая себя лишь как тело, женщины склонны подчиняться канонам культуры в отношении того, как тело должно выглядеть, постоянно следить за своим и телами других [2]. Часто это приводит к самообъективации, восприятию себя через призму «полезности» своего тела другим.

Отчуждение от собственного тела, использование технологии одевания не во благо собственному физическому и психологическому состоянию, а ради соответствия чужим ожиданиям являются причиной невротизации женщин, источником психологической дезадаптации.

Изучение технологии создания образа тела через одежду в социальном контексте, технологии одевания и факторов влияния на этот процесс важно для психологии. Воздействуя на выбор одежды, на процесс одевания и создания собственного стиля, соответствующего личности, а не чужим ожиданиям, можно помочь человеку лучше узнать себя и свои потребности, гармонизировать внутреннее состояние, достичь более позитивного представления о теле [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзялошинский И. М. Телесная идентичность в системе самосознания индивида / И. М. Дзялошинский // *Corpus Mundi*. Общетеоретические вопросы. – 2020. – № 1. – С. 23.
2. Каминская Н. А. Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах / Н. А. Каминская, А. М. Айламазян // *Национальный психологический журнал*. – 2015. – № 3(19). – С. 45-55.
3. Сорины Сестры. Язык одежды, или как понять человека по его одежде. – Луганск : Глобус, 1999.

4. *Bicchieri C.* Behaving as Expected: Public Information and Fairness Norms / C. Bicchieri, A. Chavez // *Journal of Behavioral Decision Making*. – 2010. – № 23 (2). – Pp. 161–178.

5. *Boomsma Y.* The Fabricated Self – The Role of Clothing in Identity Development. MASTER THESIS. Faculty of Behavioural / Y. Boomsma // *Management and Social Sciences (BMS) MSc Philosophy of Science, Technology and Society (PSTS)* Dr. M. H. Nagenborg EXAMINATION COMMITTEE Dr. K. N. J. Macnish Prof. dr. C. Aydin. – 2020. – 2 November. Word count: 22.603

6. *Emberley J.* The fashion apparatus and the deconstruction of postmodern subjectivity / J. Emberley // *Canadian Journal of Political and Social Theory/Revue canadienne de theorie politique et sociale*. Vol. XI. – 1987. – № 1-2.

7. *Entwistle J.* Fashion and the Fleishy Body: Dress as Embodied Practice / J. Entwistle // *Fashion Theory*. – 2000. – № 4 (3). – Pp. 323-347.

8. *Preston B.* Artifact. The Stanford Encyclopedia of Philosophy / B. Preston (Fall 2020 Edition), Zalta, E.N. (ed.). – 2020.

9. *Roach-Higgins M. E.* Dress and Identity / M. E. Roach-Higgins, J. B. Eiche // *Clothing and Textiles Research Journal*. – 1992. – № 10 (1).

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Замалиева А.М.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

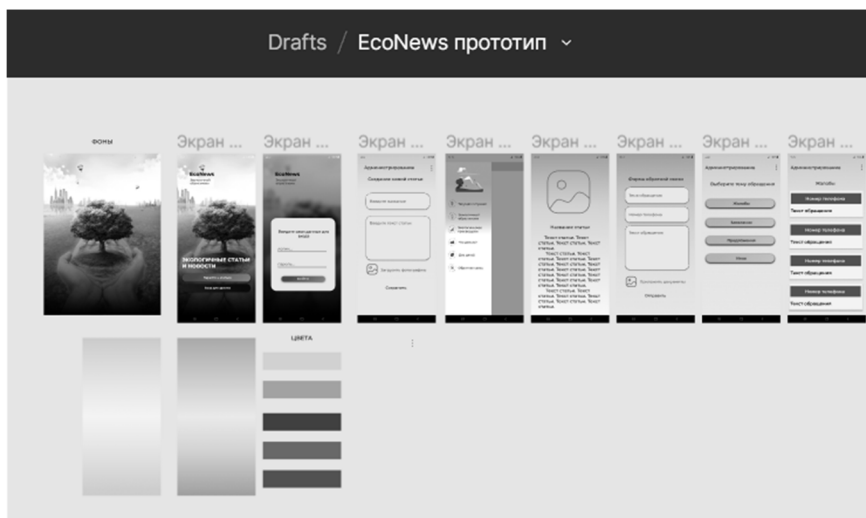
Аннотация. В статье описан процесс разработки интерфейса экоприложения EcoNews. Данное приложение играет важную роль в информировании населения о мероприятиях экологической направленности.

Ключевые слова и словосочетания: программное обеспечение, мобильное приложение, экология, природоохранные мероприятия, информирование населения.

Для Министерства экологии и природных ресурсов в целях информирования населения об экологической ситуации было решено создать мобильное приложение с графическим интерфейсом (GUI), который основан на использовании графических элементов, таких как кнопки, иконки, меню и окна, для обеспечения взаимодействия пользователя с приложением [1]. Мобильное приложение позволяет достичь широ-

кой аудитории, включая молодежь и людей, которые часто пользуются мобильными устройствами [2]. Кроме того, мобильное приложение может предоставлять доступ к информации в режиме реального времени [3], что может быть особенно полезно для уведомления населения об экологических мероприятиях [4]. Также мобильное приложение может быть удобным способом для получения обратной связи от пользователей и для сбора данных о состоянии окружающей среды в регионе [5].

Как правило, графический интерфейс приложения разрабатывается в специализированных инструментах, таких как Figma, Adobe Photoshop или Sketch. Там возможно создание прототипов и макетов интерфейса, которые можно быстро тестировать и улучшить до того как начать разработку ПО в интегрированной среде разработки [6]. Figma является одним из наиболее популярных инструментов для разработки дизайна интерфейса, так как он имеет широкий набор функций для создания сложных элементов интерфейса.

Прототип приложения Econews

Поэтому для создания прототипа и макетов интерфейса мобильного приложения был выбран графический редактор Figma. Дизайн приложения был создан в редакторе Figma (см. рисунок). В кабинете поль-

зователя можно просматривать статьи об экологии и различных мероприятиях. Для этого необходимо нажать на кнопку «Перейти к статьям» на главном экране. Для того чтобы открыть статью для чтения, нужно нажать на интересующее вас название статьи. С помощью приложения EcoNews можно составить обращение в Министерство экологии и природных ресурсов. Для этого в меню нужно нажать на кнопку «Обратная связь», заполнить все поля и отправить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алемасов Е. П.* Основные аспекты развития сферы разработки мобильных приложений / Е. П. Алемасов, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 1 (19). – С. 110–112.

2. *Алемасов Е. П.* Тенденции развития сферы мобильных приложений в современном обществе / Е. П. Алемасов, Р. С. Зарипова // Социальная онтология России. Сборник научных статей по докладом XIV Всероссийских Копыловских чтений. – Новосибирск, 2020. – С. 399–402.

3. *Рочева О. А.* Анализ условий жизни населения России / О. А. Рочева, Я. О. Рочева // Энергетика, инфокоммуникационные технологии и высшее образование: материалы Международной конференции. – Казань, 2023. – Т. 3. – С. 328–331.

4. *Силкина О. Ю.* «Зеленая экономика» как современный способ развития / О. Ю. Силкина, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2022. – №3 (29). – С. 43–45.

5. *Зарипова Р. С.* Вопросы обеспечения экологической безопасности и оповещения населения о природоохранных мероприятиях / Р. С. Зарипова, О. А. Рочева, И. Г. Морозова // Наука Красноярья. – 2023. – Т. 12. – № 2-2. – С. 59–64.

ЗАМЕНИТ ЛИ ВИРТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ РЕАЛЬНУЮ?

Замятин Н.В.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Сандакова Л.Б.

Аннотация. Рассматриваются вопросы трансформации коммуникации и информационного пространства в интернете в контексте проблемы вытес-

нения реальной жизни виртуальной. Делается вывод об интернете как глубокой модели настоящего, воспроизводящей амбивалентный характер любого типа реальности.

Ключевые слова и словосочетания: интернет, коммуникация, информационное пространство, клиповое мышление, интернет-зависимость, деанонимизация, глубокая модель.

Постоянно разрастающееся влияние интернета на нашу жизнь (по данным ВЦИОМ интернетом в России на данный момент пользуется 85 % [7]) ставит перед человечеством множество вопросов. Один из них: «Может ли виртуальная жизнь заменить реальную?». Ведь действительно, чем больше человечество развивает информационные технологии, тем больше возможностей они нам предоставляют. И эти возможности зачастую способны замещать в нашей жизни некоторые сферы нашего существования. А вот должно ли такое происходить? Нормально ли то, что человек сегодня имеет возможность виртуальной реализации практически всех жизненных задач – от работы и учебы до развлечения и общения? Можно ли утверждать, что виртуальная жизнь вытесняет реальную?

В данной работе поставлена цель: проанализировать в контексте поставленной проблемы две сферы нашей жизни, изменившиеся с приходом интернета – коммуникацию и существенную трансформацию информационного пространства. В эти две сферы включен каждый человек, поэтому вопрос приобретает высокую степень актуальности.

Под коммуникацией понимается, как правило, процесс передачи информации посредством различных знаковых систем. Коммуникация в интернете представляет собой особый ее вид, в котором исследователи выделяют следующие характеристики: специфическая этика, иллюзия анонимности при существовании такого явления как деанонимизация, трансграничность, ускорение общения, ограниченный сенсорный опыт [3]. Очевидна амбивалентность этих характеристик. Коммуникативное взаимодействие с любым человеком в различных точках мира упростилось и ускорилось в разы. Звучит как безусловное благо как для личного общения отдельных людей, так и для социальных взаимодействий, например, в телемедицине, консультативной и образовательной практике, в управлении и т. п. Для интровертов общение посредством интернета – настоящее спасение: в текстовых чатах их

личные границы не нарушаются, как им кажется (они не показывают себя, не обязаны отвечать мгновенно), они вступают в коммуникацию, когда хотят, что может служить тренировкой социальных навыков и для реальной жизни.

Однако необходимо понимать и проблемы. Во-первых, современные технологии не настолько развиты, чтобы заменить реальное общение: не передаются эмоции в полной мере, в текстовых чатах очень проблематично достоверно передать свои чувства. Возникающая иллюзия реального общения может вводить людей в заблуждение: коммуникация разрушается, а ложное чувство ее наличия остается. Здесь возможны не только разочарования, но и мошенничество, манипуляции. Все это есть и в реальной жизни, просто виртуальная создает для этого новые условия и возможности. Второй важной проблемой является деанонимизация – нарушение анонимности пользователя интернетом и публикация персональных данных. Технология интернета ведет к разрушению приватности.

Изменение информационного пространства в связи с появлением интернета также носит двойственный характер: упрощается доступ к различного рода данным, быстро и неуправляемо происходит увеличение информационных потоков, изменяется характер мышления. Легкий доступ к любой информации приводит к тому, что нам становится лень ее запоминать, нагружать свой мозг анализом и структурированием. Исследование, проведенное под руководством психолога Колумбийского университета города Нью-Йорк Бетси Сперроу в 2011 году, показало, люди, зная о том, что информацию можно найти в интернете, хуже ее запоминают [8].

В условиях неструктурированного и чрезвычайно быстрого увеличения информационных потоков исследователи отмечают и изменение характера мышления. Философ Ф. Гиренко для его обозначения вводит термин «клиповое сознание/мышление» [2]. Это такое мышление, при котором человек воспринимает информацию через яркие образы и короткими фрагментами, поэтому он способен быстро переключать внимание в информационном поле, и обработка информации поверхностная.

Примерами клипового мышления может быть постоянное переключение внимания на телевизор, сообщение в мессенджере или пробегающего мимо кота во время выполнения какой-то работы. Для многих уже сейчас бывает проблематично фокусироваться на одном действии и они, например, включают музыку «на фон» [6]. Клиповое

мышление актуально для современной ситуации, так как позволяет быстро ориентироваться в необычайно разнообразном информационном пространстве. Но здесь есть и негативные последствия: когда нет необходимости запоминать информацию (ее всегда можно «погуглить»), ухудшается память, поверхностная обработка информации ведет к утрате навыков критического мышления. Отсюда вытекает другая ловушка интернета – фейки (неправильная, лживая информация). Недостоверной и лживой информации сейчас очень много и ее распространению также способствует интернет.

Учитывая неструктурированный прирост информации и легкий доступ к ней, а также изменение характера мышления, многие исследователи проблематизируют познавательную деятельность, связанную со способностью самостоятельно мыслить. С развитием интернета роботы становятся все больше похожи на людей в эффективности решения задач, а люди – на роботов в неспособности самостоятельно мыслить. Эта способность приобретается во время обучения, которое может оказаться ненужным с развитием информационных технологий. Если человек не учится, не нагружает свой ум и не осваивает новые навыки, процессы мышления и сам мозг деградируют. С другой стороны, многозадачная и разнообразная среда современного информационного поля формирует потребность освоения новых форм деятельности и знаний, чему интернет как раз может способствовать.

Так стоит ли нам опасаться, что интернет заменит реальную жизнь?

На мой взгляд, интернет – это глубокая модель настоящего, которая, впрочем, как и любое другое порождение человека, не способна идеально скопировать реальность, однако является вполне осмысленным ее отражением. Благодаря тому, что вклад в развитие интернета вносится каждым отдельным его пользователем, я считаю интернет наиболее полным из когда-либо созданных человечеством подобий реального мира. И эта полнота порой затягивает людей, вызывая у них зависимость. В той или иной мере недостаток эмоций в жизни испытывает каждый, поэтому нет ничего плохого в том, чтобы восполнять эти эмоции в виртуальном мире. Однако, если человек уходит в этот мир и проживает всю свою жизнь там – это негативно сказывается на его жизни реальной. Ухудшение здоровья, прогрессия клипового мышления, снижение коммуникативных навыков. К тому же интернет не способен заменить ощущения от реальности. Поэтому стоит различать нормальное использование интернета и зависимость от него [1].

Если опираться на статистику, то количество интернет-зависимых людей даже меньше количества людей, испытывающих проблемы с алкоголем [4, 5]. Поэтому я считаю, что интернет-зависимость не столь пагубна для человека, как зависимость от психоактивных веществ. Что, разумеется, не отменяет необходимости в лечении таких людей. Корни проблемы кроются, как и в случае с алкоголизмом, не в том, куда человек «прячется от жизни», а в человеческой психике, в неспособности/нежелании преодолевать психологические проблемы.

Таким образом, интернет – это важнейший инструмент новой информационной эпохи, имеющий амбивалентный характер. Он дает большие возможности, но его использование – ответственное дело, подразумевающее наличие навыков критического мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова Д. В. Интернет и его влияние / Д. В. Герасимова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11-4. – С. 649–651.

2. Гиренок Ф. Клиповое мышление / Ф. Гиренок // Fedor-Girenok.ru Официальный сайт. – URL: <https://fedor-girenok.ru/klipovoe-myshlenie/> (дата обращения 27.04.2023).

3. Морозова О. Н. Особенности Интернет-коммуникации: определение и свойства / О. Н. Морозова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-kommunikatsii-opredelenie-i-svoystva> (дата обращения: 25.04.2023).

4. Рыбалтович Д. Г. Интернет-зависимость: реальная патология или норма развития информационного человечества? / Д. Г. Рыбалтович, В. В. Зайцев // Вестн. психотерапии. – 2011. – № 40. – С. 23–34.

5. В Минздраве назвали процент «тихих алкоголиков» в России // РИА новости от 10.02.2020. – URL: <https://ria.ru/20200210/1564500202.html> (дата обращения 30.04.2023).

6. Персональная фильтрация информации в Интернете как борьба с пропагандой и манипуляцией общественным сознанием // ХАБР: Geotalk, 14 июня 2016. – URL: <https://habr.com/ru/articles/303234/> (дата обращения 27.04.2023).

7. Пользование интернетом // ВЦИОМ новости. – URL: http://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения 27.04.2023).

8. Sparrow B. et al. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips. – URL: <https://www.science.org/doi/abs/10.1126/science.1207745> (дата обращения 27.04.2023).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН БЕЗРАБОТИЦЫ: КАК ИИ ПОВЛИЯЕТ НА РЫНОК ТРУДА

Зиятдинова А.Р.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

Научный руководитель: канд. экон. наук Абулханова Г.А.

Аннотация. В данной статье рассматриваются потенциальные общественные последствия применения ИИ на рынке труда, включая неравенство доходов, массовую безработицу и воздействие на экономику. Кроме того, в статье подчеркивается важность рассмотрения этических аспектов, связанных с конфиденциальностью, дискриминацией и предвзятостью, для обеспечения этичного и ответственного использования ИИ.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, рынок труда, безработица, дискриминация.

С какими социальными последствиями столкнется человечество из-за ИИ? Искусственный интеллект (ИИ) способен совершить революцию на рынке труда, что приведет к значительным социальным последствиям. Поскольку технологии ИИ продолжают развиваться и становятся все более распространенными, высказываются опасения, что ИИ может усугубить неравенство доходов, создать массовую безработицу и оказать глубокое влияние на экономику в целом.

Одним из наиболее значимых последствий ИИ для общества является возможность того, что он будет способствовать неравенству доходов. По мере распространения технологий ИИ они, скорее всего, заменят многие низкоквалифицированные рабочие места, что может привести к увеличению разрыва в доходах между высококвалифицированными и низкоквалифицированными работниками. Это может оказать значительное влияние на социальную мобильность и усугубить существующее социально-экономическое неравенство.

Другой серьезной проблемой является возможность возникновения массовой безработицы в результате применения ИИ. По мере того как машины будут становиться все более совершенными, они, вероятно, смогут выполнять задачи, которые раньше были прерогативой исключительно человека, что приведет к массовому перемещению рабочих мест. Это может иметь значительные социальные и экономические

последствия, включая рост бедности, социальные волнения и снижение потребительских расходов.

Чтобы решить эти проблемы, политики, предприятия и отдельные люди должны активно разрабатывать решения, которые смягчат негативное влияние ИИ на занятость. Одно из возможных решений – сосредоточиться на переподготовке и обучении. Это может включать в себя предоставление работникам новых навыков и знаний, которые востребованы на рынке труда. Помогая работникам адаптироваться к меняющимся требованиям рынка труда, мы можем снизить риск массовой безработицы и обеспечить людям возможность поддерживать свой уровень жизни.

Кроме того, политики и бизнес должны совместно работать над созданием новых рабочих мест в секторах, которые в меньшей степени подвержены влиянию ИИ, таких как здравоохранение, образование и искусство. Это может включать в себя инвестирование в эти отрасли и разработку политики, стимулирующей рост этих отраслей.

Следует отметить, что влияние ИИ на занятость в обществе очень велико, и для решения этих проблем директивные органы, бизнес и отдельные граждане должны работать вместе. Инвестируя в образование и профессиональную подготовку, а также развивая новые возможности трудоустройства в менее подверженных влиянию секторах, мы можем обеспечить справедливое распределение преимуществ ИИ в обществе и смягчить негативное воздействие на тех, кто наиболее уязвим к изменениям, вызванным этой технологией.

Поскольку использование искусственного интеллекта (ИИ) продолжает расти на рынке труда, важно учитывать этические последствия его применения. В этом отношении этические соображения, связанные с неприкосновенностью частной жизни, дискриминацией и предвзятостью, имеют решающее значение.

Одной из этических проблем, связанных с использованием ИИ на рынке труда, является неприкосновенность частной жизни. Для работы систем ИИ используются огромные объемы данных, которые часто содержат личную и конфиденциальную информацию о человеке. Сбор, использование и хранение этих данных вызывают беспокойство по поводу конфиденциальности и потенциального неправомерного использования личной информации. Очень важно обеспечить соответствующие гарантии для защиты прав частных лиц на неприкосновен-

ность частной жизни и предотвращения неправомерного использования их данных.

Еще один этический вопрос – возможность дискриминации. Системы ИИ могут быть разработаны таким образом, чтобы принимать решения на основе различных факторов, включая расу, пол и возраст. Если эти системы не будут разработаны с учетом соответствующих факторов, они могут непреднамеренно закрепить существующие предрассудки и привести к дискриминационным результатам. Например, система ИИ, используемая при приеме на работу, может непреднамеренно дискриминировать определенных кандидатов на основании таких характеристик, как имя, адрес или уровень образования. Очень важно обеспечить, чтобы системы ИИ разрабатывались с учетом принципов справедливости и равенства, а также выявлять и устранять любые потенциальные предрассудки.

Предвзятость – еще одна этическая проблема, связанная с использованием ИИ на рынке труда. Системы ИИ учатся на данных, на которых они обучаются, и если эти данные необъективны, то и результаты работы системы будут необъективными. Предвзятость может проявляться по-разному, например, в виде стереотипов или исключения, и она может иметь значительные последствия для отдельных людей и общества в целом. Важно обеспечить, чтобы данные, используемые для обучения систем ИИ, были разнообразными, репрезентативными и свободными от предвзятости.

Для решения этих этических проблем директивные органы, предприятия и отдельные лица должны совместно разрабатывать и внедрять соответствующие рекомендации и нормативные акты. Например, такие законы, как Общее положение о защите данных (GDPR) в Европейском союзе и Калифорнийский закон о защите частной жизни потребителей (CCPA) в США, обеспечивают основу для защиты прав человека на частную жизнь. Кроме того, предприятия должны принимать меры для обеспечения того, чтобы системы ИИ разрабатывались и обучались с учетом принципов справедливости и равенства, а люди должны быть информированы о потенциальных этических последствиях ИИ и выступать за ответственное и этическое использование.

В целом, последствия применения ИИ на рынке труда для общества включают в себя возможность неравенства доходов, массовую безработицу и воздействие на экономику в целом. Этические сообра-

жения, связанные с неприкосновенностью частной жизни, дискриминацией и предвзятостью, имеют решающее значение для обеспечения этичного и ответственного использования ИИ. Чтобы смягчить эти последствия, необходимо разработать соответствующие руководящие принципы и правила использования ИИ на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абулханова Г. А. Информатизация как эффективная технология защиты населения при формировании имиджа муниципальных органов власти // Г. А. Абулханова, Ч. Я. Шафранская // Новые институты для новой экономики. Сборник материалов XII Международной научной конференции по институциональной экономике. – 2018. – С. 28–34.

2. Дигилина О. Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации / О. Б. Дигилина, И. Б. Тесленко // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – № 4-2. – С. 166–180.

3. Кузнецова М. П. Угроза безработицы из-за развития искусственного интеллекта / М. П. Кузнецова // Математика и математическое моделирование: Сборник материалов XV Всероссийской молодежной научно-инновационной школы, Саров, 13–15 апреля 2021 года. – Саров: ООО «Интерконтакт», 2021. – С. 193–195.

4. Рябова А. А. Причина безработицы – роботы / А. А. Рябова, А. А. Жилова // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. – 2017. – № 4. – С. 75–76.

ОЦЕНКА ХАРАКТЕРИСТИК И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ГРАФИЧЕСКИХ РЕДАКТОРОВ

Канашкина А.В.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Научный руководитель: канд. техн. наук Ткаченко А.Л.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы выбора графического редактора оптимальной функциональности, анализируются достоинства и недостатки технологий построения изображения. Делаются выводы о результирующем наборе характеристик искомого графического редактора.

Ключевые слова и словосочетания: графика, графический редактор, векторная графика, растровая графика, слои, интерфейс.

Графические редакторы занимают среди программного обеспечения особое место. Это как раз тот случай, когда требования к программному обеспечению дизайнеров-профессионалов и основной массы пользователей не совпадают. При наборе текстов и профессиональный писатель, и семиклассник, пишущий сочинение, выполняют одни и те же операции и предъявляют к программе сходные требования [1–4]. Другое дело – графика. Здесь большинству рядовых пользователей требуется совсем иное, нежели профессионалам. Ведь они используют для своей работы, как правило, уже готовые изображения. На первое место выступает возможность быстрого просмотра имеющихся картинок, удобного преобразования из одного формата в другой, простейших, интуитивно понятных манипуляций: масштабирование, яркость, контрастность, резкость, инвертирование, повороты и т. п. Благодаря компьютерной графике можно оформить Интернет-страницу, создать рекламу или просто редактировать собственные домашние фото. Поэтому тема данной учебно-исследовательской работы очень актуальна в наше время. Ведь именно сейчас различного рода информация доносится до людей в основном через книги, газеты, журналы и другие печатные издания, и от того, как эта информация оформлена, зависит массовый интерес к ней.

Целью данной работы является рассмотрение видов конкретных графических программ и области их применения. И выяснить, какие из программ на данный момент самые лучшие для пользователей и для чего они предназначены. Данная работа имеет большую значимость, так как программы для обработки и просмотра изображения применяются во многих отраслях.

Для обработки изображений на компьютере используются специальные программы – графические редакторы. Графический редактор – программа создания, редактирования и просмотра графических изображений. Графические редакторы подразделяются на две категории: растровые и векторные. Они отличаются по способу представления графической информации.

Adobe Photoshop

Мощный профессиональный графический редактор для обработки растровой графики, лидер среди коммерческих программ для работы с изображениями (имеется триал) [5–7]. Подойдет Adobe Photoshop

(см. рисунок) как профессионалам, так и начинающим дизайнерам. Софт предлагает широкие возможности не только для обработки, но и для создания изображений, предоставляя в распоряжение огромный инструментарий и многочисленные настройки.

Интерфейс Adobe Photoshop

Функционал Photoshop включает:

- применение фильтров, эффектов;
- работа с текстовыми элементами;
- создание коллажей;
- ретушь фотографий, улучшение качества и цветопередачи;
- восстановление старых фотоснимков;
- совместное редактирование облачных документов прямо из программы, предоставление доступа для проверки (новые опции).

Достоинства и недостатки программы приведены в табл. 1.

CORELDRAW

Векторный графический редактор, в арсенале которого вы найдете практически все, что может понадобиться графическому дизайнеру. Софт применим для создания и коррекции векторных картинок, а также редактирования фотографий. Благодаря многочисленным инструментам и функциям программу нередко применяют в издательской, полиграфической и дизайнерской деятельности.

Таблица 1

Платформы: Windows, macOS

Преимущества	Недостатки
• богатый набор опций; • поддержка большинства форматов; • библиотека эффектов и фильтров, доступно создание собственных; • в сети можно найти много обучающих видео; • совместное редактирование документов, общий доступ для проверки	• высокая стоимость лицензии; • требовательность к ресурсам

Функционал CorelDraw:

- инструменты векторной иллюстрации;
- неограниченное число слоев, которые могут быть трансформированы или скрыты;
- редактирование фотографий [8];
- трассировка растровых изображений в вектор [9];
- создание анимаций, шаблонов для ПО и сайтов;
- многостраничные документы [10];
- встроенные фоны, кисти, заготовки и пр.;
- библиотека шрифтов, применение эффектов к тексту;
- совместное проектирование.

Достоинства и недостатки программы приведены в табл. 2.

Таблица 2

Платформы: Windows, macOS, Unix, Linux

Преимущества	Недостатки
• большая библиотека шрифтов, поддержка кириллицы; • синхронизация с облаком, совместная работа; • возможность запуска на разных девайсах; • взаимодействие с файлами, сделанными в Adobe Photoshop; • использование дополнительных плагинов; • мультиплатформенность	• высокая стоимость подписки; • сложность в освоении новичками; • нет средств для создания инфографики

Выбирая подходящую программу, следует руководствоваться собственными требованиями к софту. В зависимости от задач и уровня навыков может потребоваться профессиональное ПО или достаточно использования простого приложения с необходимым функционалом и удобным интерфейсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Altimentova D. Y.* Adaptive models of computer training / D. Y. Altimentova, N. I. Gdansky // Contemporary Problems of Social Work. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 7380.
2. Modification of metal-oxide-semiconductor devices by electron injection in high fields / G. G. Bondarenko, V. V. Andreev, A. A. Stolyarov, A. L. Tkachenko // Vacuum. – 2002. – Vol. 67. – № 3-4. – P. 617–621. – DOI 10.1016/S0042-207X(02)00262-2. – EDN LHKFMJ.
3. *Иванец М. Э.* Анализ угроз информационной безопасности для коммерческой организации / М. Э. Иванец, А. Л. Ткаченко // Цифровая трансформация промышленности: тенденции и перспективы: Сборник научных трудов по материалам 2 Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 11 ноября 2021 года. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – С. 364–370. – EDN RWMZDO.
4. Адаптивные алгоритмы тестирования знаний информационнотестирующих приложений на основе стандартных lms-систем / Н. И. Гданский, М. Л. Рысин, Д. Ю. Альтиментова, Д. Н. Леванов // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2013. – Т. 2. – № 5 (120). – С. 77–81.
5. *Ткаченко А. Л.* Анализ и интеграция информационной системы предприятия с облачным сервисом / А. Л. Ткаченко, В. В. Копнева // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 3(52). – С. 42–45. – DOI 10.54072/18192173_2021_3_42. – EDN QMEKDG.
6. *Гришенцев А. Ю.* Декомпозиция n-мерных цифровых сигналов по базису прямоугольных всплесков / А. Ю. Гришенцев, А. Г. Коробейников // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2012. – № 4 (80). – С. 75–79.
7. *Ткаченко А. Л.* Проблемы автоматизации системы управления проектами предприятия / А. Л. Ткаченко, С. О. Борисов // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Калуга, 14 апреля 2021 года. – Калуга : Изд-во Калужского гос. ун-та им. К.Э. Циолковского, 2021. – С. 120–125. – EDN JKXQGG.
8. *Коробейников А. Г.* Математические основы криптологии / А. Г. Коробейников, Ю. А. Гатчин. – Санкт-Петербург, 2004. – 106 с.

9. Русу Я. Ю. Использование программного продукта blender при создании прототипов трехмерных объектов / Я. Ю. Русу, А. Л. Ткаченко, Е. В. Широкова // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4, № 6. – С. 139–143. – EDN XHNNQD.

10. Коробейников А. Г. Алгоритм обфускации / А. Г. Коробейников, И. М. Кутузов // Кибернетика и программирование. – 2013. – № 3. – С. 1–8.

ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Карпов М.С.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
Научный руководитель: канд. экон. наук Абулханова Г.А.

Аннотация. В статье исследуются отношения между человеком и цифровой реальностью, выделяются их особенности, определяются проблемы, возникающие в связи с ними и предлагаются направления решения этих проблем. В статье утверждается, что, хотя цифровые технологии предлагают множество преимуществ, включая повышение когнитивных способностей, они также создают значительные риски, такие как зависимость и нарушение конфиденциальности. Для решения этих проблем необходим проактивный подход, способствующий ответственному использованию цифровых технологий и защищающий права личности на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова и словосочетания: цифровая реальность, технология, погружение, зависимость, нарушение конфиденциальности, ответственное использование цифровых технологий, защита данных.

Быстрое развитие технологий в последние годы привело к значительному изменению того, как мы взаимодействуем с цифровой реальностью. По мере развития технологий грань между цифровым и физическим миром становится все более размытой. Отношения между человеком и цифровой реальностью сложны и многогранны.

Эти отношения начали зарождаться в конце 20 века, с развитием компьютерных технологий и возможности создания виртуальных миров. Самыми ранними формами цифровой реальности были компьютерные игры и симуляторы, которые позволяли пользователям погрузиться в виртуальное окружение и управлять персонажами. Сегодня цифровая реальность становится все более популярной и разнообразной.

Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) позволяют пользователям взаимодействовать с виртуальными объектами в реальном времени, а также использовать компьютерные модели для решения различных задач.

Отношения между человеком и цифровой реальностью характеризуются рядом уникальных особенностей. Одной из наиболее значимых особенностей этих отношений является именно степень погружения, которая возможна в цифровой реальности. Технологии виртуальной реальности позволили людям попасть в полностью погруженную цифровую среду, которая может быть неотличима от физического мира. Такой уровень погружения имеет значительные последствия для того, как мы воспринимаем цифровой мир и взаимодействуем с ним.

Важная особенность взаимоотношений между человеком и цифровой реальностью – это потенциал цифровых технологий для повышения наших когнитивных способностей. От искусственного интеллекта до алгоритмов машинного обучения цифровые технологии способны обрабатывать огромные объемы данных и выполнять сложные вычисления, которые находятся за пределами возможностей человеческого мозга. В результате мы можем выполнять задачи и решать проблемы, которые были бы невозможны без помощи цифровых технологий.

Несмотря на преимущества наших отношений с цифровой реальностью, существует также ряд существенных проблем, которые возникают в результате этих отношений. Одна из наиболее значимых проблем – это потенциальная зависимость от цифровых технологий. Поскольку цифровые технологии становятся все более захватывающими и увлекательными, существует риск, что люди могут стать зависимыми от них, что приведет к ряду негативных последствий, таких как социальная изоляция, плохое физическое здоровье и психологические проблемы.

Еще одна проблема, возникающая из-за наших отношений с цифровой реальностью, – это возможность нарушения неприкосновенности частной жизни. Поскольку мы предоставляем все больше и больше личной информации в Интернете, существует риск, что эта информация может быть использована не по назначению или использована другими людьми. Это может привести к потере конфиденциальности, краже личных данных и другим формам киберпреступности.

Для решения проблем, возникающих из-за наших отношений с цифровой реальностью, важно использовать проактивный подход. Одним из потенциальных решений проблемы зависимости от цифро-

вых технологий является продвижение цифровой грамотности и ответственного использования технологий. Этого можно достичь с помощью образовательных и просветительских кампаний, которые пропагандируют здоровые цифровые привычки и побуждают людей регулярно делать перерывы в работе с технологиями.

Еще одним потенциальным решением проблемы нарушения неприкосновенности частной жизни является внедрение более строгих законов и правил по защите данных. Это может помочь предотвратить неправомерное использование личной информации и предоставить людям больший контроль над своей личностью в Интернете. Также важно поощрять ответственное использование данных и призывать людей и организации быть прозрачными в отношении их практики сбора и использования данных.

Отношения между человеком и цифровой реальностью сложны и многогранны, в них есть как преимущества, так и проблемы. Хотя цифровые технологии способны повысить наши когнитивные способности и предоставить нам новые возможности для творчества и инноваций, они также несут в себе значительные риски в плане зависимости и нарушения неприкосновенности частной жизни. Для решения этих проблем важно применять проактивный подход, способствующий ответственному использованию цифровых технологий и защите прав на неприкосновенность частной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брудный А.* Двойники. Психология игры и виртуальная реальность / А. Брудный. – Москва : Издательские решения, 2018. – 923 с.
2. *Выхристюк З.* Виртуальность реальности / З. Выхристюк. – Москва : Издательские решения, 2020. – 962 с.
3. *Кирюшин А.* Виртуальная реальность / А. Кирюшин. – Москва : LAP Lambert Academic Publishing, 2021. – 248 с.
4. *Абулханова Г. А.* Информатизация как эффективная технология защиты населения при формировании имиджа муниципальных органов власти // Г. А. Абулханова, Ч. Я. Шафранская // Новые институты для новой экономики. Сборник материалов XII Международной научной конференции по институциональной экономике. – 2018. – С. 28–34.

ПРОБЛЕМА РЕГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)

Карпова А.В.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
Научный руководитель: канд. экон. наук Валеева Р.Р.

Аннотация. В данной статье рассмотрена пандемия COVID-19 как проблема регресса человечества 21 века. При исследовании был сделан акцент на анализ последствий, который повлек за собой данное опасное заболевание. В частности, был предложен ряд рекомендаций по тому, что следует делать обществу в настоящее время.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, человечество, регресс, проблемы.

Пандемия COVID-19 стала не только самым масштабным вызовом для мирового здравоохранения, но и мощным ударом для экономики и общества в целом [5, с. 15; 10]. Три года назад ситуация казалась катастрофической и теперь, спустя столько времени, однозначно можно сказать, что пандемия нанесла серьезный удар цивилизации и стала примером проблемы регресса человечества.

Человеческий прогресс очень сложный и неоднозначный процесс, который охватывает все, что нас окружает. Каждый ученый, каждый обычный человек знает, что прогресс – это то, что рождается и развивается только благодаря новым идеям, новым разработкам, инновациям, открытиям, совершенствованию методов и технологий.

Однако сейчас мы столкнулись с глобальным вызовом в виде коронавирусной инфекции, который показал, насколько хрупок и незащищен наш прогресс. Пандемия выявила множество проблем, самой серьезной из которых стала недостаточность медицинской помощи и отсутствие единых международных методов борьбы с заразой [1, 7].

Стремительный рост заболеваемости и смертности показал, что мир был не готов к такому повороту событий [7]. Несмотря на широкое внедрение новых технологий и инновационных разработок, медицинская индустрия оказалась не подготовленной к превентивной работе и лечению пациентов. Результатом этого стало невыносимое давление на систему здравоохранения, доходящее до ее полного краха в самых тяжелых случаях.

Пандемия также оказала серьезное влияние на экономику многих стран с мировыми рынками [2, 8], что повлекло за собой социальную нестабильность, безработицу, бедность и рост числа бездомных людей. Не только люди, но и сама природа страдала от нашей неподготовленности и неадекватности: резкий сброс экономических показателей стал причиной серьезного загрязнения окружающей среды и ухудшения состояния климата.

Проблема регресса человечества, связанная с пандемией COVID-19, касается не только медицины и экономики, но и общества в целом. Временные ограничения: карантин, наложенный во многих странах, и другие ограничительные меры повлияли на межличностные отношения, на духовное, материальное благополучие [3, 9].

Так что делать? Необходимо признать, что все мы проживаем на грани здравого смысла и что наш прогресс не должен создавать для нас новые проблемы [4, 6]. Нам нужно получить урок из сделанных ошибок и понимать, что только вместе мы можем обуздать не только пандемию, но и другие вызовы, будь то изменения климата или социальная нестабильность.

Мы должны стремительно собраться в единую команду и обеспечить необходимое внимание на борьбу с недугом. Это может привести к большему объединению народов и к тому, что обязательными для всех станут общая экология, глобальное применение технологий и уважение друг к другу [4]. Наш мир уникален, и он имеет свойственный только нашему природному социуму порядок развития: он должен быть благоприятным словно родительское влечение дома к родственникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Abulhanova G. A.* Concept of development of an entrepreneurial culture in the hospitality industry enterprises of the Republic of Tatarstan / G. A. Abulhanova, G. R. Chumarina, D. S. Shakirova // *Academy of Strategic Management Journal*. – 2016. – Т. 15. – № S4. – С. 60–66.
2. *Maklakova E. A.* Covid-19 pandemic and global economy / E. A. Maklakova, Ja. Shahbaz // 26 марта 2021 года, 2021. – Р. 170–172. – DOI 10.34220/MY2021_170-172.
3. Resource Change Representation in the Russian Population after the First Three Months of the COVID-19 Pandemic Outbreak / F. M. Shankov, M. A. Chumakova, M. S. Vasilchuk, N. V. Kiselnikova // *Psychology. Journal of Higher*

School of Economics. – 2021. – Vol. 18, No. 2. – P. 247–258. – DOI 10.17323/1813-8918-2021-2-247-258.

4. *Taneva S. Y.* Behavioral model during pandemic (Covid-19) based on a student survey from Sofia Medical University / S. Y. Taneva. – 2020. – № 3(19). – P. 4–16. – DOI 10.14258/zosh(2020)3.1.

5. *Абдусаламов А. А.* Инфекционная безопасность. Covid-19: учебное пособие для среднего профессионального образования / А. А. Абдусаламов. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 212 с. (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-13885-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/519757> (дата обращения: 11.04.2023).

6. *Андрианова Н. В.* Интеллектуальные контракты при управлении снабжением машиностроительного предприятия / Н. В. Андрианова, П. А. Нечаева // Вестник Кемеровского государственного университета. – декабрь 2021. – № 4 (22). – С. 496–505.

7. Динамика пандемии COVID-19, локальные и глобальные факторы / А. М. З. Агаларов, А. А. Балякин, Т. А. Гаджимурадов [и др.] // Актуальные проблемы математики и информационных технологий: Материалы II Всероссийской конференции, приуроченной к 90-летию Дагестанского государственного университета, Махачкала, 05–07 февраля 2021 года. – Махачкала : Дагестанский государственный университет, 2021. – С. 16–18.

8. *Мисько Е. С.* Планирование персонала в организации (на примере отеля «Крокус») / Е. С. Мисько, Г. Р. Юсупова // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты-2020: Сборник научных трудов. – Вып. 1. – Казань : Изд-во «Познание», 2020. – С. 30–36.

9. *Репина Ю. А.* Повышение качества предоставления муниципальных услуг г. Казани в условиях цифровой трансформации / Ю. А. Репина, В. Б. Евгений // Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 28 января 2021 года. – Казань : Изд-во «Познание», 2021. – С. 102–105.

10. *Шафранская Ч. Я.* Пандемия коронавируса как фактор, снижающий командообразование современных организаций / Ч. Я. Шафранская, Г. А. Абулханова // В сборнике: Векторы развития человеческого капитала в системе обеспечения экономической безопасности региона в постпандемической реальности. Элиста. – 2020. – С. 115–117.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ С БУДУЩИМИ УПРАВЛЕНЦАМИ

Козлов Н.А., Москаленко М.Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (РАНХиГС), г. Москва
Филиал Удмуртского государственного университета в г. Нижняя Тура
Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент Москаленко М.Р.

Аннотация. В работе рассматривается проблематика объяснения учащимся управленческих направлений подготовки вопросов социально-политического прогнозирования будущего. Показываются основные аспекты изучения данной области знания. Отмечается, что изучение прогнозирования с будущими управленцами формирует у них как профессиональные навыки, так и способствует развитию политической и гражданской культуры.

Ключевые словосочетания: социально-политическое прогнозирование, подготовка будущих управленцев.

Изучение вопросов социально-политического прогнозирования очень важно для учащихся по направлениям «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и др. В будущей профессиональной деятельности на всех уровнях управления (национальном, региональном, местном) им придется иметь дело с оценками и анализами прогнозов, проектов и концепций развития в самых различных сферах общества. От их грамотной оценки зависят те или иные управленческие решения, которые принимают руководители всех уровней. Данный материал можно изучать со студентами как при чтении соответствующих спецкурсов (например, «Социальное прогнозирование», по которому существует ряд интересных учебников [3]), так и в преподавании гуманитарных дисциплин. Например, в политологии это политические программы развития общества и планы тех или иных реформаторов; в истории – анализ возможных в тот или иной момент времени вариантов развития событий и т. д. Грамотная подача материала повышает интерес учащихся к гуманитарным дисциплинам, расширяет их общенаучный и профессиональный кругозор.

В истории есть много примеров, когда политические лидеры принимали удачные или неудачные решения, опираясь на те или иные прогнозы.

Так, например, в годы кампании по борьбе с пьянством в СССР в эпоху «перестройки» не был учтен зарубежный опыт проведения подобной политики. Речь идет, прежде всего, о США, где в период 1920–1933 гг. существовал «сухой закон». Это способствовало развитию теневого сектора экономики (поскольку широко велась подпольная торговля алкоголем), росту коррупции, развитию организованной преступности, моральному разложению населения. Казалось бы, негативные социальные последствия этого должны были быть учтены руководством страны; тем не менее в СССР во многом повторились схожие негативные тенденции, что серьезно усилило социальную напряженность в обществе и стало важным фактором подрыва авторитета руководства страны среди населения.

Студентам можно объяснить, что в культуре существует несколько направлений прогнозирования: религиозное, социально-утопическое и философско-научное. Религиозное предполагает влияние божественного провидения и сверхъестественных сил на ход событий. Утопия рисует идеальную картину будущего, в которой общества лишены недостатков и предельно гармоничны, что, как показывает ход истории, является недостижимым состоянием. Отметим, что в той или иной степени элементы утопичности встречаются в таких политических идеологиях, как марксизм и либерализм. В XX в. очень популярным жанром (в литературе и кинематографе) становится антиутопия. Феномены утопии и антиутопии получили изучение в научных исследованиях [1]. В настоящее время к пессимистическим прогнозам можно отнести, прежде всего, всевозможные неомальтузианские сценарии истощения ресурсов Земли и обострения борьбы за них между государствами. Специфическим жанром прогностики, где тесно смешивались наука и литературное творчество, еще со времен Ж. Верна и Г. Уэллса стала научная фантастика.

Естественно, что в основе современного научного прогнозирования лежит философско-научное направление, основанное на рациональном подходе к построению прогноза и использовании научных методов: исторической аналогии, экстраполяции, выведения закономерностей развития, анализа трендов и т. д. Данные методы ложатся в основу вероятностных сценариев и прогнозов политического, экономического, социального развития. В литературе существует мнение, что будущее вполне допустимо рассматривать как реальный объект для исследования [2].

Студентам при объяснении вопросов социально-политического прогнозирования необходимо показывать ряд специфических аспектов

данной темы. Прежде всего, для общества как сложной системы характерны неполная наблюдаемость происходящих процессов и явлений (что затрудняет их объективный анализ), а также многоаспектность причинно-следственных связей, наличие синергических эффектов при наложении друг на друга различных тенденций развития. Кроме того, при реализации тех или иных сценариев и проектов общественно-политического развития следует различать реальную и формальную возможности, и очень часто бывает непросто это сделать. Так, например, была ли у Российской империи начала XX в. возможность эволюционного развития, без масштабных социальных потрясений и революций и Гражданской войны? Данный вопрос до сих пор служит предметом дискуссий в науке и публицистике.

Подводя итоги работы, следует отметить, что изучение прогнозирования с будущими управленцами формирует у них как профессиональные навыки, так и систематизирует их мировоззрение, способствуя развитию политической и гражданской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Паниотова Т. С.* Возможность невозможного: прошлое, настоящее и будущее сквозь призму антиутопии (обзор третьей научной конференции «Утопические проекты в истории культуры») / Т. С. Паниотова, Г. В. Драч, Романенко М. А. // Вопросы философии. – 2021. – № 8. – С. 213–218.
2. *Почепцов Г. Г.* Стратегия: инструментарий по управлению будущим / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2005. – 384 с.
3. *Стегний В. Н.* Социальное прогнозирование и проектирование: учебник для академического бакалавриата / В. Н. Стегний. – Москва : Юрайт, 2022. – 182 с.

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Лучинкин В.Л.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

Аннотация. В статье описываются возможности и принципы работы нейронных сетей – компьютерных систем, которые способны обработать и обучаться на больших объемах данных. Рассматривается история развития

нейросетей, основные компоненты и методы обучения, а также их применение в различных областях, включая медицину, финансы, робототехнику и другие. В статье обозначено значение и перспективы использования нейронных сетей для решения проблем современности.

Ключевые слова и словосочетания: нейронные сети, искусственный интеллект, машинное обучение, глубокое обучение, нейросеть.

Нейронные сети – это компьютерные системы, способные обучаться на основе опыта и обработки больших объемов данных. Эти системы используются во многих областях, включая медицину, физику, экономику, инженеррию, робототехнику [1] и другие. Нейросети имеют огромный потенциал и могут стать ключевой технологией в различных областях.

Исторически первые нейросети были разработаны в 1950-х годах. Они были довольно простыми и неэффективными, но в последующие десятилетия, с развитием вычислительной техники, нейросети стали более сложными и мощными. Сегодня известно, что нейросети могут обучаться моделированию различных задач, включая классификацию изображений, распознавание речи и обработку естественного языка.

Одной из ключевых составляющих любой нейросети являются сверточные слои. Эти слои используются для извлечения признаков из данных и дальнейшей обработки этих признаков в слоях, которые детально анализируют информацию. Каждый сверточный слой может иметь несколько фильтров, которые применяются к изображению или другому типу данных, и эти фильтры определяют, какие признаки извлекаются и как эти признаки будут использованы в дальнейшем.

Существует множество различных алгоритмов обучения нейросетей. Одним из наиболее распространенных подходов является метод обратного распространения ошибки (backpropagation). Этот метод является итеративным и заключается в том, что система находит ошибки прогнозирования, и затем перенастраивает веса связей между нейронами таким образом, чтобы минимизировать эти ошибки.

К сожалению, нейросети не без своих недостатков. Во-первых, они требуют большого количества данных для успешного обучения. Если данных недостаточно, нейросеть может столкнуться с проблемой «переобучения», когда система начинает давать неправильные прогнозы на новых данных. Во-вторых, более сложные нейросети требуют большой вычислительной мощности, и эта мощность может быть ограничена.

Нейросети могут использоваться в медицинской диагностике, анализе изображений, в проведении хирургических операций и в поддержке принятия решений на первичном этапе диагностики [2]. Эти нейросети помогают группе врачей, компьютерным специалистам и их математическим алгоритмам связаться друг с другом, чтобы создать комплексную картину заболевания пациента.

Еще одной областью, где нейросети доказывают свою эффективность, является управление финансами [4]. Нейросети помогают банкам сокращать издержки, определять кредитоспособность клиентов, устанавливать экономический риск и оптимизировать инвестиционные портфели.

Однако, как и во всех сферах, у применения нейросетей есть свои ограничения и недостатки. Одним из наиболее серьезных недостатков является недостаток общности – даже крупные обучающие наборы данных для нейросетей могут не предоставлять полную информацию о конкретной проблеме, на которую они нацелены. Кроме того, нейросети также имеют тенденцию к переобучению, заключающемуся в том, что нейросеть привязывается к аберрациям в данных и искажениям вместо того, чтобы находить общие закономерности.

Однако направления исследований в области нейросетей продолжают развиваться, и многие проблемы уже начинают решаться. Общественность начинает также понимать и принимать нейросети как инструмент, который может помочь в решении сложных задач и улучшении качества жизни. В будущем нейросети будут безусловно вносить значительный вклад в различные сферы жизни и экономики.

В заключение можно сказать, что нейросети – это невероятно перспективная технология, которая может принести значительный вклад в разные сферы жизни [5]. Ее применение уже сегодня дает заметные результаты и привлекательную перспективу для будущих разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левин М. Ю.* Применение нейросетей в автономных транспортных системах / М. Ю. Левин // Научный журнал КубГАУ. – 2020. – № 9(175). – С. 1–15.
2. *Овсеев Г. А.* SMART-решения и системы искусственного интеллекта / Г. А. Овсеев // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2021. – № 2 (24). – С. 71–74.

3. *Фролов М. С.* Применение глубоких нейронных сетей в медицине / М. С. Фролов, Г. С. Усманова // Медицинская визуализация. – 2017. – № 14(4). – С. 5–10.
4. *Силкина О. Ю.* Интеллектуальные системы в медицине / О. Ю. Силкина, Р. С. Зарипова // Интеллектуальные информационные системы: теория и практика: сборник научных статей по материалам II Всероссийской конференции. – Курск, 2021. – С. 94–101.
5. *Хайруллин А. М.* Применение моделей искусственного интеллекта в медицине / А. М. Хайруллин, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 3 (21). – С. 40–42.
6. *Пырнова О. А.* Методы и проблемы переобучения многослойной нейронной сети / О. А. Пырнова, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 2 (20). – С. 101–102.
7. *Дронина А. А.* Применение системы машинного зрения для распознавания данных об электрооборудовании / А. А. Дронина, Р. С. Зарипова // Энергетика, инфокоммуникационные технологии и высшее образование: материалы Международной научно-технической конференции. – Казань, 2023. – Т. 1. – С. 382–386.
8. *Пырнова О. А., Зарипова Р. С.* Автономные машины и искусственный интеллект / Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2020. № 3 (21). – С. 46–49.
9. *Силкина О. Ю.* Тенденции в развитии искусственного интеллекта / О. А. Пырнова, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 3 (21). – С. 63–65.
10. *Gizatullin Z. M.* Prediction of noise immunity of computing equipment under the influence of electromagnetic interference through the metal structures of building by physical modeling / Z. M. Gizatullin, R. M. Gizatullin, M. G. Nuriev // Proceedings of the 2020 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering, EIConRus-2020. – 2020. – С. 120–123.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЗАРЯДНЫХ СТАНЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Майорова Е.С.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Беляев Э.И.

Аннотация. В связи с переходом на электротранспорт в современном мире необходимо решать сопутствующие задачи, такие как оптимальное размещение станций для зарядки транспортных средств и их влияние на общую электрическую сеть города. В статье описывается подход и инструмент для решения данной проблемы.

Ключевые слова и словосочетания: электробус, зарядная станция, распределительная сеть, имитационное моделирование, системная динамика.

В современном обществе ключевым проектом становится декарбонизация транспорта, в рамках которого важным аспектом является оптимальное количество и размещение зарядных станций, необходимых для обслуживания парка электробусов. Мобильность зарядной инфраструктуры для электротранспорта является важной проблемой, влияющей на переход современного общества к электротранспорту [6, с. 156].

Для реализации процесса зарядки электробусов необходимо учесть специфику городского транспорта и его влияние на электрические распределительные сети. Важным шагом в этом процессе является организация парка электробусов. При этом формирование зарядной инфраструктуры проводится с учетом разрабатываемых научно обоснованных подходов, которые являются результатом анализа социальных факторов, особенностей планирования территории городов и др. [1, с. 161].

Проблема выбора местоположения зарядной станции заключается в необходимости определить оптимальное место для размещения зарядной станции, которая обеспечит удобство и эффективность зарядки электробусов, а также обеспечит покрытие необходимой территории.

Основным инструментом при формировании инфраструктуры зарядных станций для электробусов является имитационное моделиро-

вание. Это метод, который позволяет создать виртуальную модель городского транспорта и симулировать его работу с различными вариантами расположения зарядных станций. С его помощью можно определить оптимальное количество зарядных станций и их расположение, чтобы обеспечить надежное и эффективное функционирование парка электробусов. Существует систематическая обратная связь между электрическим транспортом и зарядными конструкциями, которую можно рассмотреть с помощью подхода системной динамики.

Системная динамика – это подход имитационного моделирования, своими методами и инструментами позволяющий понять структуру и динамику сложных систем [5]. Для реализации задачи можно использовать среду AnyLogic, так как это единственный инструмент имитационного моделирования, который позволяет сочетать агентный и дискретно-событийный подходы с системно-динамическим подходом. Также AnyLogic содержит различные библиотеки, одной из которых является библиотека дорожного движения, с помощью которой можно построить развязку, парковки и другие элементы дороги любой сложности [3, с. 107]. Преимуществом модели системной динамики является возможность ее постоянной калибровки и настройки в результате расширения базы практических наблюдений за реальным развитием системы [2, с. 122].

Процесс оптимизации для поиска наилучших решений по размещению точек электрозарядных станций может быть реализован с использованием классов Java и пользовательских экспериментов, разработанных специально для имитационной модели [4, с. 157].

Таким образом, имитационное моделирование позволяет оптимизировать конфигурацию инфраструктуры зарядных станций, что приводит к экономии затрат на эксплуатацию и обслуживание электробусов, повышению качества обслуживания и уменьшению отрицательного влияния на окружающую среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изучение конструктивных особенностей мобильных установок заряда электротранспорта для разработки эскизной конструкторской документации / А. Р. Сафин, И. В. Ившин, А. Н. Цветков [и др.] // Вестник Казанского государственного энергетического университета. – 2021. – Т. 13. – № 3(51). – С. 15–24.

2. Имитационное моделирование для прогнозирования развития автомобильного электротранспорта на уровне региона / Д. Ю. Каталевский, Т. Р. Гареев // Журналы БФУ им. И. Канта. – 2020. – Т. 12. – № 2. – С. 118–139.

3. Внедрение цифровых технологий как фактор повышения эффективности работы транспортно-логистических систем / Р. С. Зарипова, О. А. Рочева, Ф. Р. Хамидуллина, М. В. Арбузова // International Journal of Advanced Studies. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 100–114.

4. Зарипова Р. С. Имитационное моделирование построения оптимальных маршрутов в среде AnyLogic / Р. С. Зарипова, А. Л. Сиразева // Современные цифровые технологии: проблемы, решения, перспективы: материалы Национальной (с международным участием) научно-практической конференции. – Казань, 2022. – С. 155–158.

5. Справка AnyLogic. – URL: <https://anylogic.help/ru/anylogic/index.html>.

6. Стимулирование развития электротранспорта как инструмент развития территории / Ю. С. Валеева, М. В. Калинина, Т. Г. Зорина, И. Г. Ахметова // Вестник Казанского государственного энергетического университета. – 2022. – Т. 14. – № 1(53). – С. 155–172.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ СЕГОДНЯ: ФИЛОСОФСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЛИ РАЗВЛЕЧЕНИЕ?

Мироненко А.М.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Сандакова Л.Б.

Аннотация. Рассматривается вопрос влияния компьютерных игр на мировоззрение и поведение человека с точки зрения самих игроков. Представлены результаты опроса, проведенного как пилотажное исследование. Выявлены тенденции и корреляции для дальнейшего исследования ролевой компьютерной игры как социокультурной формы деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: компьютерные игры, этический выбор, человек, игровая деятельность, рефлексия.

Компьютерные игры сегодня – пример бурного развития аудиовизуальных технологий. Они чрезвычайно популярны: по данным журнала «Коммерсантъ Weekend», «около 40 % всех людей регулярно играют в компьютерные игры» [2]. Современные компьютерные игры становятся частью различных сфер нашей жизни: искусство, образова-

ние, этику, психологию, социальные коммуникации и даже спорт [4, с. 6]. Однако научное изучение этого явления признается «недостаточным, внесистемным, «пунктирным», либо же касалось лишь отдельных частных его проявлений (например, вопросов игровой аддикции или технических аспектов искусственного интеллекта и виртуальной реальности)» [4, с. 7]. Среди этих «пунктирных» исследовательских направлений мы выделяем проблемную область, которая часто в обыденном мировоззрении, в образовательной и менеджериальной практике становится предметом конфликтов: пользу или вред приносят компьютерные игры.

В исследованиях, посвященных этому вопросу в той или иной формулировке, обнаруживается весь спектр вариантов ответов. Что позволяет утверждать наличие того и другого. Отыскивая негативное влияние компьютерных игр, исследователи указывают, например, на формирование игровых и интернет-аддикций, отрицательное воздействие на физическое и психическое развитие детей и т.д. Беспокойство также вызывают жестокие видеоигры. Так, С.А. Anderson и К.Е. Dill, изучая их влияние на переменные, связанные с агрессией и правонарушениями (результаты опубликованы в 2000 г.), пришли к выводу, что воздействие жестоких видеоигр усиливает агрессивное поведение как в краткосрочной перспективе (например, лабораторная агрессия), так и в долгосрочной [1]. С другой стороны, обнаруживается, что видеоигры являются формой образовательного процесса, способствуют социальной адаптации. Так, например, О.В. Сергеева, А.В. Царева, Н.А. Зиновьева в своем исследовании (2017 г) показали, что игра в компьютерные игры жанра MMORPG поддерживает социальные компетенции игроков и пополняет их социальный капитал новыми связями [3].

Цель исследования. Задаваясь вопросом, могут ли компьютерные игры, предполагающие сложный моральный выбор, негативно или позитивно влиять на формирование человеческой личности, определять мотивы поведения человека, мы решили рассмотреть его с позиции самих игроков: как они сами оценивают влияние компьютерных игр на свою жизнь.

Методология исследования, которое носит пилотажный характер. Исследование строилось на гипотезе: связь между компьютерными играми и реальными решениями в жизни есть, но неоднозначная: она будет отличаться для людей разных возрастов и с разной степенью

включенности в игровое пространство (есть или нет зависимость от игры, сколько времени проводит за игрой, страдает ли, если не имеет возможности играть). Разработана анкета для проведения социологического опроса в рамках пилотажного исследования (прил. 1). Анкета была размещена в Google Forms и распространена посредством социальной сети ВКонтакте. Опрос прошли 111 человек с разными социально-демографическими переменными с явным преобладанием студенческого и школьного возрастов. Люди с игровой зависимостью в опрос не попали.

Результаты исследования. Количественный анализ показал ряд интересных тенденций.

– Почти половина опрошенных (48,6 %) заявила, что в игре не имеет значения, играть «за добро» или «за зло». 39,6 % выбирают играть «за добро», тогда как играть «за зло» выбирают 11,7 %. Ролевые позиции всегда отыгрываются в координатах «добро–зло». С чем может быть связано безразличие к выбору позиции почти у половины опрошенных?

– Респонденты, как правило, обнаруживают сходство своих поступков в реальности и в игре (69,3 %), но на однозначное соответствие указывают из них лишь 6,3 %; отсутствие такой связи тоже редко – 6,3 %. Здесь мы обнаруживаем, что в выборе поступков человек склонен сочетать привычные формы деятельности с непривычными/новыми для себя.

– Опрос показал предпочтение играть самостоятельно, а не «гуглить ответ» для желаемой концовки. Почти 66 % опрошенных отыгрывают сюжет по своим убеждениям, но при этом только треть опрошенных определенно заявила, что анализирует игру. Возникает вопрос, что вкладывается опрошенными в понятия «играть по убеждениям» и «анализировать игру»? Предполагая, что одним из мотивов игровой деятельности (речь о компьютерных играх) является мировоззренческий эксперимент, мы закладывали в понятие «анализ игры» рефлексивное отношение к связи «убеждение–поступок».

– В большинстве своем игроки все же думают о последствиях своих действий для персонажей игры (только 18 % ответили, что «нет»).

Задав корреляцию некоторым признакам, мы обнаружили следующие соответствия:

– среди тех, кто предпочитает играть за зло, также поступают в жизни 50 %;

– среди школьников почти 42 % отыгрывают сюжет по своим убеждениям; доля студентов, отыгрывающих сюжет по собственным убеждениям, почти на 10 % ниже;

– среди школьников около 35 % наиболее склонны к анализу своих поступков после завершения игрового сеанса; студенты менее склонны к анализу своих поступков после завершения игрового сеанса, чем школьники;

– среди игроков мужского пола около 50 % задумывается о последствиях своих решений для игровых персонажей; в то время как среди игроков женского пола лишь 5,6 % выбрали вариант «да»;

– среди игроков мужского пола около 10 % сожалеют о своем выборе в КИ; среди игроков женского пола этот показатель составляет около 9 %.

Полагая, что эти результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Прямая связь между злом в игре и в жизни отсутствует. Человек может играть за зло, например, с целью сбросить напряжение, компенсируя невозможность совершить такой поступок в жизни, или же по другим причинам.

2. Школьники более избирательны и самостоятельны в тактике игры, нежели другие возрастные категории.

3. Также школьники показали себя как более рефлексивные игроки, нежели студенты. Вероятно, это связано с усиленной мировоззренческой работой именно в подростковом возрасте.

4. Большей степенью включенности в игру и склонностью к стратегическому мышлению в игре отличаются респонденты мужского пола.

5. Люди не склонны сожалеть о сделанном в компьютерных играх выборе, т. е. в игре часто не возникает чувства ответственности за свои действия.

По результатам открытого вопроса («Как Вы считаете, может игра в КИ со сложной системой ценностей влиять на формирование личности или привести к ее деформации?») была построена лепестковая диаграмма (прил. 2), демонстрирующая преобладающий характер ответов: «да», «нет», «зависит от человека». Преобладает ответ «да».

Таким образом, связь между компьютерными играми и реальными этическими решениями, принимаемыми в жизни, есть. Но для разных людей она действительно неоднозначна, как мы и предполагали. Для некоторых (их, видимо, не большинство) компьютерные игры являются своего рода мировоззренческим экспериментом. Мы это назвали

философским путешествием. Для других – это просто развлечение, не имеющее влияния (как представляется самим игрокам) на их реальную жизнь. Полагаем, что однозначные выводы о позитивном или негативном влиянии компьютерных игр на человека делать нельзя. Кроме того, исследование показало связь компьютерной игры с игровой деятельностью человека как таковой и сложную социокультурную обусловленность феномена компьютерных игр. Поэтому исследования в этом направлении должны носить междисциплинарный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Anderson C. A.* Video games and aggressive thoughts, feelings, and behavior in the laboratory and in life / C. A. Anderson, K. E. Dill // *Journal of personality and social psychology*. – 2000. – Vol. 78. – № 4. – P. 772–790.
2. *Волохова У.* Игры с компьютером: с чего все начиналось / У. Волохова // Журнал «Коммерсантъ Weekend» № 29 от 11.09.2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4476292> (с экрана) (дата обращения: 25.04.2023).
3. *Сергеева О. В.* Встретимся в дополненной реальности...: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры / О. В. Сергеева, А. В. Царева, Н. А. Зиновьева // *Logos et Praxis*. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 51–63.
4. *Сухов А. А.* Погружение в виртуальные миры: междисциплинарное исследование современных компьютерных игр: учебное пособие. Электронное текстовое издание А. А./ Сухов – Екатеринбург : УрФУ, 2015. – 117 с. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36075/1/suhov.pdf> (заглавие с экрана) (дата обращения: 25.04.2023).

Приложение 1

Анкета для исследования оценки влияния КИ на игроков глазами самих игроков

01. Укажите свой возраст

- до 18
- 18–24
- 25–34
- 35–44
- 44–55
- свыше 56

02. Укажите свой пол

- муж.
- жен.

03. Выберите свой уровень образования

- школьник
- студент
- среднее специальное (колледж, техникум и тд)
- высшее образование
- два и более высших

04. Род занятий

- учусь
- работаю
- работаю и учусь
- ничего не делаю
- работаю в Gamedev индустрии

1. Когда в игре представляется моральный выбор, я выбираю

- играть за добро
- играть за зло
- не имеет особого значения

2. Поступаешь ли ты в играх так же, как и в реальности?

- всегда
- обычно да
- иногда
- обычно нет
- никогда

3. Вы чаще отыгрываете сюжет так, как задумали разработчики, или по своим убеждениям?

- так, как задумали разработчики
- по своим убеждениям

4. Анализируете ли Вы свои поступки после завершения игрового сеанса?

- да
- иногда
- нет

5. Думаете ли Вы о последствиях своих действий для игровых персонажей?

- да
- иногда
- нет

6. Как часто Вы сожалеете о сделанном выборе в компьютерных играх?

- всегда
- часто
- иногда
- редко
- никогда

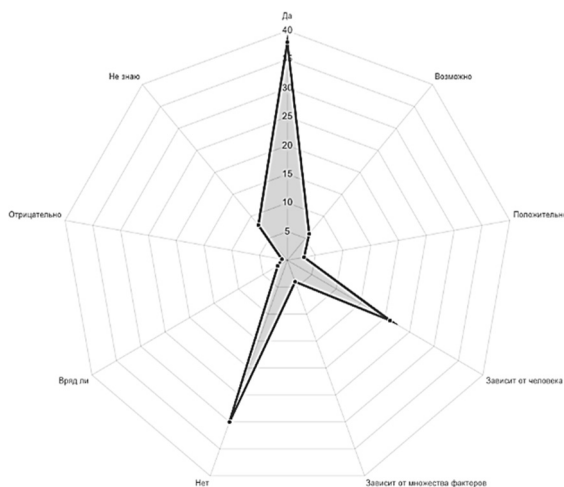
7. Склонны ли вы совершать выборы самостоятельно или гуглите ответы, чтобы выйти на желаемую концовку?

- всегда выбираю самостоятельно
- иногда выбираю
- чаще гуглю
- всегда гуглю, чтобы выйти на желаемую концовку

8. Как Вы считаете, может ли игра в КИ со сложной системой ценностей влиять на формирование личности или привести к ее деформации? (открытый вопрос)

Приложение 2

Лепестковая диаграмма, составленная на основе открытого вопроса «Как Вы считаете, может игра в КИ со сложной системой ценностей влиять на формирование личности или привести к ее деформации?»

ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Мисайлова Е.С.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Сандакова Л.Б.

Аннотация. В данной статье поднимается проблема новой парадигмы современного искусства, трансформирующегося под влиянием научно-технического прогресса. Рассмотрены деэстетизация, массовизация, «хаосогенность» как наиболее значимые характеристики этих изменений. Проведены примеры цикличности деэстетизации. Предпринимается попытка объяснить причины «хаосогенного момента» в искусстве.

Ключевые слова и словосочетания: искусство, эстетическая парадигма, деэстетизация, хаосогенность, научно-технический прогресс.

Способность к творчеству признается одной из сущностных характеристик человека. А искусство, как часть художественной культуры, наиболее яркое выражение творчества в любых цивилизациях и исторических эпохах. Именно поэтому преобразования в этой сфере, обусловленные научно-техническим прогрессом, вызывают неоднозначную реакцию как среди искусствоведов, так и среди любителей прекрасного. Меняющийся облик цивилизации влияет на художественный язык, развитие сознания вкупе с техническими новшествами смещает акценты, что рассматривают в своих работах В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская, А.В. Серяков и др. [1–3]. Здесь важным вопросом следует считать методологию анализа трансформаций современного искусства: корректно ли рассуждать об этих изменениях, пользуясь парадигмами прошлого, действительно ли развитие современного искусства имеет маргинальную тенденцию? Цель данного исследования – выявить, требует ли рассмотрение наиболее значимых характеристик современного искусства для своего понимания новой эстетической парадигмы. Будут рассмотрены такие характеристики как деэстетизация, массовизация, «хаосогенность». В качестве объекта исследования мы рассматриваем крайние течения изобразительного искусства, опуская при этом консервативные школы.

Исследователи, говоря о специфике современного искусства, в первую очередь обозначают процесс «деэстетизации», выражающийся

в измененных формах и неклассических задачах современного искусства. Это вызывает обеспокоенность приверженцев изящных искусств и сторонников классической эстетики: «Воспевание прекрасного», как и создание гармоничных форм, больше не стоит в приоритете, наибольший интерес вызывают произведения, оторванные от законов старых жанров или идущие с ними в разрез. Наибольшую ценность представляет искусство, нашедшее сильнейший эмоциональный отклик как авторский, так и реципиента.

Вопрос о деэстетизации является спорным. Во-первых, им нельзя охарактеризовать каждый локальный жанр, а следует рассматривать в виде общей тенденции снижения эстетической роли искусства. Во-вторых, в контексте исторического процесса можно предположить, что наблюдаемый нами процесс кажется стремительным лишь на фоне повышенного интереса к изящным искусствам прошлой эпохи. Так, рубеж XIX–XX веков характеризовался творчеством перенасыщенным своими возможностями, мастерство авторов романтизма до крайности сместило акцент на форму, стилизацию. В то время как зарождающиеся новые формы искусства (фотография, эстрада, кино), а также открытые течения (экспрессионизм, фовизм, футуризм) еще не выработали свой язык и не обрели столь яркой эстетической составляющей. Во многом их ценностью была новизна. Впоследствии минувший век обрел свою крайность в течение дадаизма, одной из идей которого было разрушение какой-либо эстетики.

Процесс деэстетизации в искусстве можно считать цикличным. (Концепция цикличности в искусстве разделяется многими исследователями [3, с. 115, 116].) Отметим, что и до эпохи декаданса изящная составляющая не всегда стояла во главе искусства. В средневековье, например, гораздо большую ценность представляла теологическая составляющая произведения. Наиболее удобным для примера является творчество Иеронима Босха, чьи работы были призваны нести предостережения христианам и еретикам. Похожую морализаторскую функцию имели и бестиарии. Описание и изображение земных тварей в них нельзя назвать красивыми, однако они создавали яркие нравоучительные образы в сознании своих современников.

Таким образом, эстетическая роль искусства на протяжении истории имела разную пропорцию с другими ценностями. Соглашаясь, что процесс деэстетизации – значимая тенденция современного искусства, следует указать, что этот процесс не является исторически уникальным.

Очевидно, что научно-технический прогресс придает совершенно особенный исторический контекст современной художественной культуре: создаются принципиально новые и синтетические виды искусства; сама возможность творчества становится доступной для широких масс. Этому же способствует и исторически беспрецедентная доступность информации. Все в совокупности дает нам пространство для творчества, ранее не встречавшееся, а также важная особенность: устраняет момент элитарности художественного творчества. Общей тенденцией становится активное взаимодействие художников, программистов, техников. Внедрение технологий уже нашло свое отражение в течениях машинного (кибернетические арт-практики, продвижением которых активно занимается компания «Cyborg Foundation») и алгоритмического искусства, например такого, которое нам демонстрируют многочисленные нейросети (DALL-E 2, MIDJOURNEY).

Помимо этого, сама среда и способы взаимодействия в ней являются новыми видами «виртуального» искусства. К таким, например, относится нет-арт («сетевое искусство»), где интернет является средой, необходимой для существования произведения этого вида медиаискусства. Дальнейшее развитие творческих идей в такой среде больше не подчиняется нашему классическому представлению, а все больше подходит на законы рыночных отношений, которые делают ее весьма отзывчивыми к внешним факторам. Эта идея хорошо прослеживается на реальных арт-рынках. По данным исследования 2023 года швейцарской ярмарки Art Basel, основной тенденцией становится рост мировых продаж исключительно за счет верхнего сегмента рынка, т. е. определяющим условием покупки является ее цена, а не художественная ценность произведения.

Возникающие арт-практики развиваются стремительно, вместе с тем алогичность, дисгармония, без-образ-ность, свойственные современным художественным языкам, создают ощущение «хаосогенного момента». С точки зрения классической художественной парадигмы, само пространство художественного дискурса уже перестает быть культурой, где предполагаются нормы, традиции, определенные ценности. В результате взаимодействия большого числа переменных создаются непредсказуемые условия, что может быть воспринято как хаос или как симптом «болезни цивилизации». Однако здесь можно поставить вопрос о возможности изменения эстетической парадигмы, которая позволила бы концептуализировать происходящие изменения

не как маргинальные. В таком случае человечеству предстоит большая переоценка многих значимых для эстетики категорий. Вопрос о целесообразности такого изменения эстетической парадигмы остается проблематичным, поскольку период ее актуальности также сложно прогнозируем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бычков В. В.* Искусство техногенной цивилизации в зеркале эстетики / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Вопросы философии. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=303 (дата обращения: 21.04.2023).
2. *Маньковская Н. Б.* Современное искусство как феномен техногенной цивилизации / Н. Б. Маньковская, В. В. Бычков. – Москва : ВГИК, 2011. – 208 с.
3. *Серяков А. В.* Искусство авангардизма в контексте концепции цикличности / А. В. Серяков // Вестник культуры и искусств. – 2012. – № 31. – С. 126–127.

РАЗРАБОТКА ТЕЛЕГРАМ-БОТА ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Мустахитдинова Ю.А.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

Аннотация. В последнее время все большую популярность набирают телеграм-боты. В данной статье рассматриваются ключевые особенности разработки телеграм-ботов с целью выполнения внутренних процессов организации для информационной системы автоматизации деятельности moderирующего органа образовательных учреждений.

Ключевые слова и словосочетания: бот, телеграм, пользовательский интерфейс, информационная система, телеграм-бот, приложение.

В большинстве случаев информационные системы помогают контролировать выполнение бизнес-процессов. Бизнес-процесс – это набор связанных задач, выполняемых для достижения определенной цели организации. Разрабатываемая информационная система прежде всего представляет собой автоматизацию бизнес-процесса «Техниче-

ская поддержка», предназначенного для управления и технической поддержки приложений. Информационная система разрабатывается для мобильного приложения образовательного учреждения

Внедрение телеграм-бота позволит более эффективно модерировать проекты и контент, выкладываемые пользователями в приложении; продуктивнее использовать временные и трудовые ресурсы; уменьшить допущение ошибок, связанных с человеческим фактором; а также дать возможность работать с телефона в любое время в любом месте [2].

Удобство использования является важнейшей частью разработки информационной системы. Сам по себе процесс внедрения информационной системы является сложным, длительным процессом, требующим решения множества вопросов. Одним из них является готовность сотрудников к внедрению информационной системы. Отношение сотрудников к нововведениям по большей части зависит от следующих факторов: сложности понимания, использования и привыкания; опытности сотрудников; этапности освоения; понимания выгоды нововведения по сравнению с нынешним положением.

В настоящее время телеграм-боты пользуются большой популярностью, в связи с чем десктопные и браузерные приложения ушли на второй план. Современные компании видят стремительное развитие телеграм-ботов и в связи с этим готовы сделать выбор в их пользу вследствие того, что они обладают доступностью с любого устройства из любой точки мира без установки, а также они выделяются простотой, универсальностью и практичностью. Поэтому было принято решение реализовать информационную систему в виде телеграм-бота. Для сотрудников предприятия телеграм-бот станет успешным поддержанием их работы.

Телеграм-бот – это клиент-серверное приложение, в котором при помощи телеграма сотрудник может взаимодействовать с веб-сервером, что и является его главным плюсом, так как вместо того, чтобы разрабатывать множество настольных приложений под каждую операционную систему или веб-приложений под каждый браузер, легче написать одного телеграм-бота [3]. Многие придерживаются мнения, что вскоре людям совсем не понадобятся полноценные приложения, так как многие действия можно встроить в другие приложения с помощью ботов.

Одним из главных преимуществ реализации информационной системы в виде телеграм-бота являются мобильность, легкая смена платформ, отсутствие загрузки программных модулей и легкая реализация. Для предприятия важны следующие качества программного продукта: безопасность и надежность; быстроедействие и функциональность; простота в использовании и дешевизна; мобильность и легкость обновления; масштабируемость и кроссплатформенность.

Разработка телеграм-бота состоит из следующих основных этапов: разработка технического задания, создание дизайна и навигации, верстка, программирование, размещение, тестирование и отладка.

Ролью разрабатываемого телеграм-бота является получение конкурентного преимущества, автоматизация одного из важнейших бизнес-процессов предприятия, ускорение работы сотрудников. Поэтому при разработке телеграм-бота важно учитывать компоненты, способствующие удобству использования программного продукта: обучаемость, эффективность, запоминаемость, ошибки, удовлетворенность.

Как уже было отмечено выше, разрабатываемая система представляет собой телеграм-бота. Разработка дизайна пользовательского интерфейса является одним из важнейших этапов при разработке телеграм-бота.

Пользовательский интерфейс – это точка взаимодействия человека с компьютером. Прежде всего пользовательский интерфейс должен способствовать удобной работе пользователя, так как именно с ним человек соприкасается в процессе своей работы [4].

Дизайн телеграм-бота не отличается от дизайна других приложений. Они обладают множеством общих элементов, например, командами для взаимодействия и кнопками для интеракции с ботом.

Рассмотрим дизайн пользовательского интерфейса разрабатываемой системы, представляющей собой телеграм-бота и предназначенной для автоматизации работы moderирующего органа. Для создания телеграм-бота обязательно необходимо визуализировать рабочий прототип, отрисовать кнопки, иконки, формы и другие компоненты, а после этого собрать их в гармоничный работающий макет. Важно выдерживать единый стиль интерфейса, в том числе его элементы должны быть грамотно организованы. Главная задача интерфейса – помочь пользователю быстро и легко понять, как пользоваться данным телеграм-ботом. Поэтому после долгого анализа было принято решение на главном окне с кнопками у бота располагать список кнопок с основ-

ными командами, а дальше показывать только кнопки, относящиеся к модулируемому проекту и саму информацию о проекте.

В зависимости от проекта можно выделить несколько рекомендаций для создания дизайна телеграм-бота: простота, устранение проблем совместимости, высокая производительность.

Результатом анализа стал ряд описанных особенностей дизайна телеграм-ботов, которые определяются множеством факторов: пользовательским интерфейсом, удобством использования, содержанием, креативностью и доступностью. Но самое важное помнить, что лучше всего выбирать тот дизайн, который наилучшим образом обрабатывает контент, приносит пользу и делает взаимодействие простым и удобным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромашкин В. А. Информационные технологии и их внедрение в процесс обучения / В. А. Ромашкин, А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Цифровая культура открытых городов : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2018. – С. 440–443.

2. Галиуллина Э. Р. Организационный аспект открытых образовательных ресурсов / Э. Р. Галиуллина, А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – Т. 10. – № 11. – С. 6–11.

3. Ишмуратов Р. А. Роль и место программных приложений в образовательном процессе / Р. А. Ишмуратов, Р. С. Зарипова // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации: Материалы Семнадцатой открытой Всероссийской конференции. – 2019. – С. 156–158.

4. Ширмамедова З. Н. Роль открытых электронных образовательных ресурсов в современном информационно-образовательном пространстве / З. Н. Ширмамедова, Р. С. Зарипова // Ученые записки ИСГЗ. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 536–539.

5. Кривоногова А. Е. Современные информационные технологии и их применение в сфере образования / А. Е. Кривоногова, Р. С. Зарипова // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации: Материалы Семнадцатой открытой Всероссийской конференции. Новосибирск. – 2019. – С. 399–401.

МИФ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Пастухова О.И.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор Мартишина Н.И.

Аннотация. В современном обществе миф соседствует с более рационализированной, научной картиной мира, и из-за этого создается впечатление, что в наше время мифология изжила себя. Но в каждом обществе существует своя мифологическая, синкретически-эмоциональная картина мира, и в современном мире миф не до конца утратил свое значение. В статье будут приведены и проанализированы примеры, доказывающие эту точку зрения.

Ключевые слова и словосочетания: миф, мифология, мифологическое мышление.

Миф – «...есть не только исторически первая форма культуры, но и измерение душевной жизни человека, сохраняющееся и тогда, когда миф утрачивает свое абсолютное господство. Всеобщая сущность мифа состоит в том, что он представляет собой бессознательное смысловое породнение человека с силами непосредственного бытия, будь то бытие природы или общества» [1, с. 14].

Представления о мифе было разным в разные культурно-исторические эпохи. В Древней Греции термин «миф» имел множество оттенков значения: речь, мнение, полулегендарное предание о жизни предков, вымысел, повествовательность, воображение, слух и др. В Средние века «миф» обозначал только языческие верования или формы фольклорного творчества и наделялся сугубо отрицательным значением. В Новое время и вплоть до XIX века под мифом понимали произвольную выдумку, поэтизированный каприз, воображение, субъективную фантазию, не имеющую ничего общего с действительностью. Но уже в XX веке возродилась тенденция к многозначности. Сейчас в мифе заключаются все вышеперечисленные значения. Мифом можно назвать не только легенды о сотворении мира, о Богах, которые его создали; в настоящее время миф рассматривается как синтетическая форма познания, характеризующаяся единством мысли, образа, эмоции, слова и поступка. «Миф – это чувственно воспринимаемая и в образно-символической форме отраженная сознанием реальность [2, с. 446]. Если концептуализация любого явления действитель-

ности осуществляется в логике, изначально выработанной в рамках мифологического мышления, можно говорить о современном мифе.

Благодаря такому расширению понятия мифа в современном мире можно выделить разнообразные его формы.

С одной стороны, существуют «старые» мифы – дожившие до наших дней «преданья старины глубокой»: о духах вроде лешего и домового, о колдовстве и сглазе, об общении с душами мертвых на спиритических сеансах и т. п. Несмотря на то что они уже давно рассматриваются как суеверия, немалое количество людей относится к ним вполне серьезно.

С другой стороны, формируются «новые» мифы. Это так называемые паранаучные (т. е. «околонаучные», от греч. *para* – около, возле) мифы: о летающих тарелках и пришельцах, о снежном человеке, о Бермудском треугольнике и т. д. В отличие от «старых» мифов, которые имеют «донаучный» характер, эти расцветают в условиях развитой науки. Они обычно воспринимаются как «загадочные явления», которые не укладываются в существующую систему научного знания и требуют ее пересмотра.

Мифологемы – это «стертые» мифы, обычно воспринимаемые как суждения здравого смысла, стереотипные представления, которые кажутся настолько само собою разумеющимися, что их необоснованность попросту не замечается. Иногда мифологемы формулируются как сознательно принятые установки, но чаще всего люди в своих взглядах и рассуждениях исходят из них, не особенно задумываясь об их необоснованности и вымышленности. В мифологемах используется одно из главных свойств мифологического мышления: некоторая замеченная связь между явлениями реальности рассматривается как единственно возможная, закрепляется в языке и превращается в неразделимый сплав факта, высказывания о нем и оценки.

Мифологемами являются, например, многие народные пословицы («Бьет – значит, любит» и т. п.), а также утверждения типа: «Все дети талантливы». К мифологемам можно отнести и этнокультурные стереотипы вроде следующих: «Итальянцы страстные», «Евреи умные и хитрые», «Русский человек талантлив и простодушен». В современном мире мифологемы активно использует реклама, и тем самым она еще сильнее внедряет их в умы людей. Хотя реклама далеко не всегда правдива, склонность людей доверять рекламным мифам не исчезает и продолжает формировать мир их потребностей и желаний.

Идеологические мифы отчасти складываются стихийно, а отчасти специально разрабатываются и распространяются идеологами. Большинство идеологических мифов рождается и умирает вместе с той идеологией, которую они призваны внедрять в умы.

Таким образом, причинами существования и воспроизводства современных мифов является, во-первых, деятельность структур, которые по каким-то причинам заинтересованы в распространении конкретных мифов и используют их как инструмент воздействия на сознание. Во-вторых, мифы лежат в основе нашего ментального склада (когда-то человеческое мышление как таковое формировалось на основе мифологии), и нам во многих случаях проще поверить мифу, чем рационально анализировать ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурология: учебное пособие / Т. Н. Волобуева и др.; сост. и отв. ред. А. А. Радугин. – Москва : Центр, 2003.
2. *Ставицкий А. В.* Онтология современного мифа / А. В. Ставицкий. – Севастополь : Рибэст, 2012. – 543 с.

БАЗЫ ДАННЫХ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Петров М.В.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

Аннотация. В статье рассмотрены преимущества введения базы данных на небольших предприятиях, перечисленные основные различия между реляционными и нереляционными системами. В статье приведены преимущества использования Caspio Bridge для малого предприятия.

Ключевые слова и словосочетания: проектирование, база данных, предприятие, информация, таблица, бизнес, Caspio Bridge.

Информационные технологии продолжают развиваться и все больше использоваться в различных сферах бизнеса. Небольшие компании и индивидуальные предприниматели могут извлечь выгоду из эффективности управления и организации информации [1]. Все это

можно обеспечить применением современных информационных систем. Даже малые предприятия, как правило, управляемые небольшой группой людей, в ходе своей деятельности, производят значимый объем информации, необходимый для бизнеса [2]. По мере того как предприятие начинает расти и развиваться, объем данных начинает увеличиваться вместе с ним [3]. Здесь на помощь приходят базы данных.

Базы данных представляют собой упорядоченный набор структурированной информации. Как правило, они хранятся и доступны в электронном виде через компьютерную систему. Данные могут содержать таблицы, отчеты, схемы, представления, информацию о клиентах и многое другое. Даже небольшая структурированная база данных может обеспечить быстрый доступ к информации, автоматизировать несложные, но затратные по времени задачи. База данных – это отличная инвестиция, когда бизнес начинает расти [7].

Важнейшие преимущества использования базы данных в компании:

- ввод и хранение информации о ваших продуктах или услугах;
- легкое извлечение данных по мере необходимости;
- хранение и обновление записей о персонале, клиентах, поставщиках, партнерах и т. д.;
- отслеживание истории изменений в базе данных;
- защита и безопасность данных.

Базы данных могут быть реляционными и нереляционными. Между этими типами есть существенная разница. Как правило крупные корпоративные приложения, со сложной и большой структурой, построены на реляционной модели и используют язык структурированных запросов (*SQL*). В свою очередь, *NoSQL* принято использовать, когда необходима легко масштабируемая структура, с возможностью сложных аналитических вычислений, использующих большое количество данных. Они отлично подходят для хранения пользовательских настроек и кэширования, но поскольку они «бессхемные», им не хватает гибкости и мощности для обработки сложных наборов данных.

Рассмотрим конкретные примеры *SQL* и *NoSQL* баз данных. Платформы реляционных моделей идеально подходят для крупных корпораций, формирования расширенных отчетов и интеллектуального анализа данных [5].

- *MySQL*.
- *MicrosoftSQL/TSQL*.

- *PostgreSQL*.
- *Amazon Aurora*.
- *Oracle*.

Базы данных *NoSQL*, используя неструктуризированный подход, предлагают много эффективных способов обработки данных в отдельных случаях (например, при работе с хранилищем текстовых документов). Примеры.

- *MongoDB*.
- *AWS DynamoDB*.
- *Redis*.

Сравнив модели *SQL* и *NoSQL*, можно сделать следующие выводы.

Структура данных и тип: реляционные базы данных строго требуют определенную структуру хранения данных, а в *NoSQL* моделях таких ограничений нет [6].

Запросы: реляционные модели реализуют *SQL* стандарты, поэтому данные можно получать с помощью языка *SQL*.

Масштабируемость: обе модели могут легко вертикально увеличиваться, но *NoSQL*, в силу своей современности, могут предоставлять более простые способы масштабируемости [6].

Хранение и доступ к сложным структурам данных: по своей природе реляционные базы данных предполагают работу со сложными ситуациями в отличие от *NoSQL*-решений, которые более направлены на простоту в использовании и масштабируемость [5].

Для реализации программного обеспечения на основе *SQL* может понадобиться технический специалист. В противном случае бизнесу нужно будет обучить кого-то из команды. Это можно сделать за несколько недель, но на это потребуются ресурсы в виде времени и денег, что может быть неподъемным для небольших компаний.

Облачная система баз данных может быть лучшим выбором для малого бизнеса, поскольку работа в облаке экономит место и деньги. Пример такого сервиса – *Caspio Bridge*, разрабатываемый компанией *Caspio*. *Caspio Bridge* по праву считается одной из лучших облачных систем баз данных для малого бизнеса [4].

Caspio Bridge позволяет легко сортировать большие объемы данных и отображать их в удобном для чтения формате. Скачивание специального программного обеспечения не требуется, нужно лишь авторизоваться в системе, после чего *Caspio Bridge* готова к работе [4].

Рабочие процессы можно настраивать без необходимости написания сложного кода, поскольку *Caspio Bridge*, в первую очередь, предназначен для технически менее продвинутых пользователей и ИТ-специалистов. Они могут создавать формы через интерфейс веб-приложений и облачные базы данных для предприятий и индивидуального пользования. На этой платформе возможно создать онлайн приложение базы данных не прибегая к написанию кода.

Caspio Bridge предоставляет пользователям широкий спектр обучающих программ, чтобы помочь им создавать собственные приложения путем комбинирования различных типов веб-форм, виджетов и т. д. Это может помочь пользователям обходить необходимость создания отчетов, диаграмм, презентаций, а также другие виды ручного статистического представления данных документов [4].

Разработка может осуществляться достаточно быстро благодаря встроенным инструментам, а триггеры базы данных могут быть созданы и запланированы для автоматизации задач и оптимизации рабочего процесса в малом бизнесе. *Caspio Bridge* не имеет ограничений по количеству пользователей, также он способен сильно масштабироваться. Это значит, что сервисы *Caspio Bridge* отлично подходят для малых и развивающихся предприятий [4].

Перечисленные в совокупности преимущества говорят о легкости в использовании пользователями. Задачи, которые могли выполняться в течение недели, в *Caspio* будут выполняться в течение нескольких часов.

Поддержка клиентов от *Caspio* также надежная, с коротким временем ожидания. Обновления выпускаются регулярно, и в зависимости от потребностей пользователя можно приобрести различные уровни безопасности по разным ценам.

Итак, рассмотрев варианты создания информационной системы для малого предприятия, можно сделать вывод, что одной из лучших информационных систем для небольшого развивающегося предприятия можно назвать *Caspio Bridge*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алемасов Е. П. Влияние цифровизации на экономику предприятия / Е. П. Алемасов, Р. С. Зарипова // Наука Красноярья. – 2020. – Т. 9. – № 2-4. – С. 12–16.

2. Алемасов Е. П. Цифровизация промышленности как инструмент повышения производства / Е. П. Алемасов, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 2 (20). – С. 107–109.

3. Зарипова Р. С. Технологический суверенитет современной России и перспективы его дальнейшего развития / Р. С. Зарипова, Р. Ф. Мустафин // Цифровая трансформация промышленности: новые горизонты: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 176–178.

4. Обзор возможностей облачных баз данных, на примере использования Caspio Bridge // HABR. – URL: <https://habr.com/ru/post/68889/> (дата обращения: 10.04.2023).

5. Bridging the gap between SQL and NoSQL // Sikhote-Alin. – URL: <http://sikhote.files.wordpress.com/201105artigo-mi-star1.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

6. NoSQL Databases // christof-strauch. – URL: <http://www.christof-strauch.de/nosql dbs.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

7. Database design basics // Microsoft. – URL: <https://support.microsoft.com/en-us/office/database-design-basics-eb2159cf-1e30-401a-8084-bd4f9c9ca1f5#bm-normalization> (дата обращения: 10.04.2023).

ВЫЗОВЫ, ОСЛОЖНЯЮЩИЕ ПРОЦЕСС ЦИФРОВИЗАЦИИ МУЗЕЕВ

Плахова Ю.В.

Санкт-Петербургский университет Петра Великого
Научный руководитель: директор ВШМиСО Арканникова М.С.

Аннотация. Цифровая реальность предоставляет обществу множество новых возможностей, в том числе и посещение музеев в онлайн-формате, однако данный процесс порождает собой определенные вызовы, речь о которых пойдет в данной статье.

Ключевые словосочетания: цифровизация музеев, цифровое пространство музеев.

Изменения, связанные с развитием цифровых технологий, открывают новые возможности для защиты и повышения ценности культурного наследия с целью обеспечения его передачи будущим поколениям. Технологии стали неотъемлемой частью жизни современного

общества, вызвав изменения как в социальном, так и в культурном плане. В мире искусства и, в частности в мире музеев, необходимость создания новых стратегий для стимулирования наслаждения искусством становится все более необходимой. Данный вопрос появился еще в 2019 году, в связи с пандемией Covid-19, которая сделала невозможным посещение выставок и музеев [3, с. 146]. Таким образом, постепенно цифровые реалии начали активно внедряться и в пространство музея. Однако стоит отметить, что данный процесс позволяет музею преодолеть территориальные и временные рамки, а также представляет собой «пространство, находящееся в непрерывном развитии, обладающее высокой силой информационного, коммуникативного и эмоционального воздействия, где посетители не только знакомятся с искусством, но и получают новый эмоциональный опыт» [1, с. 36].

В современном мире, по мнению А. Никоновой и М. Бирюковой [6, с. 171], сложилась гибридная ситуация, в которой физические измерения культурного наследия сливаются с их виртуальными измерениями. Это означает, что происходит конвергенция музейного и медиапространства, вопрос об этом явлении подробно поднимается в статье А. Новиковой [4]. Процессы оцифровки и виртуализации коллекций переносят коммуникацию музеев с аудиторией на новый уровень. Посетители становятся одновременно пользователями информации и создателями контента. Однако теряется «здесь и сейчас» экспоната выставленного в музее, что меняет его ценность как вещественного свидетельства истории.

Также в статье А. Никоновой и М. Бирюковой [6, с. 171] представлены идеи о том, что необходимо подумать, как обеспечить подлинность сохраненной цифровой информации, а также целостность знаний и опыта, созданных в виртуальных средах. При этом еще одна проблема, которую выделяют авторы, – технологическое устаревание, поскольку необходимо предвидеть, что технологии и форматы цифровых файлов будут все быстрее заменяться другими, что требует постоянного обновления. Авторы также выделяют проблему, связанную с преобразованием массы цифровых данных, содержащихся в хранилищах, в полезные знания для аудиторий, учитывая особенности информационных запросов каждой из них. Из этого вытекает одна из главных проблем перехода музея в новую, цифровую реальность – снижение интеллектуального уровня посетителей и появление «цифровой деградации» [2, с. 115–117]. Именно эти главные опасения высказывают

множество исследователей, ведь с переходом музея в цифровую реальность возникает угроза ослабления культурного развития общества, поскольку технологии не могут передать тот исторический клад, который можно увидеть только при непосредственном посещении музеев. Представляется трудным сравнивать традиционный музей с новыми цифровыми возможностями, потому что они представляют собой две сущности, которые, хотя и дополняют друг друга, но во многом противоречат друг другу: зритель может посетить ранее немыслимые места культуры, но он не сможет получить одни и те же эмоции по сравнению с непосредственным посещением. Для того чтобы предотвратить культурный разрыв и адаптироваться к новой реальности, которая заключается в непосредственной цифровизации всех сфер жизни современного общества, Министерство культуры Российской Федерации разработало проект [5], согласно которому был утвержден план развития музеев в цифровой среде до 2024 года.

Опыт самоизоляции неизбежно подтолкнул культурные и творческие учреждения к инновациям и изменению своей собственной структуры, организации и способов взаимодействия с общественностью. Эволюция выставочных пространств, связанных с миром искусства, благодаря виртуальной и дополненной реальности движется в направлении доступности, интерактивности и связи. Однако стоит принять во внимание тот факт, что цифровое пространство не является заменой музейному, а создает гибридизацию, позволяющую идти в ногу со временем и менять темпы развития исходя из новых реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арканникова М. С.* Стратегические коммуникации музейных институций / М. С. Арканникова // Коммуникология. – 2022. – Т. 10. – № 4. – С. 35–47. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-4-35-47.
2. *Горелов О. И.* Развитие музея в цифровом пространстве: постановка проблемы / О. И. Горелов, С. И. Горелова, А. Л. Третьяков // Мир образования. – 2020. – № 1(77). – С. 112–121.
3. *Коровникова Н. А.* Цифровой музей: особенности и перспективы развития / Н. А. Коровникова // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – № 1. – С. 145–154.
4. *Новикова А. А.* Музеи и их виртуальные расширения: конвергенция на фоне карантина / А. А. Новикова // Искусство в контексте пандемии: медиатизация и дискурс катастрофизма / Государственный институт искусствознания. 2020. – С. 456–475.

5. Приказ Министерства культуры России от 01.03.2019 № 229 «Об утверждении плана деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2019–2024 годы». – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkultury-rossii-ot-01032019-n-229-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 03.04.2023).

6. *Nikonova A., Biryukova M.* The Role of Digital Technologies in the Preservation of Cultural Heritage / A. Nikonova, M. Biryukova // *Muzeologia a Kulturne Dedicstvo*. – 2017. – № 5. – С. 169–173.

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ракунова Е.А., Дымнич Е.А., Данилкова М.П.

Новосибирский государственный технический университет

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных философских проблем – существованию человека в новой цифровой реальности. Новые условия адаптации и новые способы бытия в информационной среде приводят к трансформации и самого человека.

Ключевые слова: цифровизация, человек, антропология.

Современное состояние развития общественных отношений принято называть информационным обществом. Одним из важнейших атрибутов нового этапа эволюции становится интернет-пространство, представляющее собой глобальное информационное пространство, включающее коммуникации людей из разных уголков планеты, перемещение огромного числа видов человеческой деятельности в цифровую среду. Все это является лишь отдельными модулями цивилизации нового информационного порядка. Инфокоммуникативные технологии прочно входят в повседневную жизнь современного человека и становятся фактором, способным изменить мышление и поведение человечества, а также формировать интересы, ценности и мировоззренческие позиции.

Существовать в условиях информационного общества значит блуждать по лабиринтам бесконечной информации, погружаясь в потоки текстов, новостей и образов, и значит быть вовлеченным во множество дискуссий, даже не принимая в них участия. Человек вынужден адаптироваться, подстраиваться под условия новой информационной среды. Надо отметить, что адаптационные процессы приобре-

тают усложненный характер. Прежде всего, это детерминировано объемом информации и средств коммуникации, которые кардинально изменились в последнее время.

Сегодня информационная среда играет колоссальную роль в жизни человека, закрепляя за собой статус социокультурной. Очевиден тот факт, что с каждым годом количество пользователей интернета возрастает в геометрической прогрессии. Опрос показал, что самыми распространенными мотивами пребывания в Сети являются коммуникативный (26 %) и мотив самореализации (52 %) [1].

Виртуальная реальность, искусственный интеллект оказывают настолько сильное влияние на человека, что появилась острая необходимость в исследовании взаимодействия человека с виртуальным миром. Так появляется киберантропология. В качестве эмпирического исследования киберантропология занимается психофизиологией и психофизикой, смысловым и семиотическим взаимодействием человека с виртуальной реальностью.

Кроме того, цифровые трансформации порождают потребность в появлении нового знания, в частности цифровой антропологии. Цифровая антропология рассматривает распространение глобальных информационных и коммуникационных технологий в самых различных социальных и культурных полях не только как чисто технологический, социально нейтральный акт, но и как изменение способов коммуникации во всем мире [2]. Исследования в рамках этой дисциплины свидетельствуют о том, что цифровизация не делает человека менее человеческим, а культуру не лишает ее сущности. Наоборот, развитие технологий помогает человеку получить новые знания об окружающем его мире и о самом себе.

В завершение отметим, что современный цифровой мир – это не миф, а реальность, в которой существует современный человек. Цифровые трансформации в системе общественных отношений решают многие проблемы, но вместе с тем ряд важных вопросов до сих пор не осмыслен и необходимо предпринимать усилия для их решения. В условиях современной цифровой эпохи технологические проекты нуждаются в серьезной философской экспертизе, направленной на гуманизацию информационных технологий и культивирование высших человеческих ценностей: свободы, личной автономии, достоинства, идентичности, творчества, взаимопонимания. Будем надеяться, что эти принципы не будут утрачены в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропология интернета. – URL: https://studme.org/220790/sotsiologiya/antropologiya_interneta_tsifrovaya_antropologiya_kiberantropologiya (дата обращения: 24.03.2023).

2. Гафарова Ю. Ю. Цифровая антропология: установки и принципы / Ю. Ю. Гафарова. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/290569/1/10-14.pdf> (дата обращения: 24.03.2023).

ВИРТУАЛЬНАЯ И ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Сафина К.И.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук Зарипова Р.С.

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальность развития технологий виртуальной и дополненной реальности и их активное применение в учебных заведениях, а также и во многих других областях. Без простейшего компьютера, ноутбука, смартфона и прочих цифровых устройств уже многое немислимо, в том числе и бытовое существование современного человека.

Ключевые слова и словосочетания: виртуальная реальность, информационные технологии, дополненная реальность, VR/AR-технологии, образование, цифровизация.

В информационном виртуальном мире возник новый подвид человека, которого стали называть человек цифровой. Словосочетание «цифровая реальность» быстро вторглось в словарный запас человека, его использование становится все чаще и это становится модно, актуально, современно. Человек в современном цифровом пространстве отличается от человека, жившего лет 30 назад. Эти изменения видны не только на взрослых людях, но и на юных жителях нашей планеты. Со стороны кажется, что для молодого поколения виртуальный и реальный миры равноценны. Они не видят различий между мирами и с легкостью переходят из одного мира в другой [1, с. 126].

Усвоение материала какого-либо предмета в учебном заведении зависит от степени вовлеченности самого студента. Исследователями было не раз доказано, что живому существу намного легче запомнить

информацию, которая может воздействовать на несколько органов чувств [2, с. 70].

Использование и применение виртуальной и дополненной реальности несет большую пользу, когда альтернативные методы являются трудновыполнимыми, неэффективными или неинтересными. Помимо этого, имеется еще немало положительных аспектов использования VR/AR-технологий в процессе обучения студентов. Трехмерная графика наглядно моделирует и показывает сложные процессы с нужной детализацией [3, с. 81]. Еще одним преимуществом является то, что скорость процесса можно подстроить под себя.

Доказательством того, что устройства виртуальной реальности — это необходимость в современном мире, является их использование в качестве тренажера для отработки сложных и опасных элементов без риска для здоровья обучающегося, например, обучение пожарников тушению пожаров в высотных зданиях или медиков в оказании медицинской помощи пострадавшему. Эффект полного погружения позволяет проводить учебные занятия в режиме виртуальной и дополненной реальности, что позволяет проводить обучение дистанционно. Тот или иной созданный виртуальный объект можно использовать безграничное количество раз без каких-либо затрат.

Безусловно, созданная виртуальная модель не сможет заменить и полностью искоренить реальный объект или процесс, но может позволить подготовиться к реальной ситуации с максимально возможной детализацией и без каких-либо потерь по времени и здоровью. Проекты виртуального моделирования реальности все чаще внедряются в процесс обучения. Большое внимание VR/AR-разработки на данный момент уделяется в сфере медицины. В частности, в мире уже созданы виртуальные симуляторы с тактильной обратной связью для хирургов и стоматологов. Для этого пользователю необходимо взять два наколечника-манипулятора и надеть очки VR. После можно отрабатывать приобретенные навыки на виртуальном пациенте.

Заслуживающим внимания является опыт Российской Федерации в направлении использования VR/AR-технологий в учебном процессе. В Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова активно разрабатываются и используются технологии виртуальной, смешанной и дополненной реальности. Процесс разработки начинается с математических моделей и изучения физиологических основ, а заканчивается аппаратной и программной реализацией. Такая активная

деятельность и насыщенная программа привели к появлению магистерской программы на новом факультете космических исследований МГУ, посвященной технологическим основам виртуальной и смешанной реальности.

В результате работы проведен обзор и анализ накопленного опыта применения технологий виртуальной и дополненной реальности в процессе обучения [4, с. 5]. Проанализированы исследования эффективности применения VR/AR-технологий в области образования. Показано, что данные технологии позволяют существенно повышать рентабельность и качество обучения за счет возможности многократной практической отработки навыков без воздействия на обучающегося возможных в реальной жизни опасных факторов имитируемых ситуаций. Поскольку «оцифровывание» будет продолжаться, необходимо знать меру использования информационных технологий и не забывать, что человечество живет в реальном мире, а не в виртуальном, поэтому важно поддерживать живую связь с людьми и наслаждаться реальной жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галиуллина Э. Р.* Цифровые игры как способ обучения / Э. Р. Галиуллина, Р. С. Зарипова // Ученые записки ИСГЗ. – 2019. – Т. 17. – № 1. – С. 126–129.
2. *Соболев В. Ю.* Интерактивные методы обучения как основа формирования компетенций / В. Ю. Соболев, О. В. Киселева // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 9. – С. 70–74.
3. *Никитина У. О.* Проблемы и перспективы применения технологий виртуальной реальности / У. О. Никитина, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 2 (20). – С. 81–83.
4. *Андрушко Д. Ю.* Применение технологий виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе: проблемы и перспективы / Д. Ю. Андрушко // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2018. – № 6 – С. 5–10.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Силкина О.Ю.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

Аннотация. Одним из современных направлений развития общества является цифровизация. В статье рассматриваются основные направления цифровизации, а также их влияние на жизнь человека в целом.

Ключевые слова и словосочетания: цифровизация, направления цифровизации, влияние цифровизации на человека, позитивные и негативные последствия цифровизации.

Цифровизация – одна из основных тенденций развития современного общества. В общем смысле цифровизация – процесс повсеместного внедрения информационных технологий [1]. Сейчас информационные технологии применяются практически во всех сферах жизнедеятельности человека: социальной, экономической и т.д. Например, информационные технологии внедряются в деятельность многих производственных предприятий и организаций сферы услуг, в результате чего жизнедеятельность практически каждого человека связана с этими технологиями [2]. В результате чего возникает вопрос: как влияет цифровизация на жизнь человека в целом?

В последнее время информационные технологии стремительно развиваются. Не так давно многие только слышали о существовании интернета и компьютеров, сейчас же практически все люди пользуются интернетом и имеют компьютер (причем иногда и не один). Современные люди уже не могут представить мир без информационных технологий, и, конечно, это имеет определенные последствия [3].

Для определения последствий цифровизации необходимо выделить ее основные направления. Основными направлениями цифровизации являются:

- автоматизация бизнес-процессов с минимизацией участия человека;
- интернет-вещей;
- дополненная реальность;
- виртуальная реальность;

- 3D-моделирование и 3D-печать;
- технологии машинного обучения и искусственного интеллекта;
- связь цифровой экономики с робототехникой [4].

На наш взгляд наибольшее влияние на современного человека оказывают такие направления цифровизации:

- автоматизация бизнес-процессов с минимизацией участия человека;
- технологии машинного обучения и искусственного интеллекта;
- связь цифровой экономики с робототехникой.

Рассмотрим каждое из этих направлений.

Автоматизация бизнес-процессов – подход к управлению процессами за счет использования машин и программного обеспечения. Основной целью данного подхода является уменьшение степени участия человека в процессе или же полное его исключение [5]. Данное направление цифровизации требует более квалифицированных работников, способных обслуживать высокотехнологичные машины и программное обеспечение. Однако в то же время оно требует меньше работников, что вызывает безработицу [6].

Технологии машинного обучения и искусственного интеллекта также направлена на замещение человека во многих процессах, выполнение его функций, так как основной идеей данного направления цифровизации является замена умственной деятельности человека путем наделения компьютеров имитирующими человека способностями (слухом, зрением, способностью к обучению) [7]. Данное направление цифровизации также способно вызвать безработицу и другие социальные проблемы, например, дегуманизацию (так как уменьшается значимость саморазвития человека).

Связь цифровой экономики с робототехникой предполагает внедрение в производственные процессы роботов. С одной стороны, внедрение роботов способствует повышению безопасности труда, а с другой стороны, вызывает безработицу из-за частичной или полной замены человека.

Таким образом, цифровизация производственной деятельности человека, с одной стороны, помогает сделать трудовую деятельность человека более безопасной, а с другой стороны, вызывает безработицу и дегуманизацию из-за сокращения доли участия человека в определенных процессах.

В дополнение стоит заметить, что цифровизация затрагивает не только трудовую деятельность человека, но и повседневную жизнь. Например, повсеместное распространение интернета и компьютеров повлекло за собой появление социальных сетей, обеспечивающих связь людей на расстоянии. С одной стороны, существование социальных сетей помогает людям всегда оставаться на связи, с другой же, их наличие значительно снизило живое общение людей.

В заключение можно сделать вывод: цифровизация имеет как позитивные, так и негативные последствия. Таким образом, нельзя сказать, что прекращение процесса цифровизации будет правильным решением. Наоборот, процесс цифровизации необходимо продолжать и расширять его направления с целью повышения качества жизни людей, качества их труда. Однако всегда стоит помнить о негативных последствиях, которые необходимо минимизировать или полностью исключить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зарипова Р. С.* Технологический суверенитет современной России и перспективы его дальнейшего развития / Р. С. Зарипова, Р. Ф. Мустафин // Цифровая трансформация промышленности: новые горизонты: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2022. – С. 176–178.
2. *Зарипова Р. С.* Исследование влияния информационных технологий на формирование ценностных ориентаций современных студентов / Р. С. Зарипова, Н. Г. Бикеева // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 9. – № 7-2. – С. 110–113.
3. *Рочева О. А.* Анализ условий жизни населения России / О. А. Рочева, Я. О. Рочева // Энергетика, инфокоммуникационные технологии и высшее образование: материалы Международной научно-технической конференции. – Казань, 2023. – Т. 2. – С. 551–554.
4. *Галиуллина Э. Р.* Проблема возрастного цифрового разрыва современности / Э. Р. Галиуллина, А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 25–29.
5. *Саханевич Д. Ю.* Исследование подходов и методов применения искусственного интеллекта и машинного обучения в социально-экономических процессах / Д. Ю. Саханевич // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2020. – № 18 (2). – С. 65–79.
6. *Вантяева А. С.* Социальные риски внедрения технологий искусственного интеллекта / А. С. Вантяева // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7. – С. 67–71.

7. Коданева А. В. Опасности искусственного интеллекта / А. В. Коданева, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 3 (21). – С. 34–37.

АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ: НАПРАВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Сиразева А.Л.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: доцент, канд. техн. наук Зарипова Р.С.

Аннотация. В последние годы использование Learning Analytics (LA) превратилось в мощный инструмент для понимания и оптимизации обучения студентов, позволяющий преподавателям принимать рациональные решения и поддерживать успех обучающихся. Цель этой статьи – изучить использование LA в контексте образования в России, уделив особое внимание ее потенциалу для улучшения результатов обучения студентов.

Ключевые словосочетания: Learning Analytics, информационные технологии в образовании, анализ данных, методы аналитики обучения.

Learning Analytics – это область исследований, которая включает сбор, анализ и представление данных об обучающихся и их окружении, с целью понимания и оптимизации обучения и среды, в которой оно происходит. С ростом платформ онлайн-обучения и растущей доступностью данных университеты теперь имеют возможность собирать и анализировать огромные объемы данных об успеваемости и вовлеченности студентов. Этот подход предполагает использование данных для поддержки и улучшения успеваемости обучающихся [1].

Интеллектуальный анализ образовательных данных является относительно новым методом, внедряемым для выявления областей совершенствования систем образования. Собирая информацию о студентах и условиях, в которых они учатся с использованием образовательных технологий, учреждения могут лучше понять их текущую ситуацию обучения и определить лучший способ для их обучения.

Обычно собираемая информация включает в себя то, сколько студентов получили доступ к определенной части информации, когда она была просмотрена и как долго она отображалась на экранах их компь-

ютеров. Интеллектуальный анализ образовательных данных также может собирать информацию об оценках учащихся.

Использование LA потенциально может обеспечить целый ряд преимуществ для студентов, преподавателей и учебных заведений. Некоторые из ключевых преимуществ включают следующее.

1. Персонализированное обучение: использование LA может поддерживать развитие персонализированного опыта обучения путем сбора данных об индивидуальном поведении и предпочтениях студентов в процессе обучения. Эта информация может быть использована для разработки программ обучения, которые адаптированы для удовлетворения уникальных потребностей каждого учащегося, что приводит к большей вовлеченности студентов и улучшению результатов [2].

2. Улучшенные результаты студентов: отслеживая прогресс обучающихся с течением времени, учебные заведения могут определить области, в которых обучающимся требуется дополнительная поддержка, и разработать стратегии для улучшения их результатов.

3. Усовершенствованные методы обучения: аналитика обучения может дать представление об эффективности методов обучения, позволяя преподавателям принимать основанные на данных решения о том, как улучшить обучение учащихся.

4. Эффективное распределение ресурсов: отслеживая данные об успеваемости учащихся, учебные заведения могут принимать рациональные решения о том, как распределять ресурсы и поддерживать успехи учащихся.

5. Раннее вмешательство: предиктивная аналитика, подобласть LA, включает в себя использование данных и алгоритмов машинного обучения для прогнозирования будущего поведения и трудоспособности студентов. Эта информация может быть использована для выявления областей, где учащимся может потребоваться дополнительная поддержка, прежде чем они отстанут от программы, что позволяет учреждениям обеспечивать раннее вмешательство, т.е. раннюю поддержку успеваемости студентов.

6. Предложение дополнительных ресурсов: отслеживая данные об успеваемости, преподаватели могут предлагать различные дополнительные ресурсы для изучения темы (учебные материалы, сайты и т. д.).

В то время, как LA имеет потенциал для значительного улучшения обучения студентов и академической успеваемости, существуют также

потенциальные проблемы, которые необходимо решить. Некоторые распространенные проблемы включают в себя следующее.

1. Конфиденциальность и безопасность данных: LA опирается на сбор и хранение конфиденциальных данных студентов, что вызывает беспокойство по поводу конфиденциальности и безопасности. Для решения этих проблем учреждения должны иметь надежные политики безопасности и конфиденциальности данных для защиты и обеспечения ответственного использования [3].

2. Качество данных: качество данных, собранных с LA, имеет решающее значение для принятия обоснованных решений об обучении студентов. Однако могут возникнуть проблемы с обеспечением точности и достоверности данных, особенно, если данные собираются из нескольких источников или если процесс сбора данных является ошибочным. Для решения этих проблем учреждения должны иметь четкие протоколы сбора данных и регулярно оценивать качество собираемых данных [4].

3. Интерпретация данных: могут возникнуть проблемы с интерпретацией данных, собранных с помощью LA, особенно, если данные являются сложными или информация не представлена четко. Для решения этих проблем учреждения должны обеспечить обучение и поддержку преподавателей и других заинтересованных сторон в том, как эффективно интерпретировать и использовать данные для принятия обоснованных решений об обучении студентов [5].

4. Сопротивление изменениям: использование LA также может столкнуться с сопротивлением со стороны преподавателей и других заинтересованных сторон, которые могут быть недовольны использованием технологий в вузе или которые могут сопротивляться изменениям. Чтобы решить эту проблему, учреждения должны взаимодействовать с заинтересованными сторонами и предоставлять четкие объяснения преимуществ и целей LA, а также решать любые проблемы, которые у них могут возникнуть.

Хотя LA имеет потенциал для значительного улучшения обучения студентов и академической успеваемости, существуют также потенциальные проблемы, которые необходимо решить, такие как конфиденциальность и безопасность данных, качество данных, интерпретация данных и сопротивление изменениям. Решая эти проблемы и эффективно внедряя LA, учреждения могут улучшить результаты студентов и улучшить академическую успеваемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зарипова Р. С.* Анализ функционирования системы оценки знаний обучающихся / Р. С. Зарипова, В. В. Халуева // Russian Journal of Education and Psychology. – 2019. – Т. 10. – № 5. – С. 31–35.
2. *Алемасов Е. П.* Информационно-коммуникационные технологии как фактор развития обучающихся / Е. П. Алемасов, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 4 (22). – С. 39–41.
3. *Кривоногова А. Е.* Современные информационные технологии и их применение в сфере образования / А. Е. Кривоногова, Р. С. Зарипова // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации: Материалы Семнадцатой открытой Всероссийской конференции. – 2019. – С. 399–401.
4. *Силкина О. Ю.* Тенденции в развитии искусственного интеллекта / О. Ю. Силкина, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 3 (21). – С. 63–65.
5. *Ромашкин В. А.* Информационные технологии и их внедрение в процесс обучения / В. А. Ромашкин, А. А. Шакиров, Р. С. Зарипова // Цифровая культура открытых городов : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2018. – С. 440–443.

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИЗРАИЛЯ

Смага А.А.

Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ

Аннотация. Акцент Израиля на инновационных технологиях стал ключевым фактором в его внешней политике. Используя свой опыт в таких областях, как кибербезопасность, биотехнологии, возобновляемые источники энергии и искусственный интеллект, Израиль смог расширить свое глобальное влияние и наладить партнерские отношения со странами по всему миру.

Ключевые слова и словосочетания: инновации, технологическое сотрудничество, высокие технологии, Израиль.

В начале 2023 года к аудитории социальных сетей МИД Израиля израильский чиновник обратился на 8 языках – арабском, китайском, фарси, греческом, хинди, португальском, русском и турецком. Причем

ни одного из них этот сотрудник израильского МИД не знал. Видео, созданные компьютером, которые даже при близком рассмотрении нельзя было отличить от настоящих, – яркий пример использования последних разработок исследователей в области искусственного интеллекта во внешней политике Израиля.

Общеизвестно, что Израиль стал мировым лидером в области инноваций, с оживленной экосистемой стартапов и процветающим технологическим сектором. Несмотря на свои небольшие размеры и относительно небольшую историю, Израиль завоевал репутацию центра передовых исследований и разработок. В последние годы внешняя политика Израиля формируется благодаря его опыту в области высоких технологий.

От кибербезопасности и искусственного интеллекта до чистой энергии и медицинских исследований Израиль позиционирует себя как лидера во многих технологических сферах, которые меняют мир. В результате Израиль строит свою внешнюю политику так, чтобы наладить новые партнерские отношения и построить более прочные связи с другими странами, используя свое технологическое превосходство для продвижения своих дипломатических и экономических интересов.

Так, возможность развития технологического сотрудничества с Израилем стала одним из ключевых факторов подписания Соглашений Авраама. Соглашения Авраама – серия соглашений между Израилем и несколькими арабскими странами, устанавливающие дипломатические отношения арабских стран с Израилем и направленные на укрепление мира, стабильности и экономического роста в регионе. При подписании стороны исходили из того, что Соглашения могут открыть новые возможности для сотрудничества и инноваций в области развивающихся технологий и проложить путь для совместных проектов исследований и разработок в таких областях, как возобновляемые источники энергии, здравоохранение и технологии.

Так, сразу после подписания Соглашений, когда все внимание исследователей было сосредоточено на политических аспектах договоренностей, начало развиваться самое активное сотрудничество в области технологий между Израилем и ОАЭ.

ОАЭ и Израиль являются двумя крупными технологическими центрами в ближневосточном регионе. Однако технологический сектор каждой страны имеет свою собственную нишу. Израиль специализиру-

ется на глубоких технологиях, таких как блокчейн, кибербезопасность и искусственный интеллект, а ОАЭ являются технологическим лидером в области цифровой трансформации и инфраструктуры умных городов. Более того, Израиль и ОАЭ, находясь в регионе с неблагоприятными условиями для ведения сельского хозяйства, занимают высокие позиции в сфере повышения эффективности агропромышленного комплекса и опреснения воды. Активное сотрудничество ведется и в области разработки альтернативных источников энергии и особенно в сфере кибербезопасности. В этом смысле технологический альянс ОАЭ и Израиля является взаимодополняющим и позволяет двум странам извлекать выгоду из взаимного сотрудничества. Две страны являются друг для друга рынками высоких технологий и источниками инвестиций в капиталоемкие технологии.

В последнее время Израиль старается всегда включать вопросы технологического сотрудничества в диалог с другими странами. Инновации и развитие неизменно становятся темами для обсуждения лидеров государств в ходе визитов премьер-министра Израиля в другие страны или иностранных лидеров в Израиль.

По мере того как мир становится все более цифровым, страны по всему миру начинают понимать, что ключ к сохранению конкурентоспособного экономического преимущества – это вступление на технологическую арену. Технологии революционизируют наш образ жизни, и потому сотрудничество с Израилем действительно выгодно, так как он многое может предложить другим странам.

В рамках технологического диалога Израиль подписал соглашения о сотрудничестве с такими странами, как Индия, Китай, США, с государствами Вышеградской группы, что привело к началу совместных проектов, исследований и разработок и обмену знаниями и опытом. Особый интерес, особенно в последнее время на фоне пандемии COVID-19, вызывают израильские разработки в медицине, медицинского оборудования и цифрового здравоохранения.

Технологическое сотрудничество изменило позиции Израиля на международной арене. Из государства, незаконно оккупировавшего земли соседней страны и находящегося в изоляции со стороны других соседей, Израиль превратился в надежного партнера в сфере технологий и стал той страной, к которой другие могут обратиться, чтобы не отстать в инновационном развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайт МИД Израиля. – URL: https://www.gov.il/ru/departments/ministry_of_foreign_affairs/govil-landing-page.
2. Freedman, E. (2023, March 26). The Next Frontier: Israel taps AI and metaverse for aid in digital diplomacy. The Times of Israel. – URL: <https://www.timesofisrael.com/the-next-frontier-israel-taps-ai-and-metaverse-for-aid-in-digital-diplomacy/>.
3. The United States Government. (2022, July 13). Joint U.S.-Israel statement on launching strategic high-level dialogue on technology. The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/13/joint-u-s-israel-statement-on-launching-strategic-high-level-dialogue-on-technology/>
4. שנתיים ל"הסכמי אברהם": קצב ההתקדמות מרשים, האתגרים רבים. מאיר בן שבת. והפוטנציאל רחוק ממיצוי. Институт исследований вопросов национальной безопасности, 2022. – URL: <https://www.inss.org.il/he/publication/abraham-accords-two-years/>.

ДАВЛЕНИЕ НА ПСИХИКУ ЧЕЛОВЕКА МОТИВАЦИОННЫМИ ВИДЕО В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Соколов Е.Н.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
Научный руководитель: канд. экон. наук Абулханова Г.А.

Аннотация. Videoblogging в современном обществе имеет огромное значение как способ размещения информации в Интернете. Популярная хостинг-платформа «YouTube» предоставляет множество полезной, позитивной и мотивационной информации для людей, но с течением времени обнаружился ряд проблем, о которых мало говорят на данный момент времени. Такими проблемами стали развитие депрессивных настроений у некоторых лиц, деформация личности и другие проблемы, связанные с негативным влиянием на умы аудитории блогеров, чья жизнь, действия и советы транслируются в массы через Интернет.

Ключевые слова и словосочетания: videoblogging, хостинг-платформы, социальные сети, видеоплатформы, мотивация, деформация личности, психологическое давление.

Видеоблогинг как форма размещения информации в Интернете сейчас находится на пике популярности. Под видеоблогом (или vlogs) мы подразумеваем блоги, где информация подается в формате видеопостов, хотя посты могут включать в себя текст для формирования видеоконтекста, фокус сообщения – видео. Предоставление информации в формате видео дает автору большую свободу в коммуницировании со своей аудиторией, позволяет ему более точно и обширно представить свое мнение и раскрыть информацию, которую он хочет преподнести своей аудитории, взаимодействовать со зрителями прямо и интерактивно. Все эти положительные качества предоставления информации публике делают видеохостинги и блогинг популярными явлениями в современном цифровом обществе.

Блогеры стараются предоставлять максимально полезный, мотивационный и жизненный контент своей аудитории, подкрепленный собственными историями из жизни. Часто можно увидеть заголовки видео «Мотивация на успех», «Мотивация для саморазвития», «Как я заработал(а) свой первый миллион в 18 лет», «Фриланс. Мои заработки» и так далее. Блогеры хотят поделиться своим опытом, знаниями и достижениями с публикой и делают они это зачастую без какого-либо плохого подтекста. Но переизбыток в последнее время такой информации на просторах Интернета наталкивает множество людей на мысль о том, что они делают что-то не так в своей жизни, ведь столько блогеров и инфлюенсеров достигли больших достижений на работе, в зарплате, они много путешествуют, выкладывают красивые фотографии повседневной жизни, где держат в руках ключи от новенькой машины или большое количество денег, а ведь им всего 16–25 лет.

Невольное сравнение своей и чужой личной жизни, финансового положения и возможностей, показанных через социальные сети и видеоблогерами, зачастую приводит человека, чье положение менее выигрышно, к упадку психологического состояния, которое может перерасти в деформацию личности. Недовольство своими успехами или положением своего социального и экономического статуса иногда приводит некоторых людей к обесцениванию себя и своей жизни в целом.

Надо понимать, что по ту сторону экрана находится такой же человек, с такими же проблемами, целями – обычный человек. Не все видео в интернете, истории, фотографии являются правдой. В погоне за красивым, интересным и захватывающим контентом многие блогеры

недоговаривают, преувеличивают или вообще обманывают пользователей Интернета. Все эти возможности стоит учитывать при просмотре любого контента и не всегда стоит верить человеку по ту сторону экрана.

Данная статья рассматривает видеоблогинг как явление, не только имеющее позитивное влияние на умы пользователей Интернета, но и то, что является в некоторых случаях сдвигающим фактором деформации личности, посредством гиперболизации, недоговорок и обмана при создании положительного контента.

ПРОБЛЕМЫ, ПОРАЖДАЕМЫЕ ПОИСКОМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ В ИНТЕРНЕТЕ

Соколова Е.Н.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
Научный руководитель: канд. экон. наук Абулханова Г.А.

Аннотация. С развитием цифрового пространства появились безграничные возможности знакомства в Интернете: поиск друзей по интересам, собеседника, связь с иностранцами для лингвистических практик с носителем языка, поиск бизнес-партнеров и инвесторов, а также поиск второй половины для романтических отношений. Часто люди сталкиваются с этическими проблемами при поиске возлюбленных на просторах Сети.

Ключевые слова и словосочетания: Интернет, социальные сети, знакомство, поиск второй половины, мошенники.

В век цифрового развития знакомство стало происходить через популярные социальные сети, форумы и направленные на это приложения. Хотя 10–15 лет назад нахождение второй половины для серьезных отношений через Интернет было редкостью и для многих не воспринималось как что-то приемлемое. Некоторые утверждали, что онлайн-знакомство – это несерьезно, а пары, которые нашли друг друга на просторах Интернета, в скором времени расстанутся. Спустя десятилетие, согласно статистике на 2022 год, 17 % браков по всему миру начинались со знакомства в Интернете. Данные за прошедший 2022 год показывают:

– что более 60 % людей считают онлайн-знакомства крайне положительным явлением и охотно знакомятся в Сети;

- около 13 % открыто говорят, что пользуются сайтами знакомств и видеочатами для поиска серьезных отношений;
- до 48 % регистрируются на дейтинг-сайтах из интереса, но нередко тоже находят себе пару;
- по информации Института исследований мозга, сейчас каждый шестой брак начинается со знакомства в Сети [1].

Данная статистика вызывает положительный эффект у тех, кто желает попробовать себя в поиске любви, но стоит учитывать проблемы и неприятные ситуации, с которыми может столкнуться каждый, кто ведет активный поиск человека для серьезных отношений в Интернете.

Начиная общение с новым человеком, можно натолкнуться на мошенников, которые под видом заинтересованного в собеседнике потенциальной второй половины выжидают момента кражи личных данных или денежных средств. Зачастую мошенники даже не угрожают и не вымогают у человека деньги, им достаточно провести незначительное количество времени за активной перепиской со своей жертвой и после этого попросить денег в долг. Это кажется слишком прямым и подозрительным многим, но когда люди сами становятся жертвами таких действий, они даже и не подозревают о том, что именно их онлайн-возлюбленный(ая) может такое совершить. Самое главное то, что разрешение таких неприятных ситуаций с хищением средств почти невозможно, ведь человек самостоятельно и добровольно переводил деньги.

Хищение личных данных и возможное мошенничество с их использованием, даже онлайн-угрозы тоже являются нередким явлением при поиске потенциальной второй половины. Аферисты могут тратить месяцы на то, чтобы втереться в доверие к своей жертве и под любым предлогом попробовать получить личную информацию о человеке: фото, видео, место проживания, документы, банковские счета. Все это и многое другое сейчас можно ошибочно предоставить мошенникам через Интернет за пару нажатий клавиш. Именно этим и пользуются те, чьи этические границы стерлись. Мошенники, аферисты, воры, преследователи и многие другие маргинальные личности используют различные методы обмана на различных форумах и сайтах, в том числе многие из них ведут свою незаконную деятельность на сайтах и в приложениях для знакомств.

ЛИТЕРАТУРА

Статистика онлайн знакомств: есть ли у вас шанс// StoneForest: [сайт], 2023. – URL: <https://stoneforest.ru/look/allabout/statistika-onlajn-znakomstv/?ysclid=lgfz1z6ik828885646> (дата обращения: 13.04.2023).

О НАЧАЛЕ КОММУНИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА С ГУМАНОИДНЫМИ РОБОТАМИ

Удовыдченко А.С.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор Игнатьев В.И.

Аннотация. В статье исследуются факторы начала коммуникации человека и гуманоидного робота. Опираясь на труды авторов (Н. Луман, А. Гузман, Л. Сачмен и др.), мы определили причину возникновения коммуникации человека и гуманоидного робота, структурировали факторы возникновения данной коммуникации и ответили на вопрос, поставленный в научной проблеме.

Ключевые слова и словосочетания: начало коммуникации человека и робота, коммуникация человека и робота, гуманоидный робот, антропоморфность.

Начало коммуникации, согласно Луману, проистекает из языка коммуникации, он изолирует участников коммуникации от посторонних воздействий. «В результате вместе с нормализацией и рекурсивной интенсификацией операций соответствия образуется собственная автопоэтическая система языковой коммуникации, оперирующая самодетерминированно, совместимая с рефлексированным участием индивидов» [4, с. 211]. Луман подразумевает коммуникацию между людьми. Но если человек будет коммуницировать с машиной (роботом)? Каковы предпосылки и факторы начала коммуникации между человеком и роботом?

Начало коммуникации определяется конкретной ситуацией, так как конкретность определяется целостной оценкой возможности начать коммуникацию и получить ответ. В основе конкретной ситуации лежит некая причина. Причина вызывает следствие. А «соединяет» причину и следствие причинная связь, т. е. причина, вызывая какое-то

действие, становится следствием [6]. Что же подвигает человека на коммуникацию с роботом?

Причиной вступления в коммуникацию с роботом является «значение», которое придает важность коммуникации [1]. Как определяется значимость конкретного акта коммуникации? У человека есть ряд потребностей, которые робот может удовлетворить либо заблокировать. Созданы три основных вида роботов, ориентированных на удовлетворение потребностей людей: робот-спасатель, робот-медик, социальные роботы [7]. Игрушечный тюлень PARO, используемый в домах престарелых в Японии, удовлетворяет потребность в общении и заботе [5]. «Значение» для коммуникации с роботом у человека может меняться в зависимости от его потребностей и является неким конкретным мотивом, поскольку человек *выбирает наиболее важное* («означивает») в работе, чтобы удовлетворить потребность.

Однако при выборе «значения» человек сталкивается с проблемой: робот не человек, а особый инструмент, который коммуницирует с человеком. Тем самым человек изначально попадает в ситуацию идентификации себя с роботом, как с каким-то неоднозначно определяемым объектом. Противоречивость робота заключается в соединении в нем антропоморфности и техноморфности. У человека происходит раздвоение образа Другого, он не может опираться сразу на два образа: человеческий и технический. Человек должен осуществить выбор, придав значение исходной позиции начала коммуникации. Полагаем, что человек стоит перед выбором: или отождествить робота в какой-то степени с человеком, или же признать его машиной. Человек делает выбор исходя из своих потребностей. Более вероятный выбор – это антропоморфизация как начало коммуникации, поскольку человек придает значение данной коммуникации исходя исключительно из своих потребностей в общении, заботе, признании и пр. Наделяя робота антропоморфными признаками, человек общается с ним не как с особым инструментом, а как с человеком. Примером данного феномена может послужить робот, которого в качестве эксперимента ввели в состав сотрудников компании [2]. Люди относились к роботу как к коллеге: им восхищались, ему завидовали и ревновали. Робот удовлетворял такие человеческие потребности, как общение, внимание и признание.

Но потребности человека – не единственный фактор антропоморфизации робота. Существует, по крайней мере, три основания припи-

сывания человечности в современных проектах в области ИИ: воплощенность, эмоции и общение [8].

Воплощение – основа антропоморфизации. Это тело робота, его силуэт и внешние признаки, такие как наличие и черты лица, глаза, рот, волосы, тип внешности, раса. Эмоции придают красочность разговору с помощью изменения тона, громкости голоса, мимики. Эти признаки делают общение «живым», похожим на межчеловеческое. Общение также подразумевает проявление и особых внешних черт, и эмоциональной окраски интонаций. Однако робот не обладает человеческой речью, а лишь ее симуляцией, поэтому общение, в лучшем случае, может носить гибридный характер [3].

Стремление к антропоморфизации влечет за собой эффект «зловещей долины» как случая «предельной антропоморфизации». «Зловещая долина» – эффект отторжения человеком наблюдаемых человекоподобных существ: кукол, анимационных персонажей, роботов, аватаров, протезов. Эффект возникает, когда робот, которого наделили антропоморфными свойствами, проявляет несоответствие человеческому поведению. Так, касаясь руки антропоморфного робота, мы ожидаем, что рука будет теплая и мягкая. Однако рука робота холодная и твердая [9].

В зоне «зловещей долины» оказываются такие факторы воздействия, как физические и когнитивные способности, возраст, пол, гендер и пр. [9]. Если роботы, куклы и анимационные персонажи будут слишком «человеческими», то человек окажется в зоне «зловещей долины».

«Зловещую долину» невозможно не учитывать при антропоморфизации, поскольку, если рассмотреть представленную выше модель коммуникации (или факторы начала коммуникации) человека и робота, то можно обнаружить следующую закономерность. Конкретная ситуация задана как антропоморфизация, которая придает значение коммуникации. Следствием становится эффект «зловещей долины», а причинно-следственная связь задается признаками антропоморфности. Таким образом, «зловещая долина» является следствием выбора *символа* «антропоморфизация робота» в качестве *значения коммуникации* с роботом.

Выводы. 1) «Значение» является причиной начала коммуникации с роботом, поскольку у человека появляется потребность общаться с этим устройством. 2) Факторами начала коммуникации являются:

а) причина в форме придания значения какой-либо человеческой потребности; б) сама потребность, из-за которой возникает значение, и антропоморфизация как воплощение причины в процесс коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гузман А.* Коммуникация «человек–машина». Переосмысление коммуникации, технологий и самих себя / А. Гузман; пер. с англ. А. М. Морозова. – Хабаровск : Гуманитарный Центр, 2022. – 304 с.
2. *Джордан Д.* Роботы / Д. Джордан. – Москва : Точка: Альпина Пабlishер, 2017. – 259 с.
3. *Игнатьев В. И.* Морфогенез гибридного социума. Онтологизация цифр: монография / В. И. Игнатьев. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. – 412 с.
4. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 644 с.
5. *Майленова Ф. Г.* Этико-психологические аспекты коммуникации человека и робота / Ф. Г. Майленова // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 5. – С. 21–28.
6. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. Причина / под ред. В. С. Степина. – Москва : Мысль: Энциклопедия, 2001. – 605 с.
7. *Сайфудинова Н. З.* Психология в коммуникации между человеком и роботом / Н. З. Сайфудинова, О. А. Пырнова // Образование и право. – 2020. – № 4. – С. 317–319.
8. *Сачмен Л.* Реконфигурации отношений человек–машина: планы и ситуативные действия / Л. Сачмен; пер. с англ. А. С. Максимовой; под ред. А. М. Корбута. – Москва : Элементарные формы, 2019. – 488 с.
9. *Столбова Н. В.* Насколько «Зловещая долина» зловеща на самом деле? Опыт деконструкции дискурса / Н. В. Столбова, Е. В. Середкина, О. С. Мышкин // Вестник Пермского университета. – 2022. – № 1. – С. 91–107.

СИСТЕМНОСТЬ И СИНЕРГЕТИКА КАК ПАРАДИГМЫ МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Усикова Е.И.

Новосибирский государственный технический университет

Аннотация. В статье освещены основные принципы системности и синергетики как парадигм, проявляемых в рамках методологии науки, описана роль системной методологии в оценке безопасности новых технологий.

Ключевые слова и словосочетания: парадигма, системная методология, синергетика, новая технология, оценка технологий

Наука всегда стремилась рассматривать объект изучения как единое целое и организовывать знания в системы. Специфическая методологическая природа системного подхода определяется тем, что исследование направлено на раскрытие целостности объекта и его механизмов, выявление множества типов связей внутри сложного объекта и сведение этих связей к единой теоретической картине [1].

Возникновение синергетики стало одним из факторов становления постнеклассической науки. Синергетика занимается познанием и объяснением сложных структур, принципов их самоорганизации, порождением порядка из хаоса, эволюцией и коэволюцией. Синергетика как междисциплинарная область исследований имеет далеко идущие приложения для понимания человеческого бытия и развития социальных и технологических систем.

Понятие «парадигма», введенное Томасом Сэмюэлем Куном в книге «Структура научных революций», характеризует общепризнанные научные достижения, которые в течение определенного времени предоставляют научному сообществу модели проблем и решений [2]. Парадигма проявляется в процессе изучения и выполняет две функции: запретительную и направляющую. Равным образом, при выдвижении новой парадигмы все старые знания «отбрасываются» и развитие науки начинается заново.

В современной методологии науки парадигмами можно считать системность и синергетику.

Системный подход занимает одно из ведущих мест в науке. Технологические прорывы затрагивают сложные системы, в которых много-

гранные технические и другие средства тесно взаимосвязаны при решении одной крупной задачи, например, в космических проектах и различных типах человеко-машинных систем. В социальном управлении локальные и менее масштабные проблемы и принципы, которые ранее преобладали, были вытеснены крупномасштабными, комплексными проблемами, требующими переплетения экономических, социальных и других аспектов действительности [3].

Среди научных парадигм особое развитие приобрела синергетика – учение о самоорганизации и саморегулировании сложных систем. Она зародилась в недрах естественных наук: химии, физики, математики, биологии, и изначально не выходила за их пределы. Однако позже идеи синергетики проникли в философию и благодаря своему методологическому потенциалу оформились как междисциплинарная концепция объяснения реальности.

Научное определение «синергетика» впервые введено Германом Хакеном, немецким физиком-теоретиком в 1973 году [4]. Синергетика описывает самоорганизующееся установление порядка внутри систем посредством поведения их компонентов. Этот термин относится к системам, характеризующимся открытостью, динамичным поведением, нелинейностью процессов и сложностью. В синергетических системах могут происходить как упорядоченные, так и хаотические процессы.

В рамках синергетики описаны закономерности функционирования и трансформации самоорганизующихся систем. Эти закономерности не задаются в системе извне, а являются продуктом ее собственной деятельности, поэтому их источники и содержание следует искать внутри системы – в этом специфика синергетического подхода [4]. Синергетика характеризуется стремлением выявить один, главный фактор, так называемый «параметр порядка», который оказывает основное влияние на процесс перехода к «порядку» и которому подчинены все остальные переменные. Однако его действие в значительной степени непредсказуемо, и это напрямую не контролирует развитие системы. Всегда возможны случайности – флуктуации, т. е. отклонения от среднего, равновесного состояния, обусловленные произвольным сочетанием факторов, и у системы постоянно есть набор вариантов дальнейшего развития [4]. Именно разного рода флуктуации в точках бифуркации могут служить причинами техногенных катастроф и разрушений соответствующих сложных систем.

Проблемы исследований и разработок, связанных с анализом предполагаемых последствий, не являются решаемыми в рамках одной области знаний из-за их многогранного характера. Кроме того, исследования такого рода выходят за пределы научного сообщества и требуют участия различных общественных субъектов в совместном исследовании с целью оценки существующих в реальной жизни ограничений и барьеров, которые могут возникнуть в процессе решения проблемы; а также рисков, связанных с этим. Поскольку современный мир имеет тенденцию к созданию и развитию технологий, требуется проводить их оценку.

Оценка технологий (или *Technology Assessment*) направлена на то, чтобы предвидеть будущее развитие технологий и проектов и их возможные последствия, а также передавать результаты оценок соответствующим органам, принимающим решения. Системный методологический подход основан на системном взгляде на рассматриваемую проблему и включает в себя ряд задач [5]:

- написание истории будущего развития технологий, поэтому важно понимание коэволюции технологии и общества;
- оценка безопасности новых технологий (например, с точки зрения моральной этики и контроля знаний);
- сохранение дистанции между сторонниками новой технологии и ее оппонентами.

Одним из наиболее важных направлений системной методологии является оценка безопасности технологий.

Методология оценки безопасности сконцентрирована на обеспечении того, чтобы новые предлагаемые изменения области новых технологий не увеличивали риск с точки зрения безопасности. Это означает, что должны быть оценены все возможные последствия развития и внедрения технологии и определены их совокупные риски [5]. Следует учитывать, что потенциальные воздействия и риски могут быть преднамеренными или непреднамеренными.

Первоначально при оценке безопасности рассматривается предлагаемое эксплуатационная концепция и анализируется, как она может повлиять на ситуацию в лучшую и/или худшую сторону в отношении безопасности. Этот анализ включает в себя рассмотрение сферы охвата оценки, влияющей на то, насколько далеко заходит анализ, особенно с точки зрения взаимодействия с другими элементами системы, а затем определение всех возможных опасностей и серьезности их послед-

ствий. После чего аналитик определяет, насколько вероятными являются сбои в системе, а также насколько вероятно, что система восстановится после таких сбоев. Результатом этого является общая оценка рисков для системы. Полученный результат оценки технологии является отправной точкой для принятия решений в процессе последующих разработок и исследований, направленных на развитие той или иной технологии.

Подводя итоги, необходимо отметить, что широта принципов и базовых концепций системного подхода, акцентирующего внимание на изучении разнообразных связей внутри объекта, тесно связывает его с другими общенаучными методологическими школами современной науки. Синергетика позволяет увидеть, насколько тесно связаны многие отрасли знаний. Это позволяет понять, что каждый ученый при разработке технологий или ведении соприкасается с целым рядом взаимопроникающих научных областей, и, если не всегда доступно их знание, то, по крайней мере, необходимо понимать их задачи.

Оценка технологий стала профессиональным и к настоящему времени является общепризнанным видом деятельности. Факт институционализации свидетельствует о том, насколько современное общество риска становится рефлексивным. Оценка технологий не способствует снижению уровня неопределенности при изучении и анализе новых технологий, но именно благодаря ей различного рода неопределенности становятся управляемыми. А это означает, что такие прогностические знания должны затем позволить общественно-политической системе реагировать надлежащим образом и оперативно, и в случае возникновения критических угроз безопасности для природы и общества принимать контрмеры против них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин. – Москва, 1997. – С. 185–186.
2. Структура научных революций / Томас Кун; пер. с англ.: И. З. Налетов и др. – Москва : АСТ, 2003. – 605 с.
3. Блауберг И. В. Проблемы методологии системного исследования / И. В. Блауберг. – Москва : Мысль, 1970. – 454 с.
4. Хакен Г. Синергетика / пер. с англ. В. И. Емельянова; под ред. Ю. Л. Климонтовича, С.М. Осовца. – Москва : Мир, 1980. – 404 с.

5. *Grunwald A. Technology assessment: concepts and methods / A. Grunwald // Philosophy of Technology and Engineering Sciences. Handbook of the Philosophy of Science. – 2009. – P. 1103–1146.*

ЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНЖЕНЕРОВ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И УСТРОЙСТВ

Хафизов М.Р.

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
Научный руководитель: канд. экон. наук Абулханова Г.А.

Аннотация. В данной статье рассматриваются этические последствия ответственности инженеров при разработке медицинских технологий и устройств. В частности, в работе рассматриваются этические соображения, связанные с безопасностью пациента, конфиденциальностью, автономией и более широкими социальными и этическими последствиями технологий.

Ключевые слова и словосочетания: инженерная этика, медицинские технологии, безопасность пациента, конфиденциальность пациента, автономия пациента, социальная ответственность, здравоохранение, проектирование технологий.

Медицинские технологии и устройства являются важнейшими компонентами современных систем здравоохранения. Они используются для диагностики, лечения и управления широким спектром заболеваний и медицинских состояний. Однако при проектировании и разработке этих технологий возникают важные этические вопросы, особенно в отношении их влияния на безопасность, конфиденциальность и автономию пациента.

Одним из основных этических аспектов при разработке медицинских технологий является безопасность пациента. Медицинские технологии и устройства должны быть разработаны таким образом, чтобы минимизировать риск причинения вреда пациентам. Это требует тщательного рассмотрения потенциальных рисков и преимуществ технологии, а также ее потенциального влияния на здоровье и благополучие пациента. Инженеры несут ответственность за то, чтобы разрабатыва-

емые ими технологии были безопасными и эффективными и отвечали самым высоким стандартам качества и надежности.

Еще одним важным этическим аспектом при разработке медицинских технологий является конфиденциальность пациента. Медицинские технологии часто предполагают сбор и хранение конфиденциальной информации о пациентах, такой как истории болезни, результаты анализов и другие личные данные. Инженеры обязаны разрабатывать технологии, которые защищают частную жизнь пациентов и обеспечивают конфиденциальность их информации. Это может потребовать внедрения передовых средств защиты, таких как шифрование и контроль доступа, а также соблюдения строгих стандартов защиты данных.

Помимо безопасности и конфиденциальности информации, инженеры также несут этическую ответственность за соблюдение автономии пациента. Пациенты имеют право принимать собственные решения относительно своего медицинского обслуживания, включая использование медицинских технологий и устройств. Инженеры должны разрабатывать технологии, позволяющие пациентам принимать информированные решения о своем лечении и уважающие их право отказаться от лечения или выбрать альтернативные методы лечения. Это может включать разработку технологий, обеспечивающих пациентам доступ к точной и понятной информации об их состоянии и вариантах лечения.

Наконец, при разработке медицинских технологий необходимо также учитывать более широкие социальные и этические последствия технологии. Например, инженеры должны учитывать потенциальное влияние их технологии на стоимость здравоохранения, доступ к медицинской помощи и распределение ресурсов. Они также должны учитывать потенциальное влияние своей технологии на маргинализированные или уязвимые группы населения и гарантировать, что она не будет способствовать социальному неравенству.

В заключение следует отметить, что при разработке медицинских технологий и устройств возникают важные этические соображения, связанные с безопасностью пациента, неприкосновенностью частной жизни, автономией и более широкими социальными и этическими последствиями технологий. Инженеры несут ответственность за разработку технологий, отвечающих самым высоким стандартам качества и надежности, защищающих частную жизнь пациента, обеспечивающих

автономию пациента и способствующих социальной справедливости и равенству. Таким образом, они могут внести свой вклад в развитие здравоохранения, соблюдая при этом самые высокие этические стандарты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шафранская Ч. Я.* Цифровая экономика как возможности и угрозы современности / Ч. Я. Шафранская, Г. А. Абулханова // Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 262–267.
2. *Дамулин И. В.* Этика и медицина / И. В. Дамулин, А. А. Струценко, А. В. Конотоп // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2020. – Т. 120. – № 4. – С. 145–149. – DOI 10.17116/jnevro2020120041145.
3. *Иванько А. Ф.* Новейшие достижения информационных технологий в медицине / А. Ф. Иванько, М. А. Иванько, Д. В. Бутырская // Научное обозрение. Технические науки. – 2019. – № 1. – С. 15–21.
4. *Тымчик Д. С.* Тенденции развития искусственного интеллекта в сфере здравоохранения / Д. С. Тымчик, В. С. Прилукова // Современные тенденции развития инвестиционного потенциала в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27–28 марта 2019 года / Государственный университет управления. – Москва : Государственный университет управления, 2019. – С. 261–265.
5. *Чапкин А. А.* Проблемы этики в современной медицине / А. А. Чапкин. – 2017. – № 5. – С. 79.

ТЕХНООПТИМИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДОВЕРИЯ: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ

Хуторцова Е.Р.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Научный руководитель: канд. социол. наук, доцент Поздеева Е.Г.

Аннотация. От процессов цифровизации, происходящих в современной России, напрямую зависит отношение граждан к технологическому прогрессу. В статье рассматривается уровень технооптимизма молодежной социальной группы в контексте проблемы доверия и ожиданий общества.

Ключевые слова и словосочетания: технооптимизм, технопессимизм, технореализм, доверие, исследование молодежи, технологический прогресс

Цифровизация всколыхнула внимание общественности к технологическому будущему и актуализировала проблему технического прогресса. Стала очевидной дилемма между верой в то, что внедрение в жизнь очередных инноваций принесет пользу, и беспокойством о его негативных последствиях. На основании выбора членами социума одной из сторон сформировались группы технооптимистов и технопессимистов, которые представляют особый интерес для социологических исследований [4, с. 34–38].

В первую очередь исследователи связывают оптимизм и пессимизм по отношению к технологиям с позициями людей о том, как должно развиваться современное общество. Зачастую технооптимисты являются сторонниками классического подхода, в котором производство и использование новых технологий способно решить социальные и экономические проблемы. Технопессимисты же говорят о том, что технологические инновации создают экологический кризис, причем это касается как внутренних проблем общества, так и взаимодействия человека с природой [1, с. 90–98]. Однако кроме этого существует и третий подход к обсуждению технологий – позиция технореализма, которая отрицает категоричность оптимизма и пессимизма и определяет средства научно-технического прогресса как данность, которая может влиять на определенные цели и действия общественности [6, 7].

Согласно исследованиям последних лет, граждане Российской Федерации настроены в целом оптимистично по отношению к технологическому прогрессу и процессу цифровизации. Эксперты объясняют статистику тем, что это результат привыкания россиян к реальности, где они каждый день пользуются интернетом, мобильной связью, приложениями и сервисами, которые значительно упрощают повседневные дела и дают возможность для саморазвития. Аналитика Центра социальных исследований и технологических инноваций НИУ ВШЭ 2023 года также демонстрирует высокие ожидания россиян и их максимальную ориентацию на использование цифровых технологий в будущем [5]. Однако необходимо отметить, что степень оптимизма, пессимизма или переход к реализму зависит от сферы, в которой применяются новые технологии. Люди открыто принимают инновации в тех направлениях своей жизни, где технологии уже давно используются, и с опасением относятся к тем сферам, где они менее характерны [3, с. 45]. Также есть основания полагать, что поддержка и отрицание напрямую зависят от доверия и недоверия не только самим технологиям,

но и социальным институтам, которые занимаются их производством, популяризацией и контролем. Ведь чем больше появляется инноваций, тем сложнее индивиду отслеживать их характеристики и функции самостоятельно, поэтому зачастую ему приходится полагаться на чужую экспертность.

Российское общество в дискурсе технологического будущего во многом полагается на молодежь, ожидая построения лучшего будущего для страны. В связи с этим от молодых людей ожидается оптимизм и интерес по отношению к технологическому прогрессу. Однако исследования показывают, что россияне в возрасте от 16 до 39 лет демонстрируют пессимистичное отношение к инновационным технологиям, особенно в области их полезности, а в группе 20–39 лет – в области их безопасности и надежности [3, с. 50]. Эти характеристики напрямую связаны с тем, как формируется доверие и недоверие, чему больше доверяют молодые люди и чего опасаются.

Научное сообщество в лице Российской академии наук доверие и недоверие научно-технологическому прогрессу, характерному как молодежи, так и российскому обществу в целом, связывает скорее с актуальными проблемами определения правды и лжи в средствах массовой информации, с конспирологическим мировоззрением и непредсказуемостью современного мира [2]. Проведенные с целью проверки этого подхода фокус-группы среди молодежи (март 2023, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого), показали похожий результат. Респонденты заявили о своих проблемах с доверием инновациям в связи с рисками цифровизации, кризисом экспертности и противоречивой информацией, которая нередко оказывается результатом ангажирования источников и каналов популяризации технологий социальными институтами политики и бизнеса. При этом опрос среди студентов на тему отношения к технологическому процессу и научным коммуникациям (март–апрель 2023, 120 опрошенных) представил обратную картину – более 75 % опрошенных скорее или полностью убеждены в том, что новые технологии и процесс цифровизации оказывают положительное влияние на процессы, происходящие в обществе. Противоречивые результаты показала и деловая игра «Технооптимизм vs. технопессимизм», которая была проведена преподавателями Гуманитарного института СПбПУ со студентами в рамках «Гуманитарного форума в Политехническом»: многие участ-

ники, которые изначально называли себя технооптимистами, в ходе обсуждения пришли к обратному мнению.

Учитывая эти противоречивые данные, следует предположить, что доверие молодежи по отношению к технологиям не является стойким и подвержено влиянию многих факторов. Молодые люди могут открыто говорить о своей вере в технологическое будущее, но в повседневной жизни они сталкиваются с противоречивой информацией, не всегда удовлетворены политикой СМИ, предпринимают большие усилия для того, чтобы найти ответы на интересующие их вопросы, актуальные для будущего. Развивающиеся технологии вселяют много надежд, но также и предъявляют новые вызовы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дзялошинский И. М.* Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций: монография / И. М. Дзялошинский; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, Международный межвузовский научно-исследовательский проект «Цифровая цивилизация. Медиакоммуникации. Интернет-маркетинг». – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2020. – 551 с.

2. Отношение общества к ученым и Российской академии наук: результаты всероссийского опроса. – Текст: электронный // Российская академия наук: [сайт]. – URL: <https://new.ras.ru/activities/news/otnoshenie-obshchestva-k-uchenym-i-rossiyskoy-akademii-nauk-rezultaty-vserossiyskogo-oprosa/> (дата обращения: 14.04.2023).

3. *Пишняк А.* Восприятие новых технологий населением как показатель открытости к инновациям / А. Пишняк, Н. Халина // Форсайт. – 2021. – № 15 (1). – С. 39–54.

4. *Поздеева Е. Г.* Социологические проблемы исследования цифрового поведения молодежи / Е. Г. Поздеева // Социологические чтения: социальные тренды современности: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 01 апреля 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2022. – С. 34–38.

5. Цифровой рай и цифровой ад как пространства общественных ожиданий и страхов в эпоху ChatGPT. – Текст: электронный // СИТИ: [сайт]. – URL: <https://consulting.city/press/tsifrovoy-raj-i-tsifrovoy-ad-kak-prostranstva-obshhestvennyh-ozhidaniy-i-strahov-v-epohu-chatgpt/> (дата обращения: 14.04.2023).

6. Digital-эра: технооптимизм или технопессимизм? – Текст: электронный // Научная Россия: [сайт]. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/digatal-era-tehnooptimizm-ili-tehnopessimizm> (дата обращения: 14.04.2023).

7. Technorealism OVERVIEW. – Текст: электронный // Technorealism: [сайт]. – URL: <http://www.technorealism.org/> (дата обращения: 14.04.2023).

ЭТИКА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Черникова А.А.

Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель: канд. искусствоведения, доцент Мальцева Е.А.

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей этики виртуального пространства в современной цифровой коммуникации: выделены особенности коммуникации в виртуальном пространстве, обозначены этические проблемы, названы существующие правовые акты и этические кодексы.

Ключевые слова и словосочетания: этика, виртуальное пространство, коммуникация, этический кодекс.

Этика виртуального пространства является одним из актуальных направлений современных исследований в области прикладной этики, что связано с нарастающей информатизацией культуры, формированием глобального информационного пространства, трансформацией многих сфер существования человека и общества под воздействием цифровых технологий. Киберэтика должна регулировать поведение человека в информационной среде. Она «имеет дело с компьютерными технологиями, с качеством жизни, с этическими и социальными проблемами, связанными с киберпространством и обществом всемирной компьютерной сети» [2, с. 87].

Термин «виртуальное пространство» используется для описания «нового цифрового мира», противостоящего реальному физическому пространству и обладающего своими особыми характеристиками. Это «другое» пространство, в котором испытываемые человеком эмоции (возбуждение, радость, грусть, тревога, страх и др.) связаны с компьютером, с его использованием.

Сеть Интернет стала огромным социальным электронным пространством, в котором осуществляются коммуникации самого разного

рода – деловая и личная переписка, обучающая среда, развлечения и др. Коммуникативный процесс в виртуальном пространстве имеет определенные специфические черты, такие как сложность установления границ между личным и общественным (является ли, например, личная страница в социальных сетях частным пространством, в котором можно высказываться свободно, или общественным, требующим определенной цензуры?), отсутствие невербальных средств коммуникации («смайлики» практически не заменяют интонацию, мимику, жестикуляцию и пр.), анонимность (возможность оставаться для окружающих неопознанным может провоцировать на грубость, агрессию, ложь).

Таким образом, выявляется ряд этических проблем, требующих теоретического осмысления и практического решения. «Прежде всего, проблема выявления и обоснования моральных и правовых регуляторов, охватывающих все сферы Интернет-реальности, и поиски механизмов реализации моральной и правовой нормативности в виртуальном пространстве, этический анализ ценностных трансформаций, обусловленных изменениями среды обитания человека» [4, с. 43].

Размышления о способах регулирования виртуального пространства приводят к формам, аналогичным регулятивам, имеющимся в традиционном социальном пространстве. Их можно разделить на две группы: внешние (закрепленные в законах, кодексах и предполагающие санкции за нарушения) и внутренние (законодательно незакрепленные нормы морали, в случае нарушения порождающие осуждение общества).

В качестве основы для разработки законодательства в области этики виртуального пространства можно рассматривать «Кодекс этики для информационного общества» программы ЮНЕСКО «Информация для всех» (2011 г.), установившего «совокупность ценностей, основных прав и обязанностей в информационном обществе, которыми членам информационного общества следует руководствоваться в своих действиях и которые они должны соблюдать» [3]. Законодательство России в основном направлено на регулирование цифровой безопасности. Так, в федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» излагаются основные принципы, на основе которых должна строиться сфера IT-технологий.

Формирование внутренних регулятивов идет более быстрыми темпами, IT-сообщество активно разрабатывает этические кодексы еще с конца 1980-х гг. (принципы информационной этики Р. Мэйсона, кодекс этики и практической деятельности инженерии программного обеспечения ACM/IEEE, десять заповедей компьютерной этики А. Ринальди). Интересным проектом, являющимся примером глобальной саморегуляции Интернета, является Билль об электронных правах и этике, включающий, например, такие положения, как «неэтично оскорблять или угрожать другим», «неэтично публично распространять выражения, изображения или сведения о других лицах без их согласия», «неэтично подавлять выражения других, даже если эти выражения прямо оскорбляют ваши собственные мнения и убеждения» [1].

В целом формы и способы регулирования виртуального пространства характеризуются предотвращением возможных этических конфликтов, выявлением ценностей цифровой этики и их механизмов; определением этических и правовых границ, введением некоторых рекомендаций, определяющих направления этического образования в области этики виртуального пространства для всех людей, участвующих в процессе виртуальной коммуникации или в процессе взаимодействия с интернет-технологиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билль об электронных правах и этике. – URL: <https://www.efa.org.au/Publish/ere.html> (дата обращения: 14.04.23).
2. Галинская И.Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика // Россия и современный мир. 2001. С. 75–89. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-etika-informatsionnaya-etika-kiberetika> (дата обращения: 04.03.23).
3. Кодекс этики для информационного общества. – URL: <https://studylib.ru/doc/2151287/kodeks-e-tiki-dlya-informacionnogo-obshhestva> (дата обращения: 14.04.23).
4. Овчинникова Е. А. Этические проблемы информационного пространства / Е. А. Овчинникова, А. С. Сергеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 38–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-problemy-informacionnogo-prostranstva> (дата обращения: 16.04.2023).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В СФЕРЕ ДИЗАЙНА

Чубаров Н.А.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Р.С. Зарипова

Аннотация. В данной статье рассматривается применение нейронных сетей в сфере дизайна, а также проблемы и перспективы их использования. Описываются примеры использования нейронных сетей в области генерации изображений. Анализируются возможности использования нейронных сетей в дизайне, а также проблемы, связанные с данным подходом.

Ключевые слова и словосочетания: нейронные сети, дизайн, машинное обучение, искусственный интеллект, оптимизация дизайна, автоматическое моделирование.

Нейронная сеть – это математическая модель, которая имитирует работу нервной системы человека и способна обрабатывать большие объемы информации, распознавать образы, классифицировать данные и решать различные задачи [1]. В настоящее время нельзя утверждать, что машины полностью могут заменить различных специалистов, однако уже сегодня человечество может использовать искусственный интеллект для ускорения выполнения задач и автоматизации процессов [2].

Нейронные сети являются одной из важнейших областей искусственного интеллекта, которая нашла широкое применение в различных областях, включая медицину, промышленность, финансы и транспорт [3]. В последнее время нейронные сети стали использоваться в сфере дизайна для создания уникальных и инновационных проектов. Использование нейронных сетей позволяет дизайнерам автоматизировать процесс создания проектов, ускорить процесс принятия решений и создать дизайны, которые лучше соответствуют потребностям пользователей и требованиям рынка.

Нейронные сети могут использоваться для автоматического анализа и классификации фотографий, что поможет дизайнерам быстрее находить идеи и вдохновение для своих проектов. Нейронные сети также могут использоваться для создания автоматических инструментов, которые будут помогать дизайнеру в решении конкретных задач,

таких как выбор цветовой гаммы или определение оптимального расположения элементов на странице. Однако для того, чтобы нейронные сети могли быть успешно применены в дизайне, необходимо решить некоторые технические и этические проблемы. Например, необходимо разработать более эффективные методы обучения нейронных сетей, которые позволят им работать с меньшим количеством данных [4]. Также необходимо учитывать этические аспекты, такие как защита данных и избежание использования нейронных сетей в мошеннических или незаконных целях.

Нейронные сети имеют большой потенциал в сфере дизайна, так как могут использоваться для создания уникальных и инновационных проектов. Однако применение нейронных сетей также сопряжено с некоторыми проблемами и ограничениями. Одна из основных проблем заключается в том, что нейронные сети требуют больших объемов данных для обучения. Это означает, что для того, чтобы создать нейронную сеть, которая способна генерировать новые дизайнерские решения, необходимо иметь доступ к огромному количеству информации.

Кроме того, нейронные сети часто создают дизайны, которые трудно интерпретировать. Это может привести к тому, что дизайнеры будут иметь трудности в работе с такими решениями и не смогут применить их в реальной жизни. Также нейронные сети не всегда могут создавать дизайны, которые соответствуют конкретным требованиям заказчика. Это связано с тем, что нейронные сети генерируют дизайны на основе статистических данных и не всегда учитывают индивидуальные потребности и предпочтения заказчика.

Несмотря на эти ограничения, применение нейронных сетей в сфере дизайна имеет большую перспективу. Например, они могут использоваться для создания уникальных форм и стилей дизайна, которые не могут быть созданы вручную. Нейронные сети могут помочь дизайнерам в создании более эффективных и оптимизированных проектов. К примеру, известные студии, такие как Netflix [5], используют возможности нейросетей для создания захватывающих фонов для анимации и создания реалистичных персонажей для своих сериалов, фильмов.

В целом использование нейронных сетей в дизайне имеет большой потенциал, но требует дальнейшей разработки и исследования. Если эти проблемы будут успешно решены, нейронные сети могут стать мощным инструментом для создания новых и инновационных дизайнерских решений. Стоит отметить, что нейросети не умеют думать без

участия человека. Именно качественные запросы позволяют нейросетям сгенерировать именно те визуальные решения, которые нужны для определенной задачи. Поэтому стоит относиться к таким сервисам как к помощникам, берущим на себя всю рутинную работу [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Силкина О. Ю.* Тенденции в развитии искусственного интеллекта / О. Ю. Силкина, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 3 (21). – С. 63–65.
2. Нейросетевые инструменты для дизайна и разработки. – URL: https://gb.ru/posts/neural_network_design_instruments (дата обращения: 08.04.2023).
3. *Алемасов Е. П.* Перспективы применения технологий машинного обучения / Е. П. Алемасов, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 2 (20). – С. 32–34.
4. *Пырнова О. А.* Методы и проблемы переобучения многослойной нейронной сети / О. А. Пырнова, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 2 (20). – С. 101–102.
5. Использование нейросетей в дизайне. – URL: <https://neuralinsight.ru/nejroseti-v-dizajne/> (дата обращения: 08.04.2023).
6. Нейронные сети для создания дизайна. – URL: <https://blog.sibirix.ru/ai-for-design-creating/> (дата обращения: 08.04.2023).

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ОТНОШЕНИЯ К РОБОТАМ-АНДРОИДАМ

Шаронина А.С.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Сандакова Л.Б.

Аннотация. В статье, с позиций инженерной этики, рассматривается парадоксальное отношение к созданию роботов-андроидов. Выделены мировоззренческие (технологический детерминизм), политические и психологические аспекты данного отношения.

Ключевые слова и словосочетания: робототехника, искусственный интеллект, этика, робот-андроид, технологический детерминизм, инженерная этика.

С развитием технологий искусственного интеллекта и в особенности робототехники мы все больше приближаемся к возможности создания полноценных роботов-андроидов, которые будут неотличимы от людей по внешнему виду и превосходить их по функционалу. Однако этот прогресс весьма амбивалентен, ведь на фоне стремительного развития технологий искусственного интеллекта возникают актуальные этические вопросы и опасения, связанные с тем, что автономные машины станут чрезмерно умными и способными преследовать свои интересы, которые могут не совпадать с интересами людей; или, что мы потеряем над ними контроль, что их интеграция в социальную жизнь повлечет серьезные кризисы [4]. Создание роботов-андроидов на основе искусственного интеллекта в промышленных масштабах станет не только технологическим прорывом, но и повлечет революционные изменения в различных сферах человеческой жизни.

Налицо противоречие между желанием создать роботов-андроидов и опасениями, связанными с использованием таких технологий. И это требует многоаспектных исследований. В данной работе с позиций инженерной этики рассматривается причина нашего желания создавать роботов-андроидов на основе искусственного интеллекта вопреки опасениям и страхам, а также предлагаются некоторые значимые для инженерной этики выводы. Вопрос рассматривается в трех аспектах: трансгуманистическая философия, политико-экономический интерес, психология восприятия человекоподобных искусственных существ. Соответственно, материалом для работы являются публикации результатов исследований, отвечающих данным запросам.

Трансгуманизм, как философская концепция, утверждает неизбежность технологических трансформаций человеческого, анализирует различные программы «улучшения» человека, выхода за пределы существующих возможностей. Многие исследователи-трансгуманисты пытались ответить на вопрос «Почему люди создают роботов-андроидов, при этом испытывая страх перед их реальным появлением?». Так, известный шведский философ-трансгуманист Ник Бостром рассматривает создание роботов-андроидов, как инструмент для изменения положения человека, что подразумевает под собой улучшение умственных и физических возможностей человечества, остановку процесса старения и пр. При этом Бостром указывает, что роботы-андроиды на основе искусственного интеллекта могут стать причиной исчезновения человечества [1]. Однако человеку, очарованному идеями

технологического развития, привлекательность возможности получить ключ к более качественному уровню жизни, не дает остановиться. Ведь с давних времен человечество мечтает о создании идеального помощника, который не страдает усталостью, ошибками и эмоциональными проблемами. Таким образом, отвечая на вопрос о причинах создания роботов-андроидов, несмотря на наличие страха перед ними, сторонник технологического детерминизма делает акцент на перспективных ожиданиях и потенциальных плюсах использования подобных робототехнических технологий, показывает их преимущества перед опасениями.

Примером такого подхода является и политическая заинтересованность в создании роботов-андроидов на основе ИИ. Предполагается, что процессы управления станут более эффективными, экономически прозрачными и социально-обоснованными: андроиды могут заменить как обычных государственных служащих, так и локальных лидеров, например, мэра [7]. Умные человекоподобные машины могут стать помощниками в борьбе с глобальными демографическими вызовами, такими как старение населения и недостаток рабочей силы [2, 6]. Подчеркивая социально-экономические преимущества внедрения роботов-андроидов, ставятся вопросы о предотвращении рисков и преодолении страха перед ними. Решение этих проблем усматривается в более осознанном подходе к созданию и использованию человекоподобных интеллектуальных машин: 1) необходимо понимать, какие конкретные задачи могут быть выполнены роботами, и какие задачи должны быть оставлены за человеком; 2) необходимо обеспечить безопасность и защиту личных данных при использовании роботов, чтобы избежать потенциальных угроз для общества; 3) нужно ввести этические стандарты и нормы, которые будут соблюдаться при создании и использовании робототехники. Комбинация всех этих мер поможет создать более осознанный подход к разработке и применению роботов, который будет полезен и безопасен для общества.

Одним из важных психологических аспектов конструирования роботов является феномен «зловещей долины», явление, которое японский ученый робототехник Масахиро Мори объяснил как чувство страха и отвращения, которое человек испытывает при столкновении с существом, чей статус живого или мертвого, человека или машины, реального или нереального невозможно сразу определить [3]. Из феномена «зловещей долины» видно, что у людей есть естественное

отвращение к искусственным существам, которые находятся слишком близко к ним самим. Таким существам приписываются свобода воли и большие возможности, а мотивы их «машинных» решений и действий представляются непонятными или направленными против человека. Такие сюжеты мы видим в большинстве фантастических книг или фильмов с роботами. Очевидно, что нужно понимать и учитывать эмоциональные, ценностные и психологические потребности и мотивы, когда люди взаимодействуют с технологиями, чтобы создавать более психологически безопасную среду использования роботов в обществе [5].

В ходе работы были получены следующие результаты.

1. Технологический детерминизм – господствующая форма мировоззрения в технико-ориентированном обществе. Поэтому желание людей автоматизировать и сделать более эффективными многие сферы своей жизни с помощью роботов-андроидов коррелирует с представлением об общественном прогрессе. Возможные риски нужно прогнозировать и учитывать. Страхи и опасения – чувства консервативных людей, опасаящихся нового, преодолевать.

2. Роботы-андроиды могут представлять опасность для человека в результате несовершенства или недостатков в их программном обеспечении и алгоритмах, что может привести к неожиданным последствиям и непредсказуемым поведенческим моделям.

3. Роботы-андроиды могут вызывать такие сильные эмоции и чувства, потому что они находятся в некоем «промежуточном» состоянии между машинами и живыми существами. Создание психологически безопасного взаимодействия робота и человека – еще одна важная инженерная задача.

Также можно обозначить те направления осмысления поставленной проблемы, которые являются актуальными на данный момент: политическая и экономическая безопасность, информационная безопасность, разработка этических принципов и критериев оценки безопасности промышленного создания и использования роботов-андроидов.

ЛИТЕРАТУРА

1 Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром; пер. с англ. С. Филина. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.

2 Гирлинг Р. Могут ли роботы-помощники улучшить качество жизни с возрастом? / Р. Гирлинг. – URL: <https://www.forbes.com/sites/robgirling/2021/01/18/can-care-robots-improve-quality-of-life-as-we-age/?sh=1841acb7668b> (дата обращения 19.04.2023).

3 Горшкова М. Почему нас пугает человекоподобный робот: что такое эффект «зловещей долины»? / М. Горшкова. – URL: [Psychologies.ru https://www.psychologies.ru/articles/pochemu-nas-pugaet-chelovekopodobnyi-robot-chto-takoe-effekt-zloveshei-doliny/](https://www.psychologies.ru/articles/pochemu-nas-pugaet-chelovekopodobnyi-robot-chto-takoe-effekt-zloveshei-doliny/) (дата обращения 19.04.2023).

4 Мягков Д. В. Опасность искусственного интеллекта / Д. В. Мягков // Экономика и социум. – 2018. – № 5 (48). – С. 884–886.

5 Столбова Н. В. Насколько «Зловещая долина» зловеща на самом деле? Опыт деконструкции дискурса. / Н. В. Столбова, Е. В. Середкина, О. С. Мышкин // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – Вып. 1. – С. 91–107.

6 Daron Acemoglu and Pascual Restrepo Demographics and Automation. NBER Working Paper № 24421. March 2018. – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24421/w24421.pdf (дата обращения 19.04.2023).

7 Frey C. B. The Future of Employment: how Susceptible are Jobs to Computerisation? / C. B. Frey, M. A. Osborne // Oxford Martin School, september 17, 2013. – URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (дата обращения 19.04.2023).

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ РОБОТОВ

Шихова М.А., Данилкова М.П.

Новосибирский государственный технический университет

Аннотация. В статье исследуются вопросы развития робототехники и ее влияния на существование человека в новой технологической реальности.

Ключевые слова и словосочетания: человек, космическая робототехника, основные направления развития, перспективы развития в будущем.

История развития робототехники начинается с античности, когда были изобретены первые устройства, напоминающие роботов. Одним из первых известных примеров являются самоходные часы, созданные греками, которые могли передвигаться по земле с помощью механизма, который использовал расширяющийся пар. В Средние века в Европе были созданы часы-автоматы, которые могли двигаться, играть музыку, и различные механические устройства.

В середине XIX века французский инженер Пьер Жак Дроз создал множество механических самоходных устройств, которые могли идти, танцевать и играть музыку. Он также создал робота-флейту, который мог исполнять музыку на флейте.

С середины XX века робототехника начала развиваться более активно. Программируемые контроллеры и электромеханические устройства позволили создавать более сложных роботов, которые могли выполнять различные задачи. В 1956 году американские ученые Джон Маккарти и Марвин Минский создали общее понятие искусственного интеллекта и начали разработку первых программных измерений. В 1961 году был создан первый промышленный робот для обработки металла. В 1969 году на советской космической станции «Луна-15» установлен первый в мире автономный робот, предназначенный для исследования поверхности Луны.

В настоящее время робототехника продолжает активно развиваться. С появлением новых технологий, таких как искусственный интеллект, аналитика данных, роботы становятся все более интеллектуальными, адаптивными и полезными в разных сферах жизни, от медицины и науки до домашнего хозяйства и индустрии.

Основная задача и цель создания робототехники – помочь человеку справиться в решении сложных проблем, возникающих в самых разных сферах человеческой деятельности. Вот несколько примеров.

1. Медицинские роботы. Роботы-хирурги, которые помогают хирургам в выполнении сложных операций. Они позволяют более точно управлять инструментами, минимизировать травмы и ускоряют процесс выздоровления пациентов. Роботы для ухода за пожилыми или больными людьми. Эти роботы помогают ухаживать за пожилыми или больными людьми, увеличивая уровень их комфорта и безопасности. Они могут помогать людям с походами в ванную комнату, перемещаться по жилым помещениям, а также популяризировать специальные.

2. Роботы для изучения космоса. Эти роботы используются для исследования космоса, они могут быть отправлены на другие планеты или просто путешествовать по областям космоса, которые недоступны для людей. Они используются для сбора и анализа данных и помогают ученым расшифровывать тайны Вселенной.

3. Роботы-пылесосы. Эти роботы используются в домашнем хозяйстве для автоматической уборки пола. Они могут программироваться для уборки определенных зон и проверки углов.

4. Роботы-грузовики. Эти роботы используются для доставки грузов и товаров. Они помогают уменьшить затраты на транспортировку грузов, снижают риски для здоровья человека и увеличивают эффективность доставки.

5. Роботы для работы на фабриках. Эти роботы используются для автоматизации производства и повышения эффективности рабочих процессов. Они могут выполнять очень сложные задачи, которые раньше требовали участия человека, что уменьшает количество ошибок и повышает качество производства [1].

Этот список можно было бы продолжить. Понятно, что в новых условиях технологизации всей системы общественных отношений робототехника выполняет ключевую роль, минимизируя риски применения технических средств для осуществления тех или иных нетривиальных задач и проблем.

Особенно явно это проявляется в использовании роботов в космических исследованиях, очень полезными для помощи человеку во многих задачах, связанных с исследованием космоса. Вот несколько конкретных способов, которыми роботы могут помочь астронавтам в космосе: сегодня мы становимся свидетелями необходимости в роботах для технического обслуживания космических кораблей и оборудования на Международной космической станции (МКС). Например, роботы-манипуляторы могут использоваться для ремонта и замены деталей, которые находятся на значительной высоте или не всегда доступны для обычного человеческого обслуживания. Также роботы-исследователи могут использоваться для изучения планет и галактик. Они могут выполнить задачи, которые невозможно выполнить человеку, например, сбор образцов почвы или грунта для последующего анализа. Не вызывает сомнения, что границы применения робототехники с каждым годом только расширяются [2].

Что ждет человека в будущем в контексте обсуждаемой проблемы? Во-первых, роботы, как и смартфоны, будут доступны каждому человеку и войдут в повседневную жизнь каждого из нас. Во-вторых, сами роботы, их функции будут совершенствоваться, что позволит человеку управлять самыми сложными процессами не только на планете Земля, но и за ее пределами. Последнее приведет к новым открытиям и новым знаниям о Вселенной.

В завершение отметим, что техническая реальность и процессы технологизации кардинально трансформируют человеческое мировоз-

зрение, а значит, и цели и смыслы его существования. Доминирование новейших технологий может привести к утрате человеческой идентичности. Поэтому необходимо проводить различного рода философско-социологические исследования, способствующие более разумному и умеренному использованию роботов во благо человека. Главное, чтобы человек не становился копией робота или бездушной машины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белоножко П. П.* Космическая робототехника. Современное состояние, перспективные задачи, тенденции развития. Аналитический обзор / П. П. Белоножко // Наука и Образование. МГТУ Н.Э. Баумана. – 2016. – № 12.

2. *Виноградов П. В.* Актуальные направления развития космической робототехники / П. В. Виноградов, А. Б. Железняков, Б. А. Спасский // Робототехника и техническая кибернетика. – 2015. – № 4(9). – С. 3–12.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕДИЦИНЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Юсупова Р.И.

Казанский государственный энергетический университет
Научный руководитель: канд. техн. наук, доцент Зарипова Р.С.

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования искусственного интеллекта в медицине. Конкретно: использование в диагностике и лечении различных болезней, а также при проведении хирургических операций. Рассмотрены исследования, доказывающие эффективность внедрения искусственного интеллекта в здравоохранение, а также сделаны основные выводы о замене человеческого труда на машинный.

Ключевые слова и словосочетания: искусственный интеллект, медицина, здоровье, диагностика, исследование.

Искусственный интеллект – это область компьютерных наук, которая разрабатывает методы и алгоритмы для создания систем, способных обучаться и принимать решения на основе каких-либо данных [1]. Одной из главных перспектив в здравоохранения в современном мире является внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в медицину. ИИ может решать множество различных задач: разработка

новых лекарственных препаратов, изменение системы диагностики, повышение качества медицинских услуг и значительное снижение расходов.

Рассмотрим применение ИИ в диагностике и лечении различных болезней. Системы компьютерного зрения, которые основаны на алгоритмах искусственного интеллекта, способны анализировать медицинские изображения [2]. Например, рентгены, МРТ или УЗИ, а также помогать врачам выявлять патологии и определять степень их развития. С помощью обучения на большом объеме изображений с различными заболеваниями алгоритмы машинного обучения имеют возможность распознавать признаки, которые непосильны человеческому зрению. Такая технология не только значительно сокращает затраченное на диагностику время, но и улучшает точность выявления заболеваний человека. К примеру, исследователи из Оксфорда сумели создать нейросеть, обеспечивающую высокую точность диагностики: она смогла идентифицировать злокачественные образования на коже в 95 % случаев. Для сравнения: группа профессиональных дерматологов, состоящая из 53 человек, диагностировала их с точностью 88,9 % [3].

В области микрохирургии роботы в роли ассистентов могут стать незаменимыми помощниками и улучшить результаты операций. Они особенно подходят для процедур с повторяющимися действиями, поскольку техника не устает, в отличие от человека. По мимо этого, искусственный интеллект способен распознавать закономерности в хирургических процедурах, повышая точность управления роботами до субмиллиметровых значений [4]. Приведем пример успешного исследования, в котором участвовали 379 пациентов, прошедших ортопедические операции, с использованием девяти операционных роботов-ассистентов. Это исследование показало, что применение роботов с искусственным интеллектом в качестве ассистентов привело к пятикратному снижению осложнений по сравнению с операциями, выполненными только хирургами. То же исследование указывает, что правильное использование роботизированной хирургии с помощью искусственного интеллекта также позволяет сократить время пребывания пациентов в больнице после операции на 21 % благодаря уменьшению осложнений и ошибок в лечении. Это в свою очередь приведет к ежегодной экономии в отрасли в размере 40 миллиардов долларов.

В 2016 году состоялась программа Digital Mammography DREAM Challenge, где несколько компьютерных сетей было задействовано для

создания алгоритма на основе искусственного интеллекта, который был обучен на 640 000 цифровых маммограммах. Этот проект достиг отличных результатов, включая специфичность 0,81, чувствительность 0,80 и площадь под кривой оператора приемника 0,87, что сравнимо с результатами нижних 10 % рентгенологов. Исследование подчеркнуло потенциал искусственного интеллекта, однако маловероятно, что он полностью заменит врачей.

Искусственный интеллект является перспективной и развивающейся технологией, которая улучшает точность медицинских назначений и рекомендаций, помогает сосредоточиться на главном и не тратить время на рутинные действия, способствует уменьшению экономических затрат. Важно отметить, что медицинские работники остаются неотъемлемой частью взаимодействия с пациентами, так как они обладают не только профессиональными навыками, но и важными морально-этическими качествами, пониманием общественных ценностей. Таким образом, искусственный интеллект следует рассматривать в медицине только как инструмент, способствующий улучшению качества обслуживания и значительному уменьшению нагрузки на медицинский персонал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oracle Corporation: Что такое ИИ? – URL: <https://www.oracle.com/cis/artificialintelligence/what-is-ai/> (дата обращения: 20.05.2023).
2. Силкина О. Ю. Интеллектуальные системы в медицине / О. Ю. Силкина, Р. С. Зарипова // Интеллектуальные информационные системы: теория и практика: сборник научных статей по материалам II Всероссийской конференции. – Курск, 2021. – С. 94–101.
3. Finansovaya gazeta: Perspektivy lecheniya i diagnostiki s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta. [Financial newspaper: Prospects for treatment and diagnosis using artificial intelligence]. – URL: <https://fingazeta.ru/people/eksperty/457390> (accessed: 10.05.2022) [in Russian].
4. Хайруллин А. М. Применение моделей искусственного интеллекта в медицине / А. М. Хайруллин, Р. С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2020. – № 3 (21). – С. 40–42.

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Юсупхаджиева А.А.

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова.

Научный руководитель: преп. каф. физ. воспитания ГГНТУ

им. Миллионщикова Болотбаев Б.Р.

Аннотация. В данной статье рассматривается широкое развитие цифровых технологий в современном мире и то, чего следует ждать от искусственного интеллекта в будущем. Упадет ли рабочая сила, если ИИ будет делать все за человека? И какие проблемы помимо этого могут развиваться у человечества, если цифровизация затронет все сферы деятельности?

Ключевые слова и словосочетания: цифровые технологии, искусственный интеллект, проблемы информационных технологий, цифровое будущее.

На сегодняшний день цифровые технологии продолжают активно развиваться по всему миру. Глубокое их распространение началось значительно недавно – 15–20 лет назад. Однако за этот небольшой срок цифровизация значительно распространилась по всему миру, включая и малоразвитые страны. На сегодняшний день любая деятельность человека так или иначе связана с IT-технологиями. Эксперты задаются вопросом: что произойдет, когда нам удастся создать компьютеры, которые будут умнее нас, как это будет работать и почему это нужно делать правильно, чтобы человечество не исчезло? Являемся ли мы самым умным биологическим видом, способным создать технологическую цивилизацию?

Идея некой формы искусственного интеллекта существует с 1950-х годов, когда был создан первый цифровой компьютер, и сегодня кажется, что мы приближаемся к миру, в котором компьютеры будут такими же умными, как люди, или даже умнее. Искусственный интеллект – это в основном вопрос подачи компьютеру достаточного количества данных. ИИ относится к моделированию человеческого интеллекта с помощью компьютерных систем, компьютеру, который может «думать» сам за себя. ИИ – это универсальный инструмент, который позволяет нам более эффективно интегрировать информацию, анализировать данные и использовать идеи для улучшения процесса принятия решений.

Огромные достижения в области искусственного интеллекта происходят каждый день, роботы, автономные автомобили, чат-боты,

спам-фильтры, интеллектуальные помощники и многие другие становятся все более распространенными. Технологии движут новой волной экономического прогресса, решая многие из самых насущных мировых проблем и обеспечивая решения некоторых из самых серьезных проблем в истории человечества. Искусственный интеллект меняет информационные технологии, телекоммуникации, транспорт, здравоохранение, образование, оборону, уголовное правосудие, банковское дело, сельское хозяйство, все сферы нашей жизни. ИИ используется для создания интеллектуального компьютера, способного выполнять задачи, которые требуют только имитации человеческого интеллекта. Эти машины запрограммированы думать и действовать как люди. Распознавание речи, принятие решений и визуальное восприятие – вот некоторые из функций, которыми должен обладать ИИ, чтобы научиться рассуждать и воспринимать как человек, но без помощи человека.

Начнет ли интернет думать и сможет ли искусственный интеллект человекоподобных роботов восстать против нас? Путь к сверхразуму должен быть одинаковым, чтобы приносить пользу нам. Сверхразум должен быть результатом глобального сотрудничества, а не какой-то секретной правительственной программы. Единственный способ, который действительно может работать, – это глобальное сотрудничество, направленное на постепенное развитие сверхразума, основанного на совместной работе человечества (но мы знаем, что уже существуют некоторые превосходные секретные правительственные технологии (например, атомная бомба). Цифровые технологии – это своего рода доминирующее благо, они позволяют тем, кто владеет ими и контролирует их, оказывать влияние вне традиционных каналов политического или юридического влияния. В каждую эпоху люди боролись за «доминирующие блага», идеи и артефакты, которые позволяют одной группе доминировать над другими.

Самой опасной угрозой для человечества являются инвестиции в производство машин-убийц, военных роботов, дронов-убийц. Так что если роботизация – это будущее мира, то войны между автономными роботами и роботами-убийцами неизбежны. Гонки вооружений летального автономного оружия следует избегать, запретив его производство, что практически невозможно.

Совершенные системы искусственного интеллекта могли бы успешно укрепить свой контроль над миром, и тот, кто имеет контроль над искусственными системами, мог бы использовать их для создания

идеального состояния наблюдения (как это уже происходит). Читая все электронные письма и текстовые сообщения, прослушивая все телефонные разговоры, просматривая все видеозаписи и камеры дорожного движения, анализируя все транзакции по кредитным картам и изучая все онлайн-поведение, система ИИ могла бы иметь экстраординарное понимание того, что люди на Земле думают и делают. Анализируя данные мобильной связи, система всегда знает, где находится большинство из нас. Со сверхчеловеческими технологиями шаг от идеального государства наблюдения до идеального полицейского государства очень мал.

Как только такое тоталитарное государство будет сформировано, народу будет практически невозможно свергнуть его. Станет ли искусственный интеллект лучше, чем когда-либо прежде, или он даст нам больше власти, чем мы можем контролировать? Как мы можем помешать сверхразуму повернуться против нас?

Технический прогресс может принести множество ценных продуктов и услуг бесплатно и без вмешательства государства. Например, любой, у кого есть доступ в Интернет, получает доступ ко многим вещам бесплатно, включая бесплатные видеоконференции, обмен фотографиями, социальные сети, онлайн-курсы и множество других услуг.

Мы – хранители будущего жизни, поскольку формируем век искусственного интеллекта. Создатели сверхразума должны быть готовы критически относиться к технологиям, формирующим новый мир. Нет абсолютно никакой гарантии, что нам удастся создать общий искусственный интеллект человеческого уровня еще при жизни.

Сегодня возможности информационных технологий (ИТ) и их применение растут в геометрической прогрессии. Использование ИТ сосредоточено на критически важном оборудовании и важном программном обеспечении, которое приобретается у международных поставщиков. Это приводит к высокой вероятности предустановленных аппаратных или программных бэкдоров с сопутствующим риском компрометации личной конфиденциальности и национальной безопасности. Тайная установка микроустройств в основное оборудование на каком-то этапе производственного процесса делает возможным доступ к данным, их обработку и маршрутизацию лицом, установившим бэкдор.

Взаимосвязь между системами или автономными хранилищами данных позволяет хакерам-фрилансерам или организациям использо-

вать единую «точку входа» в одной базе данных для доступа к данным в других системах или базах данных. Внедрение «червей» и «троянов» в базы данных и серверы с целью их вывода из строя, а также требование денег за их удаление – уже признанное киберпреступление.

Институциональные и частные организации, которые владеют и контролируют современные цифровые возможности для сбора, хранения и обработки/анализа огромных объемов данных, обладают огромными возможностями для нецелевого наблюдения за населением в интересах продвижения политических или корпоративных интересов. Учитывая современные цифровые технологические возможности, отслеживать людей по их мобильным телефонам или контролировать частную жизнь с помощью встроенных цифровых устройств в домах теперь легко. Таким образом, несмотря на законы о защите данных (пока еще не принятые), вторжение в личную жизнь представляется определенным сценарием формирующейся цифровой экономики.

Киберугроза национальному государству растет по мере того как государственные, негосударственные, институциональные и внештатные противники государства становятся все более оснащенными в использовании легкодоступных наборов киберинструментов. Кибератака может быть направлена на критическую инфраструктуру или правительство, включая военных, путем удаления данных из баз данных или локального/регионального нарушения или отказа в доступе к данным посредством взлома серверов или маршрутизаторов. Кибератака может нанести сокрушительный удар по экономике, даже парализовать ее. Действительно, войны в будущем могут быть в киберпространстве.

Рост числа террористических группировок, использующих кибертехнологии, дает правительствам основания для наблюдения за населением посредством распознавания лиц или других биометрических сопоставлений, а также путем получения метаданных об использовании ими социальных сетей. Наряду с этим будет неизбежно профилирование отдельных лиц внутри населения. Оцифровка населения и сбор персональных данных для нецелевого наблюдения во имя безопасности от террористов не только посягают на неприкосновенность частной жизни, но и централизация власти и контроля посредством оцифровки общества может подготовить почву для развития полицейского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замесов М. В.* Анализ основных аспектов цифровой зрелости / М. В. Замесов, В. А. Гаранина, Е. И. Курникова // Управление бизнесом в цифровой экономике: вторая Международная конференция: сборник тезисов выступлений, 21–22 марта 2019 г. Санкт-Петербург. – 2019. – С. 132–134.
2. *Золотавин Г. А.* Цифровая трансформация управления современными предприятиями / Г. А. Золотавин // Аллея науки. – 2018. – Т. 7. – № 6 (22). – С. 547–551.
3. *Нечеухина Н. С.* Контроллинг как механизм повышения эффективности промышленного предприятия в условиях применения цифровых технологий / Н. С. Нечеухина, Н. А. Полозова, Т. И. Буянова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2017. – № 4. – С. 176–186.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Янголь Ю.Г., Евтушенко Н.С.

Новосибирский государственный технический университет
Научный руководитель: канд. филос. наук Сандакова Л.Б.

Аннотация. В данной статье рассматриваются мировоззренческие основания проблематизации идеи социального прогресса. Показана необходимость обращения к содержанию идеологии «социальный прогресс», а также зафиксирована неразрывная связь процессов прогресса и регресса в общественном развитии.

Ключевые слова и словосочетания: социальный прогресс, регресс, мировоззрение, идеология «прогресс», ценности.

Прогресс и регресс выступают как два противоположных, разнонаправленных и в то же время взаимосвязанных понятия, поскольку свидетельствуют об изменении сущности объекта. Прогресс предполагает переход к более высоким формам развития, усложнение. Регресс, напротив, означает деградацию, переход от более высоких и сложных форм к низким. Всякий научный и технический прогресс предполагает изменение, развитие, но не всякое развитие можно считать прогрессом для человека. С приходом новых технологий, облегчающих жизнь человека, появляется «потребительское» общество, которое с легкостью

отказывается от традиций, теряет духовные ценности и становится зависимым. С каждым годом наука наращивает скорость в создании новых, современных и востребованных технологий, которые полезны и даже необходимы для социума, но, с другой стороны, являются источниками потенциальных опасностей. Дискуссии о социальном прогрессе становятся все более напряженными, поскольку данная идеология важна для функционирования общества.

В данной работе предпринята попытка выявления мировоззренческих оснований для критического анализа в дискуссиях о социальном прогрессе.

Идея социального прогресса, кажущаяся такой простой, понятной и привлекательной, на деле сложна и имеет свою историю развития. Серьезная заслуга в критическом и историческом анализе этой идеи принадлежит американскому социологу Роберту Нисбету. В своей книге «Прогресс: история идеи» (History of the Idea of Progress, 1980 г.) он рассматривает происхождение, развитие и триумф идеи прогресса, обращаясь к традиции социально-философской мысли, начиная с эпохи античности.

Происхождение идеи прогресса Нисбет усматривает в соединении некоторых античных представлений с ранним христианством. Среди значимых представлений следует указать зафиксированные А. Лавджоем: о закономерности стадийного развития (когда все живое закономерно, с необходимостью переходит с более низких стадий развития на более высокую), о постоянстве законов бытия во времени (законы, господствовавшие в прошлом, будут господствовать и в будущем) [4, с.35]. Также античность сформировала идею о том, что лучшее будущее возможно при наличии знаний, их накоплении и определенных усилиях в направлении улучшения со стороны людей [4, гл. 1]. На заре средневековья в учениях отцов церкви, главным образом у Св. Августина, идея социального прогресса была доведена до наиболее разработанной формы: введены такие понятия «как всечеловеческое единство, историческая необходимость, идея прогресса как развертывания в веках некоего замысла, существующего от начала времен», «доведение к будущему», подчеркивается значимость духовного совершенствования [4, с. 97].

Триумф идеи прогресса приходится на XVIII век – эпоху Просвещения и бурных социально-политических и экономических трансформаций. Мыслители просвещения за редким исключением, вроде

Ж.-Ж.Руссо, были уверены, что социальный прогресс связан с ростом научного знания и расширением различных свобод человека. Эти же ценности связывает с идеей прогресса и Стивен Пинкер в своей недавней книге «Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса» [6]. Книга встретила много разных откликов, в том числе справедливую, как представляется, критику по поводу выбранных автором количественных маркеров прогресса – статистических показателей улучшения условий жизни, здравоохранения и т. п., тогда как экзистенциальные угрозы современности Пинкер считает «бесполезными категориями», а не основаниями критики прогресса.

Здесь мы обнаруживаем подмену содержания идеи прогресса, на которую указывал Нисбет, выделяя две идейные линии в этой концепции: 1) прогресс как постоянное накопление культурных благ по мере продвижения от прошлого к будущему; 2) вера в золотой век морали и духовности, который должен наступить в будущем [4, с. 139]. Ценности разума, науки и гуманизма Пинкер переносит исключительно в сферу материального благополучия, комфорта и безопасности. Схожую позицию в своих ранних работах занимал французский социолог Р. Арон, сводя прогресс к чисто количественным накоплениям. Однако после майско-июньских событий 1968 года во Франции его позиция изменилась, и в 1969 году вышла книга «Разочарование в прогрессе», где Арон указывает на рост неравенства, разрушение традиционной семьи, неравномерное развитие государств, гонку вооружений и другие серьезные социальные проблемы, ставящие под сомнение идею прогресса [3].

Собственно, критика идеи прогресса, начиная с Ж.-Ж.Руссо, строилась на выявлении внутренних противоречий и негативных последствий тех изменений, которые мы называем прогрессом. И это не только постмодернистская критика, которую Пинкер считает одним из главных врагов прогресса (именно в постмодернизме осуществлялась последовательная деконструкция классического рационализма, идеалов Просвещения и веры в бесконечный социальный прогресс). Так, представитель философии персонализма Ж. Лакруа и экономист М. Фридман утверждали, что человечество начало духовно разлагаться. Даже автор теории постиндустриального общества, социолог и публицист Д. Белл, выразил глубокое сомнение в том, что человечество развивается прогрессивно, поскольку отсталые страны все больше и больше отстают: «В Африке восьмидесятых годов жили хуже, чем

в Африке семидесятых, а в Африке девяностых хуже, чем в Африке восьмидесятых...» [1, с. 5]. Экономист Т. Пикетти отмечает, что социальная система современного общества содержит элементы регресса и упадка внутри себя, что сдерживает прогресс социума, доводя его нередко до кризисного состояния. Пока капиталистическое общество олигархического периода не будет реформировано, подобные явления будут сохраняться, тем более что кризис современной постиндустриальной цивилизации получил глобальные масштабы, через который прогресс просматривается в минимальных размерах [5, с. 575]. Игорь Вайсман в «Трактате об обязанностях» считает, что «Регресс человечества, отрицательный естественный отбор и перспектива всеобщего конца – результат главным образом неправильно выбранного общего направления развития – непрерывного улучшения комфортных условий жизни» [2, с. 97]. Человечество с помощью научных знаний и техники освобождает себя все больше от необходимости решать сложные задачи, постоянно развивать свои навыки и даже просто напрягаться.

Таким образом, в XX веке стало очевидным, что прогрессивное социальное развитие неизбежно связано с регрессом, который может выражаться, например, в разложении социальных связей, в разрушении традиционных норм, в утрате материальных и духовных ценностей.

Выводы. 1. В идее социального прогресса заложены онтологические представления (о развитии, его направленности и законах), антропологические представления (о сущности и существовании человека), ценности «заботы о будущем» и «совершенствования» в перспективе некоторой универсальной цели, «разума» и «свободы». Интерпретация этих мировоззренческих конструктов может быть различной. 2. Процесс социального развития предполагает прогрессивные и регрессивные изменения. 3. Поскольку понятие «прогресс» является важной идеологемой функционирования общества, важно: а) обращать внимание на содержательное наполнение этого понятия, поскольку оно исторически трансформируется; б) выявлять и анализировать регрессивные тенденции как неизбежную составляющую развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Африка после 2000 г. / Д. Белл // Комментарий № 69. – 1995.
2. Вайсман И. Трактат об обязанностях. Всеобщая Декларация обязанностей человека / И. Вайсман. – 2022. – 160 с.

3. *Гобозов И. А.* Р. Арон – крупный французский мыслитель XX века / И. А. Гобозов// *Философия и общество*. – 2014. – № 2 (74). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/r-aron-krupnyu-frantsuzskiy-myslitel-xx-veka> (дата обращения: 02.05.2023).

4. *Нисбет Р.* Прогресс: история идеи / Р. Нисбет. – Москва : ИРИСЭН, 2007. – 557 с.

5. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – Москва : Ad Marginem, 2015. – 592 с

6. *Пинкер С.* Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса / С. Пинкер; пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2021. – 623 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Альшевский Эдуард Владимирович, старший преподаватель, СибУПК.

2. Вихман Виктория Викторовна, канд. техн. наук, канд. пед. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

3. Габец Полина Сергеевна, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет.

4. Данилкова Марина Петровна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

5. Зайцева Татьяна Ивановна, канд. филос. наук, доцент, кафедра истории и политологии НГТУ.

6. Игнатьев Владимир Игоревич, д-р филос. наук, профессор, кафедра СиМК НГТУ.

7. Котова Анастасия Викторовна, канд. филол. наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины».

8. Куценко Сергей Владимирович, д-р филос. наук, канд. истор. наук, доцент, кафедра истории и политологии НГТУ.

9. Миндигулова Арина Александровна, старший преподаватель, кафедра философии НГТУ.

10. Малов Егор Андреевич, канд. социол. наук, директор научно-образовательного центра «Профит», кафедра социологии и массовых коммуникаций НГТУ.

11. Моргунов Георгий Вадимович, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

12. Новоселов Виктор Геннадьевич, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

13. Поздеева Елена Геннадиевна, канд. социол. наук, доцент, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет.

14. Пронер Нина Сергеевна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

15. Ромм Марк Валериевич, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии НГТУ.

16. Сандакова Людмила Борисовна, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии НГТУ.

17. Хандогин Руслан Викторович, ассистент, кафедра философии НГТУ.

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИИ

Сборник научных статей по докладам XVII Всероссийских Копыловских чтений

Под редакцией М.В. Ромма, В.И. Игнатьева, В.Г. Новоселова, Л.Б. Сандаковой

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *И.Е. Семенова*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *Н.В. Гаврилова*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
Издание соответствует коду 95 3000 ОК 005-93 (ОКП)

Подписано в печать 16.05.2024. Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная
Тираж 30 экз. Уч.-изд. л. 15,81. Печ. л. 17,0. Изд. № 48. Заказ № 129
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20